

КРАТКІЙ КУРСЪ
ИСТОРИИ ВОЕННАГО ИСКУССТВА

ВЪ

СРЕДНІЕ и НОВЫЕ ВѢКА

ЧАСТЬ I.

Исторія военного искусства въ ередніе вѣка.

СОСТАВИЛЪ

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ

Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба

Полковникъ Гейсманъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова Владимірскаій просп., № 12.
1893.

Печ. по распоряж. Начальника Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Вступленіе	1
Глава I	16
Глава II	32
Глава III	50
Глава IV	68
Глава V	83
Глава VI	98
Глава VII	119
Глава VIII	139
Заключительные выводы	159

О П Е Ч А Т К А.

На страницѣ 50 въ строкѣ 3 сверху вмѣсто словъ „*финско-турско-славянское племя*“ слѣдуетъ читать: „*финское, а по имени турско-славянское племя*“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданіе настоящаго курса является слѣдствіемъ настоятельной необходимости снабдить офицеровъ, обучающихся въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, возможно болѣе сжатымъ очеркомъ развитія *всеобщаго военнаго искусства*, въ видахъ достиженія возможности: во-первыхъ, удѣлить надлежащее время для изученія *русскаго военнаго искусства* и, во-вторыхъ, довести изученіе того и другаго *до нашихъ дней*. Съ этой точки зрѣнія приходится считаться прежде всего съ отсутствіемъ у слушателей Академіи возможности пользоваться вполне прекрасными, но слишкомъ обширными руководствами бывшаго профессора *А. К. Пузыревскаго* по исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка, въ эпоху Густава-Адольфа и въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго. Затѣмъ, задача становится еще болѣе трудною въ виду того, что по исторіи всеобщаго военнаго искусства отъ наполеоновской эпохи до нашихъ дней не имѣется соотвѣтствующихъ руководствъ, ибо нельзя считать таковыми военно-историческія сочиненія, хотя и отличающіяся высокими достоинствами, но преслѣдующія преимущественно особыя спеціальныя цѣли.

Настоящая часть предполагаемаго очерка развитія военнаго искусства предназначается собственно для слушателей Академіи, которымъ, однако, мы считаемъ долгомъ рекомендовать ознакомиться въ возможно большей степени и съ соотвѣтствующимъ руководствомъ А. К. Пузыревскаго. Соотвѣтствующіе совѣты относительно исторіи военнаго искусства въ новые вѣка будутъ нами даны при выходѣ въ свѣтъ послѣдующихъ частей курса.

Вопреки мнѣнію извѣстнаго автора «Всеобщей военной исторіи среднихъ временъ», мы заканчиваемъ средніе вѣка не началомъ XVII, но концомъ XV столѣтія, т. е. придерживаемся дѣленія, принятаго во всемірной исторіи, но не по тѣмъ соображеніямъ, которыя опровергаются княземъ *Н. С. Голицынымъ*, а на томъ основаніи, что къ концу XV вѣка совершилось *возрожденіе тьхоты*, которое совпало и находилось въ связи съ ниспроверженіемъ феодалной системы, съ усиленіемъ монархической власти и т. д., и съ этихъ поръ сдѣлалось возможнымъ дальнѣйшее развитіе народовъ и обществъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ отношеніи военнаго дѣла и военнаго искусства.

Нѣкоторыя различія въ изложеніи фактической стороны дѣла между настоящимъ трудомъ и руководствомъ нашего предмѣстника по каедрѣ являются слѣдствіемъ того, что мы пользовались, кромѣ его трудовъ и важнѣйшихъ изъ приводимыхъ имъ источниковъ и пособій, еще нѣкоторыми другими, относящимися преимущественно къ развитію военнаго дѣла у византійцевъ и славянъ. Въ ряду этихъ источниковъ выдающееся мѣсто принадлежитъ сочиненію византійскаго императора *Маерикія* (582—602) о военномъ искусствѣ

«Стратегиконъ», къ сожалѣнію оцѣненному болѣе или менѣе неправильно Карріонъ-Низасомъ, княземъ Голицынымъ и другими писателями, обратившими болѣе серьезное вниманіе на компилятивный трудъ византійскаго же императора *Льва VI Философа* (886—911), которому мы придаемъ несравненно меньшее значеніе. Сочиненіемъ Маврикія, имѣющимъ значеніе какъ бы первоисточника, мы пользовались въ латинскомъ его текстѣ (напечатанномъ рядомъ съ греческимъ), благодаря любезному содѣйствію профессора с.-петербургскаго университета *В. И. Ламанскаго*, которому считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность за его указанія и совѣты.

Настоящій трудъ появляется въ печати въ качествѣ исполненія первой части задачи, данной намъ начальствомъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, а потому преслѣдуетъ вышеуказанную спеціальную цѣль. Если тѣмъ не менѣе онъ обратитъ на себя вниманіе сверхъ того и офицеровъ нашей арміи, интересующихся исторіею развитія того дѣла, которому они себя всецѣло посвящаютъ, то это явится осуществленіемъ, не смѣемъ сказать, нашихъ надеждъ, но, во всякомъ случаѣ, нашего искренняго желанія служить общему дѣлу по мѣрѣ силъ и возможности.

Авторъ.

РУКОВОДСТВА, ПОСОБІЯ И ИСТОЧНИКИ,

которые могут быть рекомендованы при изученіи исторіи
военнаго искусства въ средніе вѣка.

1) А. Пузыревскій. *Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка* (V—XVI столѣтія). Части I и II. Съ атласомъ. С.-Петербургъ. 1884.

Съ этого руководства должно начинать изученіе и постоянно съ нимъ справляться, ибо оно въ высшей степени важно въ отношеніи группировки данныхъ и освѣщенія, проливающего надлежащій свѣтъ на несправедливо игнорируемые средніе вѣка въ военномъ отношеніи, и притомъ освѣщенія многосторонняго, основаннаго на знакомствѣ съ литературою предмета въ самомъ обширномъ смыслѣ.

Этому руководству принадлежитъ, безспорно, первое мѣсто въ русской военной литературѣ по отношенію къ среднимъ вѣкамъ и весьма почетное мѣсто во всеобщей военной литературѣ.

2) Князь Н. С. Голицынъ. *Всеобщая военная исторія среднихъ временъ*. С.-Петербургъ. 1876—1878.

Не взирая на нѣкоторыя погрѣшности въ смыслѣ отсутствія въ иныхъ случаяхъ исторической достовѣрности, этотъ обширный трудъ все таки имѣетъ весьма важное значеніе, какъ вслѣдствіе богатства своего содержанія, такъ и въ виду находящейся въ немъ классификаціи громаднаго числа источниковъ и историческихъ пособій на различныхъ языкахъ.

3) Остальные источники, иностранные и русские, упоминаемые и рекомендуемые *А. К. Пузыревскимъ*.

4) **Плано-Карпини**. *Путешествіе къ татарамаъ*.

5) **Иванинъ**. *О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіятскихъ народовъ при Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ*. Изд. кн. *Н. С. Голицына*. Спб. 1875.

6) **Марковъ**. *Исторія конницы*. Часть 2-я. Тверь. 1886.

7) **Васильевскій**. а) *Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополь XI и XII вѣковъ*. б) *Русско-византійскіе отрывки*.

8) **Масловскій**. *Изъ исторіи военного искусства въ Россіи*. Воен. Сборт. 1881 г. №№ 8 и 9.

9) **Русская военная сила**. Изданіе 1-е, *И. Н. Кушнерева* (составлено группою офицеровъ Генеральнаго штаба въ Москвѣ). Москва. 1888. Выпуски I и II. Изданіе 2-е, *И. Н. Кушнерева* и *А. Е. Пирогова*, исправленное и дополненное подъ редакціею ген. шт. ген.-м. *А. Н. Петрова*. Томъ I. Москва. 1892.

10) Сочиненія историковъ: русскихъ **Карамзина** и **Иловайскаго**, польскихъ **Нарушевича**, **Лелевеля**, **Бобржинскаго** и **Шуйскаго** и чешскаго **Томека**.

11) **Szajnocha Karol**. *Dzieła. Fadziga i Fagietto*.

12) **Rogalski S.** *Dzieje Krzyżaków*. 1846.

13) **Arriani tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim**. *Omnia nunquam ante publicata, Graece primus edit, Versione Latina Notisque illustrat Joannes Schaefferus Argentoratensis*. Upsalae. Anno MDCLXIV. Изъ бібліотеки Залускаго, а нынѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

14) **Манассіи Константина** греческая лѣтопись, писанная около 1350 г., переведенная на «словенскій» языкъ и поднесенная неизвѣстнымъ переводчикомъ Іоанну Александру, Царю Болгарскому и «Греческому» († 1353). «Словенскій» переводъ этой лѣтописи хранится въ Ватиканской бібліотекѣ (по каталогу Маіо № 2).

Приложенія: Двѣ картины: а) *Сраженіе между Руссами* (подъ предводительствомъ *Великаго Князя Святослава*) и *Болгарами*

въ 967 году. б) *Входъ Великаго Князя Святослава въ Дрестръ (Доростолъ) послѣ разбитія Болгаръ на берегу Дуная въ 967 году.*

15) Краткое собраніе **Лва Миротворца** Августѣйшаго Греческаго Кесаря показующее дѣль воинскихъ обученіе отъ латинскаго языка на славянороссійскій достовѣрнѣ переведено по указу Пресвѣтлѣйшаго и Великаго Государя нашего Царя Государя и Великаго Князя **Петра Аленсевича**, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. Напечатася въ Амстеродамѣ. 1700.

16) **Lebeau**. *Histoire du Bas—Empire*. Nouvelle édition revue entièrement, corrigée et augmentée d'après les historiens orientaux par *M. de Saint-Martin*, continuée par *M. Brosset* jeune. Paris. MDCCCXXXVI.

17) **Capefigue**. *Histoire de Philippe—Auguste*. Ouvrage couronné par l'Institut. Paris. 1829. 4 tomes.

18) **Cantu César**. *Histoire universelle* soigneusement remaniée par l'auteur et traduite sous ses yeux par *Eugène Aroux* et *Piersilvestro Léopardi*. Paris 1847.

19) **Шлоссеръ**. *Всемирная исторія*. Русскій переводъ. Спб. 1861 и т. д.

Вступленіе.

Никакая наука не можетъ научить, какъ примѣнять къ дѣлу ея положенія въ различныхъ частныхъ случаяхъ; это обрисовывается особенно рельефно, если эти частные случаи могутъ разнообразиться до безконечности, какъ это и замѣчается по отношенію къ обстановкѣ въ военномъ дѣлѣ. Въ виду этого, *военная наука*, понимая ее въ обширномъ смыслѣ, или, иначе говоря, теорія военного искусства, или *военное искусство, какъ наука*, не давая безусловныхъ правилъ на всѣ случаи, можетъ лишь установить *принципы* или вѣчно неизмѣнныя основныя начала, которыя были прежде, суть теперь и будутъ представлять и впредь ничто иное, какъ руководящія основанія въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ, подлежащихъ *военному искусству, какъ практическому дѣлу*.

Главная задача военного искусства, понимаемаго въ послѣднемъ смыслѣ, сводится къ искусному употребленію войскъ и вообще всѣхъ средствъ, имѣющихся для веденія войны, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на полѣ сраженія, въ видахъ достиженія цѣли войны въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями.

Такимъ образомъ, военное искусство, какъ *наука*, и военное искусство, какъ *практическое дѣло*, должны идти рука объ руку; связь же между ними основана на томъ, что наука устанавливаетъ основныя начала, регулирующія рѣшеніе вопросовъ, входящихъ въ сферу дѣйствій практическаго дѣла.

Свѣдѣнія, необходимыя для яснаго пониманія всего относящагося къ военному дѣлу, могутъ быть изложены въ весьма разнообразныхъ формахъ, изъ коихъ серьезное научное значеніе принадлежитъ формамъ исторической и философской.

Историческая форма, являясь даже въ видѣ *фактической исторіи*, сводящейся къ простому разсказу, можетъ способствовать раскрытію существенной стороны дѣла, если только

она сумѣетъ изложить событія настолько обстоятельно и живо, чтобы дать читателю возможность вѣрно ихъ оцѣнить. Еще болѣе серьезное значеніе принадлежитъ *критической исторіи*, которая къ обстоятельному и живому изображенію событій присоединяетъ вѣрную ихъ оцѣнку и отмѣчаетъ особенно поучительныя стороны фактовъ.

Философская или *догматическая* форма, не прибѣгая ни къ какимъ образамъ, беретъ лишь сущность дѣла, идею и подвергаетъ ее всестороннему анализу, причемъ нисколько не заботится о представленіи ея въ формахъ осязательныхъ и предоставляетъ воплощеніе ея въ образы самому читателю.

Строго говоря, философская форма есть наиболѣе совершенная, но полезное значеніе можетъ быть признано за нею лишь въ томъ случаѣ, если къ ней подходятъ путемъ естественнымъ, путемъ анализа; если же кто-либо, обходя скучную аналитическую сторону дѣла, переходитъ прямо къ философской, то подобная философія есть вѣрнѣйшій путь къ бесполезному резонерству и къ опасному верхоглядству. Избѣжать подобной философіи можно лишь посредствомъ сочетанія философіи съ исторіею или посредствомъ критико-историческаго способа изслѣдованія.

Эти общіе выводы справедливы и въ примѣненіи къ военному дѣлу. И тутъ регулирующее значеніе принадлежитъ *военной исторіи*, которая, воплощая извѣстныя идеи въ образы и тѣмъ облегчая ихъ усвоеніе, спасаетъ отъ безусловныхъ выводовъ и системъ, предостерегаетъ отъ одностороннихъ заключеній и заставляетъ относиться съ полнымъ уваженіемъ къ обстановкѣ, которая играетъ на войнѣ первостепенную, рѣшающую роль. Военная исторія представляетъ отдѣлъ теоріи военного искусства, способствующій практическому его *изученію* и даже приобрѣтенію *умныхъ* воспользоваться въ извѣстный моментъ всѣми имѣющимися средствами для достиженія цѣли войны, т. е. до нѣкоторой степени восполняетъ недостатокъ личнаго опыта. Въ то же время она является богатѣйшею и неисощимою сокровищницею для всѣхъ остальныхъ отдѣловъ теоріи военного искусства.

Но изученіе всей военной исторіи для одного человѣка представляетъ непосильную задачу, вслѣдствіе чего приходится ограничиваться изученіемъ лишь важнѣйшихъ эпохъ или даже моментовъ, т. е. изученіемъ не цѣлаго, а лишь нѣкоторыхъ

его частей. Для того же, чтобы тѣмъ не менѣе имѣть сколько-нибудь удовлетворительное представленіе объ этомъ цѣломъ, необходимо изучить *исторію военнаго искусства*, задача которой заключается въ изслѣдованіи хода развитія военнаго искусства, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ, и тѣхъ причинъ, которыми обуславливалось это развитіе.

Такимъ образомъ, задача спеціальной исторіи военнаго искусства сходна съ задачей общей исторіи, занимающейся изслѣдованіемъ хода развитія народовъ и обществъ или всего человѣчества. Обѣ эти исторіи находятся въ тѣсной связи между собою. Поэтому, въ видахъ достиженія наиболѣе полныхъ и всестороннихъ выводовъ, необходимо изучать параллельно исторію военнаго искусства съ исторіею развитія народовъ и обществъ; въ противномъ случаѣ неполнота изученія и освѣщенія будетъ имѣть слѣдствіемъ узкость взглядовъ и односторонность или недостаточную многосторонность заключительныхъ выводовъ.

Какъ всеобщая исторія, такъ и исторія военнаго искусства, не давая особенно грандіознаго свода законовъ, могутъ указать лишь *законы историческаго развитія*, каждая въ принадлежащей ей сферѣ, но и относительно этихъ законовъ нужно быть осторожнымъ. При выводѣ ихъ изъ группировки массы явленій, составляющихъ достояніе исторіи, ошибались нерѣдко величайшіе мыслители, а объ остальныхъ изслѣдователяхъ и говорить нечего. Какъ вслѣдствіе этого, такъ въ особенности вслѣдствіе большаго числа и разнообразія взглядовъ, образовался въ сферѣ всемірной исторіи такой лабиринтъ, изъ котораго безъ руководящей нити выпутаться невозможно. Въ данномъ случаѣ можно допустить, что послѣднее слово принадлежитъ такъ называемой *теоріи культурно-историческихъ типовъ*, съ которою можно познакомиться по трудамъ ея творца, нашего соотечественника Николая Яковлевича Данилевскаго и его комментатора, историка К. Н. Бестужева-Рюмина. Исторіи военнаго искусства приходится, отчасти, испытывать участь своей старшей сестры, всемірной исторіи; мы говоримъ отчасти, потому что задача ея легче и потому что, говоря сравнительно, въ отношеніи вывода законовъ историческаго развитія, она скорѣе попала на путь, долженствующій привести ее къ познанію истины.

Въ исторіи военнаго искусства нѣтъ эпохи, которая не

имѣла-бы научнаго значенія; времена наибольшаго упадка военнаго искусства также поучительны, какъ и времена самаго широкаго его развитія; только изучая тѣ и другія, можно уяснить причины, способствовавшія развитію военнаго искусства или его паденію, и на этомъ построить извѣстные выводы.

Обратиться непосредственно къ *среднимъ вѣкамъ* невозможно: необходимо сдѣлать предварительно шагъ назадъ и оцѣнить наслѣдіе, которое получается въ этомъ случаѣ отъ исторіи военнаго искусства въ древніе вѣка.

Изъ всѣхъ древнѣйшихъ народовъ Азіи и Африки болѣе другихъ замѣчательны *персы*, основавшіе громадную монархію, имѣвшую въ свое время мировое значеніе. До Кира персы составляли немногочисленный народъ, подвластный сначала ассирійскому, а зачѣмъ мидійскому царству (и отличавшійся простыми, суровыми, мужественными и воинственными нравами). Право носить оружіе и заниматься войною принадлежало благородному сословію, которое, будучи подготовляемо къ военному званію общественнымъ воспитаніемъ, отличалось храбростью, способностью къ войнѣ и воинственнымъ духомъ. Съ этою отборною частью своего народа Киръ совершилъ свои завоеванія. Войско это отличалось преданностью своему государю, строгимъ воинскимъ порядкомъ и дисциплиною. По мѣрѣ завоеваній, это войско было усиливается войсками покоренныхъ народовъ и составило ядро вооруженныхъ силъ персидской монархіи. Непомѣрное увеличеніе этихъ силъ въ численномъ отношеніи имѣло слѣдствіемъ пониженіе качественной стороны собственно персидскихъ войскъ, которыя заразились пороками завоеванныхъ народовъ и, предавшись роскоши и жизненнымъ наслажденіямъ, мало по малу утратили прежнія доблести, хорошее устройство и воинственный духъ и стали клониться къ нравственному разстройству и упадку. *Киръ* (560—529) умѣлъ умѣрять вредное вліяніе новыхъ нравовъ и обычаевъ неослабнымъ соблюденіемъ строгаго воинскаго порядка въ своихъ войскахъ, но при его преемникахъ зло стало быстро развиваться, такъ что при Даріѣ I Гистаспѣ (522—486) персы уже не могли состязаться съ греками, не смотря на то, что обладали подавляющимъ превосходствомъ въ силахъ.

Греки хотя и заимствовали военныя учрежденія у восточ-

ныхъ народовъ, но сообщили имъ рѣзкій отпечатокъ своей народности и съ теченіемъ времени усовершенствовались ихъ въ духѣ этой народности. Народныя войска греческихъ государствъ, составленныя изъ свободныхъ гражданъ, одушевленныхъ любовью къ родинѣ и отлично приготовленныхъ къ исполненію обязанностей вопновъ общественнымъ воспитаніемъ, стояли неизмѣримо выше современныхъ имъ персидскихъ войскъ въ нравственномъ, т. е. собственно въ духовномъ отношеніи. Поэтому они одержали верхъ надъ персами и приостановили ихъ наступательное стремленіе въ Европу, но не могли воспользоваться своими успѣхами, такъ какъ силы ихъ были разрознены, вслѣдствіе раздѣленія Греціи на множество мелкихъ государствъ-республикъ, внутри которыхъ происходила постоянная борьба партій и внѣшніе интересы которыхъ постоянно сталкивались другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, въ Греціи постоянно происходили братоубійственныя междоусобныя войны, которыя имѣли крайне невыгодное значеніе въ нравственномъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особенно гибельна была по своимъ послѣдствіямъ Пелопонезская война, которая разорила и истощила Грецію во всѣхъ отношеніяхъ и имѣла слѣдствіемъ роскошь, развращеніе нравовъ и распространеніе между греками обычая служить наемниками даже въ чужестранныхъ войскахъ противъ своего отечества. Это отразилось на составѣ греческихъ войскъ, которыя превратились изъ народныхъ въ наемныя и сильно ухудшились въ качественномъ отношеніи.

Все это совершилось въ сравнительно небольшой промежутокъ времени. Въ 479 году происходитъ сраженіе при Платеѣ, въ которомъ греки блистательно доказываютъ превосходство своихъ народныхъ войскъ надъ войсками персидскими, и въ томъ же столѣтіи, съ 431 до 404 года, происходитъ Пелопонезская война, имѣвшая столь пагубное для Греціи значеніе. Какова же причина столь быстрого нравственнаго разстройства Греціи? Причина эта кроется въ беспорядочности политической организаціи всей Греціи вообще и отдѣльных греческихъ республикъ въ частности. Говоря фигурально, Греція представляла большое число туловищъ многоголовыхъ или вѣрнѣе безголовыхъ. Главною болѣзью Греціи было отсутствіе единства и сильной центральной власти, которыя сдѣлали бы ее устойчивымъ политическимъ орга-

низмомъ и направили-бы ея силы на огражденіе независимости и всѣхъ вообще правильно понимаемыхъ интересовъ Греціи.

Намъ могутъ возразить, что былъ вѣдь въ Греціи судъ амфиктіоновъ, т. е. какъ-бы обще-греческій третейскій судъ. На это мы отвѣтимъ, что подобный судъ, не опиравшійся ни на какую силу, не былъ обязателенъ и не имѣлъ сколько-нибудь существеннаго значенія. Попытки къ образованію подобной центральной власти были произведены по-очередно тремя греческими республиками: аѣинскою, спартанскою и оиванскою, но такъ какъ эти республики сами въ себѣ не имѣли достаточно внутренней силы, то и не могли достигнуть своей цѣли: хотя онѣ и захватывали первенство, но пользовались имъ не долго и черезъ нѣсколько времени теряли его безвозвратно. Наконецъ, когда всѣ три государства (аѣинское, спартанское и оиванское) оказались неспособными къ объединенію всѣхъ греческихъ государствъ, то начался еще болѣе жалкій періодъ существованія Греціи, періодъ нравственнаго ея оскудѣнія и борьбы мелкихъ интересовъ. Если-бы, послѣ смерти Эпамипонда (362 г.), кому-нибудь изъ передовыхъ грековъ того времени предложить вопросъ о соединеніи всѣхъ грековъ для осуществленія завѣтнаго ихъ идеала—покоренія Персіи, то онъ счелъ-бы эту мысль неосуществимой мечтой. Но замѣчательно, что именно въ это время эта-то мысль и зародилась въ головѣ *Филиппа*, талантливаго и молодого царя той самой Македоніи, которую греки считали варварскою страной, но которая, благодаря сохранившимся въ ней патріархальнымъ чертамъ древне-греческаго быта, благодаря своему монархическому образу правленія, имѣла болѣе нравственныхъ (духовныхъ) силъ, чѣмъ всѣ греческія республики, вмѣстѣ взятія. Въ 338 году, при Херонѣѣ, превосходство македонянъ надъ греками въ нравственномъ отношеніи выказалось въ полномъ блескѣ, послѣ чего македонскіе цари сдѣлались верховными предводителями греческаго союза и направили всѣ силы соединенной Греко-Македоніи противъ Персіи. Среди этихъ силъ выдающееся мѣсто принадлежало отличной по своимъ качествамъ и крѣпкой духомъ македонской арміи, которая вдохнула новыя силы и въ греческія войска.

Преемникъ Филиппа, *Александръ Великій* (336—323),

одинъ изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, блистательно воспользовался отличными качествами греко-македонскихъ войскъ, разбилъ громадную персидскія полчища, покорилъ огромную персидскую монархію и нѣкоторыя сопредѣльныя съ нею страны и основалъ новую монархію, еще болѣе обширную, чѣмъ персидская, и имѣвшую еще большее міровое значеніе вслѣдствіе того, что ядромъ ея былъ образованный греко-македонскій элементъ. Но что же произошло съ самими македонянами? Подобно персамъ и они расплылись въ массѣ покоренныхъ имъ народовъ (въ Азіи) и утратили свои отличныя качества и духовныя силы, чему много содѣйствовали войны между полководцами-честолюбцами, бывшими сподвижниками Александра, стремившимися къ захвату верховной власти. Разъ арміи стали заниматься рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ, подчиняясь вліянію того или другаго честолюбиваго полководца, государственный организмъ сдѣлался непрочнымъ. Монархія Александра распалась на нѣсколько новыхъ государствъ, которыя являлись пародіею на государство Филиппа и Александра Великаго. Эти новыя государства, не исключая и Македоніи, были уже болѣе или менѣе слабы въ моральномъ отношеніи, что отражалось и на ихъ вооруженныхъ силахъ, и на способѣ веденія войны, и на томъ направленіи, въ которомъ совершенствовалось военное искусство. Арміи этихъ государствъ состояли исключительно изъ наемниковъ; качества ихъ были хуже, что заставило увеличить ихъ численность. Въ составѣ полевыхъ войскъ появляются метательныя орудія (баллисты и катапульты) не для одного лишь очищенія тѣснинъ и береговъ рѣкъ, но и въ большихъ сраженіяхъ на ровной мѣстности. Наконецъ, въ составѣ этихъ же армій появляются слоны, что заимствовано отъ восточныхъ народовъ. Александръ пренебрегалъ всѣми этими средствами, что вполне понятно, такъ какъ въ его арміи наиболѣе сильною стороною былъ духовный элементъ. Теперь же, когда нравственныя качества войскъ стали хуже, поневолѣ выступаетъ сильнѣе элементъ вещественный. Это время особенно содѣйствовало успѣхамъ фортификаціи и полиорцетики, которыя достигли высокой степени совершенства, благодаря успѣхамъ грековъ въ математическихъ наукахъ и благодаря личнымъ фортификаціоннымъ и полиорцетическимъ дарованіямъ многихъ строителей и полководцевъ. Но это раз-

вите силъ вещественныхъ не могло вознаградить потери силъ духовныхъ. Между тѣмъ появился новый народъ, отличающійся блистательными военными способностями, одушевленный любовью къ родинѣ (какъ нѣкогда греки) и превосходящій въ нравственномъ отношеніи македонянъ и грековъ, не говоря уже о народахъ востока. Очевидно, что всѣ эти разслабленные народы должны были пасть въ борьбѣ со свѣжими и болѣе крѣпкими духомъ *римлянами*. Кто хочетъ убѣдиться въ неизбѣжности успѣха римлянъ надъ греко-македонянами, тотъ долженъ изучить исторію этихъ народовъ. Военному человѣку это понять не трудно: ему необходимо, уразумѣвъ сущность военныхъ учрежденій римскихъ и греко-македонскихъ, уяснить себѣ характеръ греко-македонской и римской тактики. Греческой и македонской тактикѣ, съ ихъ центромъ тяжести *фалангою*, былъ присущъ характеръ пассивный, тогда какъ тактика римская имѣла характеръ наступательный, активный; выразителемъ этого характера былъ прерывчатый боевой порядокъ римскаго *легиона* въ нѣсколько линій, доставлявшихъ другъ другу взаимную поддержку, причемъ небольшія части легиона должны были состоять изъ воиновъ безусловно доблестныхъ и готовыхъ пожертвовать собою въ борьбѣ за отечество. И такъ, борьба римлянъ съ греко-македонянами сводилась къ борьбѣ римскаго легиона съ греко-македонскою фалангою, элемента активнаго съ элементомъ пассивнымъ, силы нравственной (духовной) съ силою вещественною. Успѣхъ остался и долженъ былъ остаться за римлянами, т. е. на сторонѣ силы духовной.

Кто хочетъ это уразумѣть, пусть вдумается въ сраженія при Кинокефелахъ (194 г.) и при Пиднѣ (168 г.), представляющія типичныя столкновенія наемной греческой фаланги съ народнымъ римскимъ легиономъ. Да и эти побѣды римлянъ надъ греко-македонянами неудивительны, если принять въ соображеніе, что Римъ одолѣлъ тогдашнее величайшее морское государство, имѣвшее такое же, говоря сравнительно, мировое значеніе, какъ нынѣ Англія, а именно *Картагена*, несмотря на то, что, въ рѣшительную 2-ю пуническую войну, главнокомандующимъ войсками Картагена былъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ, *Аннибалъ*. Система военного устройства Рима была выше, чѣмъ таковая же система Картагена, а въ частности качественная сторона римскихъ войскъ

была выше таковой же стороны войск картегенских; римскіе легіонеры сражались сознательно за свое отечество, тогда какъ воины картегенскихъ армій по преимуществу чуждые Картегену, большею частью не были воодушевляемы никакимъ моральнымъ стимуломъ, мы говоримъ большею частью, такъ какъ были и исключенія, а именно арміи Аннибала были преданы своему великому вождю и подъ его руководствомъ чуть ли не сдѣлались достойными соперниками римскихъ легіонеровъ, но Римъ обладалъ большими силами и источниками ихъ увеличенія, тогда какъ Аннибаль былъ въ этомъ отношеніи поставленъ въ крайне трудное положеніе.

Собственно говоря, 2-я пуническая война представляла борьбу одного Аннибала противъ всего римскаго народа и государства. Подвиги и дѣянія Аннибала по истинѣ удивительны, но и ему оказалась не подъ силу та задача, которую онъ поклялся исполнить своему отцу. Успѣхъ въ этой борьбѣ долженъ былъ ранѣе или позднѣе склониться на сторону римлянъ и счастье должно было отвернуться отъ Аннибала, какъ только сенатъ уразумѣлъ бы нецѣлесообразность практикованныхъ имъ до Каннскаго погрома: 1) выставленія слишкомъ малыхъ и вообще недостаточныхъ силъ, 2) разброски и этихъ силъ, 3) назначенія бездарныхъ или неблагоразумныхъ полководцевъ, въ родѣ консуловъ Семпронія, Фламинія и Т. Варрона и 4) отсутствія надлежащаго руководства всѣми операціями. Такъ или иначе, Каннскій погромъ открываетъ глаза римскому сенату, который исправляетъ свои ошибки, послѣ чего успѣхъ склоняется на сторону римлянъ, заканчивающихъ 2-ю пуническую войну низведеніемъ Картегена на степень не то второстепеннаго, не то покровительствуемаго Римомъ государства, а 3-ю пуническую войну уничтоженіемъ картегенскаго государства и самаго Картегена. По окончаніи этой борьбы Римъ ведетъ цѣлый рядъ почти непрерывныхъ завоевательныхъ войнъ и покоряетъ своему владычеству весь тогдашній культурно-историческій міръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и Римъ не избѣжалъ той участи, которая постигла Персію, Картегенъ и Греко-Македонію. Съ теченіемъ времени римскіе граждане, пользуясь богатствомъ и правомъ занимать правительственные и административныя мѣста, потеряли склонность къ военной службѣ; сверхъ того по разнымъ причинамъ число гражданъ увеличивалось, а качествен-

ная сторона ихъ, а слѣдовательно и легионовъ ухудшалась. Государственный организмъ Рима, дѣйствовавшій исправно (пока территория его была небольшая) началъ расшатываться. Такимъ образомъ создались условія, благопріятствовавшія честолюбцамъ къ захвату власти. За самымъ фактомъ захвата верховной власти тѣмъ или другимъ честолюбцемъ слѣдуетъ признать значеніе положительное, ибо, безъ превращенія въ имперію, римское государство пало бы гораздо ранѣе; но нельзя не отмѣтить отрицательнаго значенія тѣхъ мѣръ, которыя принимали честолюбцы для образованія армій, представлявшихъ въ ихъ рукахъ орудіе для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ они стремились. Въ виду того, что правъ на власть никто изъ честолюбцевъ не имѣлъ, то онъ и не брезгалъ принимать въ ряды своей арміи такихъ лицъ, которыя, при прежнемъ порядкѣ дѣлъ, въ легионы не допускались. Такимъ образомъ ухудшился составъ римскихъ войскъ въ моральномъ отношеніи. Быть воиномъ уже не считается священною обязанностью и правомъ римскаго гражданина, но составляетъ удѣлъ бѣднѣйшаго класса населенія, пролетаріата, идущаго въ ряды войскъ ради матеріальныхъ побужденій. Продолжительныя войны и соединенное съ ними продолжительное пребываніе воиновъ подъ знаменами вдали отъ родины имѣло слѣдствіемъ образованіе постоянныхъ солдатскихъ армій, которыя первоначально не оставляли желать лучшаго въ качественномъ отношеніи, соединяя съ храбростью и отличною боевою подготовку, но съ теченіемъ времени, не будучи одушевляемы чувствомъ долга по отношенію къ верховной власти и родинѣ, будучи отчуждены отъ народа, и почувствовавъ свою силу и могущество, начали играть политическую роль и установили солдатское правленіе. Между тѣмъ нападенія варваровъ и внутреннія смуты вызывали чрезвычайное напряженіе въ дѣятельности войскъ, и это совпало съ упадкомъ военнаго духа въ народѣ, питавшемъ уже отвращеніе къ тягостямъ военной службы. Тогда стали принимать въ легионы не только отпущенниковъ и рабовъ, но и преступниковъ, разбойниковъ и т. п.

При подобныхъ условіяхъ *Маркъ-Аврелій* (161 — 180) обратился къ единственно возможной, но гибельной мѣрѣ, къ приему наемныхъ варваровъ на службу въ римскихъ войскахъ. Съ этого момента начинается періодъ самаго необуз-

даннаго своеволя и господства войскъ, въ ряду которыхъ выдающуюся, но отрицательную роль играли преторіанцы. Императоры, возводимые ими на престолъ и ими же ниспровергаемые, находятся вполнѣ въ ихъ рукахъ. Только *Диоклетіану* (284—305) и *Константину Великому* (325—337) удастся совершить важныя реформы въ отношеніи вооруженныхъ силъ. Диоклетіанъ посредствомъ строгихъ постановленій обуздаль строптивыя войска, а преторіанцевъ распредѣлил по легіонамъ. Константинъ далъ новое распредѣленіе и раздѣленіе войскамъ. Числительность войскъ была имъ уменьшена, но, вслѣдствіе упадка военнаго духа въ народѣ и отвращенія его къ военной службѣ, при наборѣ приходилось довольствоваться негодными людьми и сверхъ того все таки нельзя было обойтись безъ варваровъ. Какова была качественная сторона тогдашнихъ собственно-римскихъ войскъ, видно изъ того, что правительству пришлось установить и практиковать позорную мѣру, а именно клеймить легіонеровъ. Число наемныхъ варваровъ постепенно увеличивается, такъ что, со времени *Грациана* (374—383) и *Теодосія Великаго* (378—395), они начали составлять большую часть войскъ и занимать въ нихъ мѣста военачальниковъ и полководцевъ, а все военное устройство начинаетъ принимать римско-германскій характеръ. Въ послѣдніе 30 лѣтъ существованія западной имперіи, отъ *Валентиніана III* (425—455) до *Ромула-Августула* (475—476), исключительно варвары составляли войска римскаго государства, а главные ихъ начальники (магистры милиціи) также изъ варваровъ, приобрѣли рѣшающее вліяніе въ государствѣ. 476-й годъ, отмѣчаемый исторіею, какъ годъ, въ который совершилось паденіе западной римской имперіи, представляетъ лишь оффиціальное утвержденіе того, что уже существовало на практикѣ. Что касается восточной имперіи, то, возродившись на греческой почвѣ посредствомъ притока свѣжихъ силъ, она просуществовала еще около 1000 лѣтъ и имѣла весьма важное значеніе въ исторіи народовъ восточной Европы въ средніе вѣка.

Теперь остается лишь подвести итоги нашему обзорнѣю древнихъ вѣковъ. При этомъ прежде всего оказывается, что наивысшія ступени развитія военнаго искусства у древнихъ народовъ вовсе не могутъ быть связаны ни съ временемъ

наивысшей ихъ образованности (эпохою наибольшаго просвѣщенія), ни съ наивысшимъ состояніемъ культуры. Затѣмъ является второй выводъ, что военное искусство, понимаемое въ обширномъ смыслѣ, достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія въ тѣ эпохи историческаго существованія каждаго изъ народовъ, взятаго отдѣльно, когда народъ во всей его совокупности, живетъ наиболѣе полною жизнью, находя гармоническое удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, прежде всего моральнымъ (духовнымъ), затѣмъ умственнымъ и наконецъ матеріальнымъ, въ своихъ государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, въ особенности-же, когда въ каждомъ гражданинѣ чувство патріотизма и долга по отношенію къ отечеству имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми остальными побужденіями.

Далѣе слѣдуетъ выводъ, что въ военномъ дѣлѣ элементу моральному или, вѣрнѣе, духовному ¹⁾ принадлежитъ преобладающее значеніе. Этотъ выводъ совершенно сходится съ мнѣніемъ величайшаго изъ военныхъ людей Наполеона I, который говоритъ, что успѣхъ на войнѣ зависитъ на $\frac{3}{4}$ отъ условій моральныхъ и только на $\frac{1}{4}$ отъ матеріальныхъ.

На этомъ, однако, выводы не заканчиваются. Изъ всѣхъ дѣятелей древности для насъ наиболѣе интересны великіе мастера искусства, т. е. тѣ, кои причисляются къ *великимъ полководцамъ* и которыхъ въ древніе вѣка было трое, а именно: *Александръ Великій*, *Аннибалъ* и *Юлій Цезарь*. Нечего и говорить, какъ важно раскрыть и опредѣлить общія черты въ военномъ искусствѣ въ разныя эпохи, а въ особенности въ дѣятельности великихъ полководцевъ. Опредѣленіе общихъ чертъ и сходства въ ихъ дѣятельности вообще и въ проявленіи ихъ военнаго гения въ особенности имѣютъ первостепенное значеніе. Прежде всего, великіе полководцы отличались способностью и умѣньемъ понимать обстановку, чего они достигали посредствомъ широкаго изученія человѣка, свойствъ массы, политическихъ и военныхъ средствъ и вообще посредствомъ широкаго знанія дѣла; короче, они обладали выдающимся, всестороннимъ и, сверхъ того, столь же выдающимся

¹⁾ Терминъ «элементъ нравственный или моральный» на столько укоренился въ военной литературѣ, что мы, считая болѣе правильнымъ примѣнять терминъ «элементъ духовный», все еще не освобождаемся вполне отъ стараго термина.

спеціально-воєннимъ образованіємъ. Будучи сами вполнѣ подготовлены къ рѣшенію своихъ великихъ задачъ, они отличались способностью готовить и свои силы и средства наилучшимъ образомъ къ тому, чтобы достигать полнаго успѣха. Вступая въ борьбу съ непріятелемъ, они задавались цѣлью уничтожить всѣ его силы и средства и лишитъ его возможности продолжать борьбу, т. е. стремились къ тому, что Клаузевицъ, военный писатель и мыслитель первой половины нашего столѣтія, называетъ „Niederwerfung des Feindes“. Для достиженія своихъ цѣлей они вели войны наступательныя, а если бывали вынуждаемы къ оборонѣ, то придавали ей въ возможно большей степени активный характеръ. Предметами дѣйствій они избирали, въ зависимости отъ обстановки, важные пункты или линіи, или полосы, или же вооруженную живую силу врага, его армію, смотря по тому, что могло ихъ скорѣе привести къ достиженію цѣли войны, причемъ стремились преимущественно къ лишенію противника средствъ къ продолженію борьбы. Кажущееся исключеніе составляетъ Аннибалъ, котораго упрекаютъ въ томъ, что онъ не направился на самый Римъ; но эти упреки не основательны: Аннибалъ отлично понималъ, что дѣйствія противъ самаго Рима приведутъ его къ катастрофѣ, а потому и не прибѣгалъ къ подобнымъ дѣйствіямъ. Если предметомъ дѣйствій являлась непріятельская армія, то великіе полководцы примѣняли, въ дѣйствіяхъ противъ нея, какъ маневры, такъ и бой, причемъ если производили маневры, то въ то же время находились въ готовности къ бою. Если обстановка складывалась такъ, что нужно было обратиться къ бою, то при веденіи его они стремились атаковать непріятеля въ направленіи, приводившемъ къ достиженію важнѣйшей цѣли, къ лишенію непріятеля средствъ къ веденію борьбы. При этомъ замѣчательно, что для нанесенія главнаго удара они направляли на рѣшительный пунктъ поля сраженія силы превосходныя, если не всегда въ численномъ, то въ качественномъ отношеніи. Если сопоставить это съ дѣйствіями ихъ на театрѣ войны, то можно вывести заключеніе, что, какъ на полѣ сраженія, такъ и на театрѣ войны, дѣйствія ихъ вполнѣ отвѣчали идеѣ *сосредоточенія*, по возможности, превосходныхъ *силъ* къ рѣшительному пункту для нанесенія рѣшительнаго удара врагу. Во имя справедливости, нельзя не замѣтить, что, по отношенію къ примѣненію этого

принципа на полѣ сраженія, довольно наглядный примѣръ имъ указалъ Эпаминондъ въ сраженіи при Левктрѣ. Относительно идеи *резерва*, какъ части войскъ, остающейся въ полной готовности и въ рукахъ вождя для парирования случайностей, слабые проблески можно замѣтить у Кира, царя персидскаго, а затѣмъ у Александра Великаго и у Аннибала; у римлянъ, въ легіонной тактикѣ, она получаетъ значительное развитіе, причемъ Юлій Цезарь придаетъ общему резерву активное значеніе и усиливаетъ имъ ту часть войскъ, которая производитъ главный ударъ, или же направляетъ этотъ резервъ для нанесенія главнаго удара. Одержавъ успѣхъ, великіе мастера военнаго искусства обыкновенно развивали его и извлекали изъ него всю возможную пользу, опять-таки въ видахъ достиженія важнѣйшей цѣли. Далѣе замѣчательно, что, предводительствуя небольшими арміями, они ставили себѣ и рѣшали такія задачи, которыя до того казались не только труднѣйшими, но даже невозможными: Александръ началъ съ того, что вступилъ на персидскую территорію, имѣя нѣсколько болѣе 30,000 человекъ, а окончилъ покореніемъ не только всей громадной персидской монархіи, но и нѣкоторыхъ другихъ земель; Цезарь сдѣлался повелителемъ всего культурно-историческаго міра; Аннибалъ же угрожалъ могущественному и неодолимому Риму чуть-ли не подъ его стѣнами, не смотря на то, что Римъ могъ противопоставить ему подавляющія силы, и если онъ не устоялъ въ этой неравной борьбѣ, то все-таки можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, что было возможно въ его положеніи; его несчастье заключалось въ томъ, что онъ былъ карфагенянинъ, а не римлянинъ. Конечно, ихъ небольшія арміи вознаграждали недостатокъ численности качественною своею стороною, но въ пользу ихъ было еще и то обстоятельство, что каждый изъ нихъ распоряжался самъ единолично своею арміею, а иногда и болѣе того, что удовлетворяетъ принципу *объединенія власти* въ рукахъ главнокомандующаго и вообще начальника, тогда какъ начальствованіе надъ массами, дѣйствовавшими противъ нихъ, этому началу не удовлетворяло. Вообще всѣ ихъ военныя дѣйствія согласовались съ основными началами истиннаго военнаго искусства. На рубежѣ между древними и средними вѣками изложеніе этихъ началъ представляется преждевременнымъ, въ особенности, если принять въ соображеніе слѣдующія слова Наполеона: „Истинныя

начала войны (военного искусства) это тѣ, которымъ слѣдовали великіе полководцы, великія дѣла которыхъ намъ передала исторія, а именно: Александръ, Аннибаль, Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюреннъ, принцъ Евгенийъ и Фридрихъ Великій⁴. Очевидно, что говоря объ этихъ семи великихъ полководцахъ, Наполеонъ подразумѣвалъ и самого себя и былъ болѣе, чѣмъ правъ, ибо онъ дѣйствительно явился мастеромъ изъ мастеровъ. Но въ то же время онъ былъ и не правъ въ томъ отношеніи, что пропустилъ двухъ нашихъ великихъ полководцевъ: Петра I Великаго и Суворова, изъ коихъ послѣдній закончилъ свое военное и даже жизненное поприще въ то время, когда самъ Наполеонъ былъ уже не только генераломъ Бонапарте, но и главнокомандующимъ арміею, а слѣдовательно могъ его оцѣнить¹). Затѣмъ, кромѣ великихъ полководцевъ, можно найти многое поучительное въ дѣйствіяхъ и всѣхъ остальныхъ полководцевъ и вообще въ изученіи не только исторіи военного искусства, но и военной исторіи въ возможно болѣе обширныхъ размѣрахъ, и только послѣ этого явится возможнымъ изложеніе тѣхъ принциповъ или основныхъ началъ, о которыхъ говоритъ Наполеонъ.

¹) Весьма возможно, что въ будущемъ, при болѣе внимательномъ изученіи походовъ и вообще военной дѣятельности Тамерлана, Шкижи, Вильяра (именуемаго предтечею Наполеона) и Румянцева, явится убѣжденіе въ справедливости приравненія ихъ къ великимъ полководцамъ.

Г Л А В А I.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, явившійся слѣдствіемъ недавно возникшей теоріи культурно-историческихъ типовъ, о томъ, насколько цѣлесообразно дѣленіе всемірной исторіи на древнюю, среднюю и новую, мы пока будемъ придерживаться этого дѣленія и обратимся къ военному искусству въ средніе вѣка.

Западная римская имперія пала подъ ударами варваровъ, преимущественно *германскаго* происхожденія, массы которыхъ заняли ея территорію. Въ то же время и восточная имперія должна была выдерживать борьбу съ различными народами, стремившимися къ ея разграбленію и даже разрушенію; между этими народами видное мѣсто принадлежало *славянамъ*. Тѣ и другіе и раздѣлили Европу на двѣ части: западную и восточную.

У *германцевъ* военное дѣло находилось въ тѣснѣйшей связи съ ихъ гражданскимъ и общественнымъ бытомъ. Въ складѣ древняго германскаго общества заключались всѣ элементы соціального неравенства, которое впоследствии вылилось въ весьма рѣзкую форму.

Основаніемъ государственнаго и общественнаго устройства у германцевъ служилъ *родъ*, образовавшійся вслѣдствіе соединенія родственныхъ семействъ. Сосѣдніе роды соединялись въ *общины*, а изъ совокупности общинъ произошли *марки*, внутренними отношеніями коихъ завѣдывали особыя управленія (Markverfassungen). Вслѣдствіе причинъ политическаго свойства, сосѣднія марки соединялись въ *волости* или *волостныя общины* (Gaugemeinden), занимавшія всю территорію, населенную отдѣльною частью того или другаго племени, границы коей совпадали обыкновенно съ естественными рубежами. Тѣ же причины политическаго и особенно военнаго характера имѣли слѣдствіемъ раздѣленіе волостей на особыя *сотенныя округа*, въ которыхъ заключалось столько дворовъ, сколько было нужно

для того, чтобы выставить 100 воинов. Иногда объединение шло еще далее волостей, т. е. объединялись племена. Собственно народъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, составляло лишь *свободное* население волости, кромѣ котораго имѣлись еще два разряда несвободнаго населенія: *дворовые* люди, или рабы, и *оброчные*. Каждый свободный пользовался „правомъ оружія“ (*Gewere*) и самъ назывался *Weg* или *Wehr*; это право давало ему право на владѣніе землею; съ этимъ же „правомъ оружія“ онъ соединялъ и „право укрѣпленія“, причѣмъ могъ возводить постройки, необходимыя для обезпеченія его семейства и имущества, но подобныя укрѣпленія были общимъ достояніемъ народной обороны всей волости или племени, опорой коей долженъ былъ служить каждый членъ той же волости или того же племени.

Вообще, право оружія было связано и съ всеобщою воинскою повинностью, отъ которой освобождались только старцы и больные. Поэтому германское племя называло себя войскомъ. Призывъ воиновъ подъ знамена для наступательной войны могъ состояться лишь тогда, если война эта явилась слѣдствіемъ рѣшенія общаго народнаго собранія, которому принадлежала верховная власть; при войнѣ же оборонительной не было надобности въ такомъ рѣшеніи, и въ этомъ случаѣ призывъ производился по распоряженію исполнительной власти, олицетворяемой старшинами, кои избирались собраніемъ и исполняли свои обязанности пожизненно. Изъ всѣхъ свободныхъ людей составлялось народное ополченіе (*Heer-Bann*), во главѣ котораго находился *герцогъ* или полководецъ, избираемый на время войны изъ наиболѣе храбрыхъ и опытныхъ воиновъ и преимущественно изъ наиболѣе благородныхъ родовъ—*аделпигтовъ*. Званіе герцога въ то время не имѣло тождественнаго значенія со званіемъ *герцога* въ позднѣйшее время, которое незамѣтно перешло въ *королевское* достоинство.

Благодаря воинственному духу германцевъ, у нихъ встрѣчается особое учрежденіе *геллейтъ*, или дружина, или свита (*Gefolgschaft*), служившая тому или другому вождю или герою, остававшаяся при немъ нерѣдко и въ мирное время, получавшая отъ него оружіе и содержаніе, увеличивавшая блескъ его славы и обязанная воевать съ нимъ и защищать его, получая, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, часть добычи. Въ случаѣ важнаго предпріятія, нѣсколько геллейтовъ соединялись

и, избравъ себѣ герцога, составляли новый союзъ или *ариманію* (Heermaneu). Подобные союзы, являшіеся въ исторіи въ видѣ народовъ, получили названія или отъ мѣста своего жительства, какъ *маркоманы* (Markmannen—пограничные люди), или отъ своего предводителя, какъ *гермундуры* (Hermunduren—люди Германа), или отъ своего оружія, *лонгобарды* (Lange-Barden—длинные копья) и т. д. Изъ подобныхъ союзовъ особенно замѣчательны *франки* (Franken—вольные люди). Въ случаѣ успѣха они основывали новыя государства, а въ случаѣ неудачи войны расходились и ариманія исчезала.

Послѣ паденія западной имперіи подъ ударами варваровъ, различныя племена осѣли на завоеванныхъ ими земляхъ и основали новыя государства, причемъ, подчинивъ себѣ туземцевъ, перемѣшались съ ними, и такимъ образомъ явились новыя народы.

Естественно, что условія прежняго быта завоевателей отразились на политическомъ и военномъ строѣ новыхъ народовъ. Мы остановимся болѣе подробно на общественномъ и военномъ устройствѣ франковъ, имѣя въ виду, что такое же устройство прочихъ германскихъ народовъ имѣло съ нимъ много общаго.

При покореніи края часть земель всей страны отбиралась на ариманію; одна ея часть выдѣлялась предводителю, а другая дѣлилась между воинами сообразно ихъ заслугамъ, по жребію. Подобный участокъ поступалъ въ потомственное владѣніе дружинника и назывался *аллодомъ* (Loos-Aller—общій жребій). Величина этихъ участковъ была не одинакова и измѣнялась въ зависимости отъ заслугъ воиновъ, благосклонности къ нимъ вождя и т. п. У франковъ во главѣ каждаго города съ его округомъ стоялъ *графъ*, которому подчинялись *викарии*, управлявшіе подраздѣленіями округа или *пагами* (pagus) и *сотники*, начальствовавшіе сотнями свободныхъ людей. Нѣсколько графствъ подчинялось власти одного *герцога*. Военную службу несли туземцы, владѣвшіе опредѣленнымъ имуществомъ; завоеватели же были обязаны общою воинскою повинностью въ ополченіи. Король былъ военнымъ главою народа (въ узкомъ смыслѣ этого слова), но не могъ вести войны безъ согласія его.

Ежегодно народъ (т. е. сначала всѣ свободные, а позже всѣ призванные) собирался на такъ называемыя сначала мар-

товскія, а позже майскія собранія, на которыхъ обсуждались предложенія королей, объявлялись войны и т. п. Въ случаѣ непріятельскаго вторженія, созывали воиновъ и предупреждали сосѣднихъ графовъ. Въ случаѣ экспедиціи призывались къ оружію не всѣ, а только воины тѣхъ паговъ, которые были назначены королемъ. Въ случаѣ серьезной опасности со стороны вторгнувшагося врага, всѣ призывались къ защитѣ отечества, а король былъ обязанъ становиться во главѣ своихъ войскъ. Дѣйствія подобныхъ армій нерѣдко были неудачны вслѣдствіе раздоровъ между графами и отсутствія дисциплины въ войскахъ, отличавшихся буйными нравами и жаждою грабежа. Таковъ былъ порядокъ вещей, установившійся при этой такъ называемой *аллодіальной* системѣ, получившей это названіе отъ аллодовъ, являвшихся вознагражденіемъ за услуги уже оказанныя и не налагавшихъ на ихъ владѣльцевъ никакихъ обязанностей, кромѣ службы въ ополченіи и по народному рѣшенію.

Съ теченіемъ времени, наряду съ аллодіальною системою, является система *бенефициальная*, получившая свое названіе отъ *бенефиций* или временныхъ пожалованій, существенно отличавшихся отъ прежнихъ аллодіальныхъ надѣловъ. Короли жаловали бенефиціи тѣмъ, кои отличались особыми предъ ними заслугами и этимъ путемъ увеличивали число лицъ, обязанныхъ имъ особою службою и вѣрностью или такъ называемыхъ *антрустіоновъ* (или дружинниковъ), дававшихъ королямъ особую клятву въ вѣрности. Въ это сословіе поступали какъ свободные, такъ и несвободные люди. По примѣру королей и многіе знатные и богатые люди раздавали бенефиціи и пріобрѣтали дружинниковъ. Между владѣльцами бенефиций и лицами, жаловавшими бенефиціи, установились отношенія, сводившіяся къ такъ называемому *сеніорату*. Владѣльцы бенефиций были обязаны являться во всеоружіи по призыву своихъ *сеніоровъ*, т. е. тѣхъ лицъ, которые надѣлили ихъ землями или относительно которыхъ они вступали въ извѣстныя обязательства. Сами владѣльцы бенефиций, по отношенію къ своимъ сеніорамъ, назывались *вассами*, *вассалами* и свободными подручниками или *арьеръ-вассалами*; вассы являлись на службу съ извѣстною свитою, вассалы служили только лично, а арьеръ-вассалы подчинялись не только личнымъ, но и матеріальнымъ обяза-

тельствамъ. Позже вассы и вассалы именовались общимъ названіемъ *вассаловъ*. На бенефиціяхъ и сеніоратъ основывалось военное устройство во времена Каролинговъ. Первоначально, когда короли владѣли обширными имуществами, раздача бенефицій содѣйствовала усиленію власти королей. Далѣе богатѣйшіе аллодіальные владѣльцы соблазнялись возможностью полученія бенефицій, поступали вслѣдствіе этого въ вассальную зависимость отъ королей и, ставъ близко къ нимъ, заняли первыя мѣста въ народѣ; вообще же всѣ королевскіе люди или *лейды* (*leudes*) стояли выше обыкновенныхъ свободныхъ гражданъ. Вскорѣ аллодіальные владѣльцы исчезли въ массѣ вассаловъ, а короли сдѣлались независимыми отъ народа. Но подобный порядокъ вещей имѣлъ и свою отрицательную сторону, которая не замедлила обнаружиться. Королевскіе судьи и чиновники потеряли связь надъ участками, пожалованными въ видѣ бенефицій, владѣльцы конхъ, королевскіе вассалы сдѣлались неограниченными повелителями принадлежавшихъ имъ людей; между тѣмъ короли, раздаривъ всѣ свои земли, не имѣли болѣе средствъ для удовлетворенія дальнѣйшихъ требованій лейдовъ, которые, съ этихъ поръ, не только перестали оказывать приверженность королямъ, но даже отказывали имъ въ повиновеніи и прибѣгали къ вооруженному сопротивленію. Это имѣло слѣдствіемъ борьбу между королями и непокорными вассалами, которая, при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго, привела къ тому, что короли были вынуждены, около половины IX вѣка (843 г.), допустить пожизненныя вѣчныя владѣнія, а въ 877 году признать наследственность бенефицій. Съ этихъ поръ владѣнія вассаловъ являются уже не бенефиціями, но *ленами* или *феодами* и на этой степени своего развитія бенефициальная система превращается въ систему *ленную* или *феодалную*. Герцоги и графы, бывшіе при Карлѣ Великомъ только чиновниками королевскими и обязанные прежде призывать на службу короля воиновъ, сдѣлавшись нынѣ вассалами королей, сами стали во главѣ ополченій и призывали уже на свою службу какъ подручниковъ, такъ и второклассныхъ вассаловъ и бывшихъ лейдовъ, признавшихъ ихъ своими сеніорами. Изъ числа первоклассныхъ, т. е. королевскихъ вассаловъ первые *маркграфы* или графы пограничныхъ графствъ, пользуясь отдаченностью своихъ феодовъ и предоставленною имъ обширною

властью, постарались отторгнуть свои области и обратить ихъ въ самостоятельныя мелкія государства, а за ними послѣдовали и другіе королевскіе вассалы, присвоившіе себѣ почти всѣ атрибуты верховной власти, въ томъ числѣ и наименованіе „Божіею милостью“ (*Dei gratia*). Всюду обнаружилось стремленіе къ раздѣльности, а королевская власть потеряла прежнюю силу на столько, что теперь король съ трудомъ удерживалъ за собою званіе перваго между равными (*primus inter pares*).

Посмотримъ однако, какъ отразилось преобразование системы аллодіальной въ бенефициальную, а бенефициальной въ феодальную на военномъ устройствѣ. Прежде всего, еще при Меровингахъ, было ограничено право „кровавой мести“, что привело и къ ограниченію древняго „права оружія“. Затѣмъ каждый свободный человѣкъ не могъ выбирать себѣ оружія произвольно, но долженъ былъ являться при томъ оружіи, которое было установлено свыше. Наконецъ значеніе чести носить оружіе было умалено дарованіемъ права оружія и несвободнымъ людямъ. Въ отправленіи воинской повинности произошли соотвѣтственныя измѣненія. Народныя собранія постепенно перестаютъ рѣшать вопросъ о войнѣ и не объявляютъ уже, какъ это было раньше, о совершеннолѣтіи молодыхъ людей, которое опредѣляется извѣстнымъ возрастомъ, и съ этого возраста начинается обязанность отправленія воинской повинности. Военно-обязанные призываются на службу королевскими чиновниками и за неявку подвергаются штрафамъ въ пользу короля. Короли поручаютъ сборъ войскъ своимъ герцогамъ и графамъ, а для личнаго своего охраненія образуютъ родъ гвардіи или тѣлохранителей.

Съ прекращеніемъ завоевательныхъ войнъ не было уже источниковъ для приобрѣтенія новыхъ земель, а между тѣмъ народонаселеніе увеличивалось и въ то же время число свободныхъ людей, которые могли снарядиться и содержать себя на войнѣ на свой счетъ, уменьшилось и продолжало уменьшаться. Сверхъ того стоимость требовавшегося снаряженія вооруженія сильно увеличалась. Поэтому верховною властью было обращено вниманіе на имущественное состояніе людей, призываемыхъ на службу. Карлъ Великій (768—814), развившій и утвердившій то, что уже существовало и до него, принялъ за основаніе воинской повинности земельное вла-

дѣніе. На основаніи капитулярія 803 года каждый свободный владѣлец 4-хъ обрабатываемыхъ *мансовъ* земли, обязанъ былъ являться по призыву на службу; лица, владѣвшіе меньшими участками, соединялись соответствующимъ образомъ для явки на ту же службу; владѣльцы же 12 и большаго числа мансовъ являлись на коняхъ и въ предохранительномъ вооруженіи ¹⁾. Раскладка воинской повинности производилась особыми королевскими посланцами (*missi dominici*). Они же, въ случаѣ вторженія непріятеля, призывали къ оружію всѣхъ свободныхъ своихъ округовъ. Въ случаѣ же наступательной войны король собиралъ такое число войскъ, какое онъ считалъ необходимымъ, при чемъ приказъ короля о призывѣ (*ban*) передавался графамъ, епископамъ и аббатамъ.

Каждый воинъ, выступая въ походъ, имѣлъ съ собою копье, щитъ, лукъ съ 2 тетивами и 12 стрѣлами и багажъ. Воины собирались въ сотни подъ начальство своихъ графовъ. Вассалы являлись въ свитѣ своихъ сеніоровъ.

На практикѣ происходили сплошь и рядомъ отступленія отъ этихъ законоположеній. Графы и сеніоры, отъ которыхъ зависѣлъ созывъ свободныхъ людей и подручниковъ, ради корыстолюбія, разрѣшали богатымъ оставаться дома, а бѣдныхъ призывали на службу. Во то же время огромные штрафы, налагаемые королевскими чиновниками за неявку на службу или неисправность при призывахъ, побуждали свободныхъ владѣльцевъ искать покровительства могущественныхъ сеніоровъ, и такимъ образомъ число свободныхъ владѣльцевъ все болѣе и болѣе уменьшалось. Далѣе Карлъ Великій не могъ удержать могущественныхъ владѣльцевъ въ предѣлахъ повиновенія и точнаго исполненія обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ закономъ, а при слабыхъ его преемникахъ уклоненія отъ исполненія воинской повинности пріобрѣли характеръ обычнаго и непрерывнаго явленія.

Послѣ распадѣнія монархіи Карла Великаго, которое почти совпало съ преобразованіемъ системы бенефициальной въ феодальную, приходится разсматривать крупныя ея подраздѣленія отдѣльно.

¹⁾ Бѣдники исправляли дороги или держали стражу на границахъ. Аббатства и королевскіе домены выставляли повозки, перевозившія жизненные припасы и снаряженіе войскъ.

Германія постепенно превратилась въ выборное государство и стала дѣлиться на столько областей, сколько было герцоговъ, князей, графовъ и другихъ могущественныхъ феодалныхъ владѣльцевъ, которые поднялись на степень государей и находились лишь въ слабой связи съ имперіею и императоромъ. Такъ какъ число свободныхъ владѣльцевъ уменьшалось чрезвычайно быстро, то верховной власти пришлось отказаться отъ призыва общаго ополченія и, въ случаѣ надобности, обращаться къ *вассаламъ* крупныхъ феодалныхъ владѣльцевъ, занимавшимся исключительно военнымъ дѣломъ, приобрѣвшимъ навыкъ въ умѣнны владѣть оружіемъ и державшимъ желѣзною рукою низшіе классы общества. Превжніе простые ополченцы теперь во время войны остаются дома, или участвуютъ въ ней въ качествѣ прислуги своихъ господъ, или посредствомъ взносов для снаряженія ихъ въ походъ. Только въ случаѣ крайней опасности всякъ долженъ бросаться къ оружію и спѣшить на сборный пунктъ. Подобный созывъ въ IX вѣкѣ носилъ названіе „Landwehre“, а впоследствии „Landfolge“ или „Reisesturm“ или „Landsturm“.

Нѣкоторое вліяніе на военное устройство германцевъ оказали войны съ венграми и славянами. *Генрихъ I Птицеловъ* (919—936), вдохнувшій военный духъ въ германскія вооруженныя силы и считающійся ихъ преобразователемъ, старался возстановить прежнее ополченіе, но это удалось ему только отчасти, и ему же пришлось обращаться и къ другимъ средствамъ для развитія своихъ вооруженныхъ силъ, какъ на примѣръ къ переселенію своихъ служилыхъ людей на отвоєванныя у славянскихъ племенъ приэльбскія земли и къ надѣленію ихъ землею съ обязанностью нести военную службу и т. п. Въ послѣдующее время объ общемъ ополченіи нѣтъ и помину; встрѣчаются только призывы ополченій по областямъ. Вся военная система основывается на ленахъ.

Съ ослабленіемъ императорской власти все труднѣе становилось заставить подняться на войну князей и имперскихъ вассаловъ. Императоръ не могъ уже издавать повелѣнія о созывѣ ополченія, не посовѣтовавшись съ князьями. Къ тому же вассалы стали требовать за свою службу вознагражденія. При такихъ условіяхъ выгоднѣе было обращаться къ наемникамъ, и такимъ образомъ, на-ряду съ ленными войсками, выработалась система наемныхъ войскъ или *солдатъ*

(solidata, solidarii), пополнявшихся обѣднѣвшими свободными, бѣглыми крѣпостными, разнаго рода авантюристами и даже разбойниками, занимавшимися военнымъ дѣломъ, какъ ремесломъ, и умѣвшими хорошо владѣть оружіемъ и на конѣ, и въ пѣшемъ строѣ. Подобныя войска были предпочтительнѣе въ сравненіи съ ленными войсками въ томъ отношеніи, что повиновались безпрекословно тому, кто ихъ нанималъ, до тѣхъ поръ, пока имъ платили жалованье своевременно и исправно, но въ противномъ случаѣ обращались къ грабежу и къ бунтамъ, да и къ тому же, будучи предоставлены самимъ себѣ, безпощадно грабили населеніе и опустошали страну.

Съ теченіемъ времени разбогатѣвшіе *города* также начали выставять войска, соединялись съ государями въ борьбѣ противъ общаго врага, феодальной аристократіи и, благодаря милостямъ государей, расширяли свои права и преимущества. Пользуясь самоуправленіемъ и правомъ ополченія, они возставали противъ своихъ притѣснителей съ оружіемъ въ рукахъ. Но, несмотря на непрерывныя войны, воинскій духъ хранился болѣе или менѣе только въ феодальныхъ войскахъ и, наконецъ, дѣло дошло до того, что Германія могла выставять для охраны внутренней безопасности страны только ландверъ, что измѣнилось лишь со вступленіемъ на престолъ династіи Габсбурговъ; но и послѣ того, до конца среднихъ вѣковъ (XV столѣтія), центръ тяжести военной системы Германіи лежалъ въ феодальныхъ войскахъ.

Во *Франціи* бенефиции превращались въ лены (fiefs) столь же быстро, какъ и въ Германіи, чему содѣйствовали, кромѣ извѣстныхъ общихъ причинъ, еще и вторженія норманновъ. Графы становились во главѣ войскъ и охотниковъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ и выступали противъ норманновъ, причемъ или прогоняли ихъ, или скрывались въ своихъ замкахъ, которые служили имъ опорой въ борьбѣ не только противъ враговъ внѣшнихъ, но и противъ королевской власти. Изъ числа мелкихъ свободныхъ собственниковъ многіе становились ратными сподвижниками и вассалами графовъ и другихъ могущественныхъ владѣльцевъ, передавали имъ свои аллодіальные участки въ видахъ пріобрѣтенія защиты и получали эти же участки обратно, какъ лены, причемъ были обязаны службою сеніорамъ въ теченіе 40 дней въ году. Съ своей стороны сеніоры охотно заключали подобныя условія, такъ

какъ приобрѣтали этимъ путемъ храбрыхъ вассаловъ. Такимъ образомъ явилась большая часть *дворянскихъ* родовъ, образовавшихъ дворянское сословіе. Но, сверхъ того, было много бѣдныхъ владѣльцевъ мелкихъ участковъ, которые, отдаваясь подъ покровительство сеніоровъ, ничего не могли имъ предложить, а потому, хотя и получали также обратно свои земли, какъ лены, но обязаны были нести службу хотя и личную, но отнюдь не военную, и даже вносить извѣстный оброкъ. Эти владѣльцы оброчныхъ или недворянскихъ участковъ именовались *оброчными* или крѣпостными (*roturiers, vilains*) или просто людьми (*hommes*) въ отличіе отъ владѣльцевъ дворянскихъ участковъ или вассаловъ.

Во Франціи феодальныя владѣльцы дѣлились на нѣсколько степеней. Высшую изъ нихъ составляли важнѣйшіе королевскіе вассалы, *герцоги* и *графы*, отъ которыхъ зависѣли всѣ *сеніоры* въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ областей. Сеніоры дѣлились на *бароніи* и простыя *лены*, въ зависимости отъ ихъ обширности и числа вассаловъ. *Бароны* имѣли также ленниковъ, которые, въ свою очередь, могли имѣть вассаловъ. Наконецъ, простые вассалы раздѣлялись на *рыцарей* (*chevaliers*) и *оруженосцевъ* (*écuyers*); рыцари же дѣлились на *баннеретовъ*¹⁾ (*bannerets*), имѣвшихъ вассаловъ, кои слѣдовали подъ ихъ знаменами, и *простыхъ рыцарей* (*bacheliers*). Кромѣ благородныхъ ленниковъ и весь народъ принималъ нѣкоторое участіе въ оборонительныхъ дѣйствіяхъ, но онъ выставлялъ не войска, а толпы воиновъ, не имѣвшія боеваго значенія и приносявшія нѣкоторую пользу только за стѣнами укрѣпленій. При подобныхъ условіяхъ королевская власть имѣла слабое значеніе и не могла обуздывать строптивыхъ феодальныхъ владѣльцевъ, приобрѣвшихъ въ XI вѣкѣ право объявленія войны, вслѣдствіе чего Франція и была обуреваема непрерывными междоусобіями. Эти междоусобія были до нѣкоторой степени ограничены, благодаря вмѣшательству церкви, постановленіями о такъ называемомъ „*божьемъ мирѣ*“, охранявшемъ женщинъ, стариковъ, дѣтей, беззащитныхъ крестьянъ и вообще всѣхъ, находившихся въ состояніи безпомощности, и о „*божьемъ перемиріи*“, запрещавшемъ сеніорамъ воевать въ теченіе извѣстныхъ періодовъ года и дней недѣли. Но это

¹⁾ У германцевъ *баннеретерг*.

ограниченіе нисколько не измѣняло сущности дѣла. Подобное положеніе дѣлъ могло измѣниться лишь съ усиленіемъ королевской власти, которая, ведя борьбу съ могущественною аристократіею и вообще со всѣми своими врагами, должна была обратиться къ развитію городскихъ *коммунальныхъ* милицій и къ *наемнымъ* войскамъ.

Горожане принадлежали къ числу ротюрберовъ и издавна были обязаны военною службою. Начиная съ XII вѣка, они становятся на сторону королейъ противъ феодальной аристократіи, освобождаются, благодаря этому, отъ зависимости по отношенію къ феодаламъ и расширяютъ свои права вообще, а въ частности добиваются права созыва ополченій и даже самостоятельнаго права войны, не говоря уже о правѣ окружать себя стѣнами и возводить укрѣпленія.

Коммунальныя милиціи отличались отъ прочихъ городскихъ ополченій вообще тѣмъ, что имѣли постоянный характеръ и существовали независимо отъ военныхъ потребностей королевской власти, но, начиная съ XII вѣка, милиціи эти входятъ въ значительныхъ размѣрахъ въ составъ королевскихъ вооруженныхъ силъ. Милиціи состояли изъ такъ называемыхъ сержантовъ (*sergents*, отъ *servientes*—слуги). Эти милиціи не отличались надлежащими боевыми качествами, а воины феодальныхъ войскъ или рыцари относились къ нимъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Гораздо лучшими боевыми качествами обладали *наемныя* войска, находившіяся на службѣ феодальныхъ владѣльцевъ и королей и извѣстныя подъ названіями *брабансоновъ*, *рутьеровъ* (*routiers*), *котеро* (*coteaux*) и т. п. Существенный ихъ недостатокъ сводился къ тому, что, состоя изъ безвѣстныхъ людей, которые могли жить только войною, они представляли не столько войска, сколько организованная шайка разбойниковъ. Но за то, если только жалованье выплачивалось имъ аккуратно, то, опираясь на нихъ, короли получали большую свободу въ отношеніи веденія операций, не стѣсняясь узкими сроками службы, на что съ феодальными войсками рассчитывать не было возможности. Наконецъ, послѣднее средство, къ которому могли прибѣгать короли, сводилось къ призыву поголовнаго ополченія (*levée en masse, ban et arrière-ban*). При развитіи этого средства дворяне служили лично или выставляли замѣстителей, или откупались извѣстною суммою денегъ, а богатые ротюрберы выставляли, сна-

ряжали, вооружали и содержали известное число сержантовъ. Нерѣдко призывъ ополченія служилъ королямъ только предлогомъ для сбора денегъ.

Во Франціи ранѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, установилась опредѣленная система военнаго управленія, которая, постепенно развиваясь, впоследствии явилась образцомъ для другихъ странъ. Въ XI и XII вѣкахъ во главѣ вооруженныхъ силъ Франціи находился *великій сенешаль* (le grand sénéchal de France). Съ 1208 года его военныя обязанности были возложены на *коннетабля* (connétable), которому въ военное время, начиная съ царствованія Филиппа-Августа, подчинились два *маршала*¹⁾. Подъ начальствомъ коннетабля и маршаловъ находились *балли* и *сенешали*, которые созывали дворянъ по обязанностямъ феодальной военной службы, а равно и коммунальныя милиціи и т. д.

Въ *Италіи* особенно сильное развитіе получили *наемныя* войска, въ особенности со времени крестовыхъ походовъ, когда италіянскіе города обогатились и превратились въ торговыя республики, причемъ богатые купцы и ремесленники уже не хотѣли принимать участія въ распряхъ и междоусобіяхъ и предпочитали платить известную сумму для найма солдатъ. Тѣмъ не менѣе, первоначально эти наемныя войны имѣли національный характеръ. Съ теченіемъ времени военный духъ исчезъ окончательно среди горожанъ и наступило время исключительнаго господства наемниковъ, служившихъ попеременно то одной, то другой сторонѣ. Национальное военное дѣло упало окончательно, а наемники стали соединяться въ большіе отряды подъ начальствомъ такъ называемыхъ *кондотьеровъ* (condottieri) и сдѣлались серьезною силою, имѣвшею рѣшительное вліяніе на судьбу италіянскихъ городовъ; они руководились только жаждою къ деньгамъ и къ добычѣ, пользовались раздорами городовъ и поддерживали эти раздоры, дабы обезпечить себѣ источникъ благополучія или существованія; многіе же изъ ихъ кондотьеровъ приобрѣли громкое имя и высокое положеніе, какъ Висконти, Медичи, Сфорца, Гонзаго и т. д.

Въ остальныхъ западно-европейскихъ государствахъ установился порядокъ общественныхъ отношеній, болѣе или менѣе

¹⁾ Въ провинціи, угрожаемыя непріятелемъ, назначались *генералъ-лейтенанты* съ обширною военною и гражданскою властью.

сходный съ феодальнымъ порядкомъ, господствовавшимъ во Франціи и въ Германіи. Конечно, встрѣчались и весьма существенныя различія, какъ напримѣръ въ Англіи, въ Швейцаріи и въ областяхъ фламандскихъ. Этотъ же порядокъ не остался безъ вліянія и на нѣкоторые западно-славянскіе народы. О томъ и другомъ будетъ сказано ниже. Въ общемъ феодальный порядокъ, установившійся въ западной Европѣ, привелъ къ ослабленію военного могущества западныхъ государствъ.

Чрезмѣрное развитіе индивидуальныхъ стремленій въ господствующемъ сословіи выразилось въ раздробленіи государствъ на множество мелкихъ владѣній, безсильных для отраженія сильнаго внѣшняго врага, но имѣвшихъ полную возможность вести между собою безконечную междоусобную войну. Ослабленію военного могущества государствъ содѣйствовало еще исключеніе изъ военной службы народныхъ массъ, сдѣлавшихся неспособными къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей—защиты своего отечества. Это имѣло отрицательное значеніе по отношенію къ успѣхамъ культуры вообще и военного дѣла въ особенности. Но въ то же время сосредоточеніе военного дѣла въ рукахъ высшаго, господствующаго сословія имѣло важныя послѣдствія и въ положительномъ смыслѣ, въ отношеніи развитія нравственныхъ понятій въ военномъ сословіи; оно облагородило военное званіе и выработало самыя прочныя и высокія принципы военной чести, воинской доблести и мужества. Полное проявленіе подобныхъ результатовъ этого порядка вещей выразилось въ томъ замѣчательномъ учрежденіи, которое, по нравственнымъ началамъ, лежавшимъ въ его основаніи, и до сихъ поръ служитъ самымъ свѣтлымъ идеаломъ для всякаго истиннаго воина, т. е. въ *рыцарствѣ*. „*Рыцарь, рыцарская храбрость, честь и великодушіе*“—все это понятія, одушевляющія самыя возвышенныя побужденія и представляющіяся идеальными и для современнаго военного человѣка.

Рыцарство глубоко распространило свое вліяніе на всѣ стороны жизни средневѣковаго общества и въ особенности на военную. Съ развитіемъ феодальной системы войско уже не олицетворяло собою народа, какъ въ древнихъ германскихъ общинахъ. Военное званіе сдѣлалось принадлежностью богатаго класса, являющагося на службу сюзерена на конѣ и за-

кованнаго въ броню. Рыцарство являлось моральною связью между всѣми этими князьями, герцогами, графами и баронами, явившимися на зовъ сюзерена или государя.

Нѣкоторыя основныя идеи рыцарства можно замѣтить въ законахъ древнихъ индусовъ, по которымъ войны не должны употреблять отравленнаго оружія, не должны поражать раненныхъ, бѣгущихъ, сдающихся въ плѣнъ враговъ и т. п. Въ средніе вѣка рыцарство возникло въ западной романо-германской Европѣ и у арабовъ. Первые рыцарскіе ордена, представлявшіе военно-духовныя братства и имѣвшіе свои страннопріемные дома и госпитали, были основаны, по всему вѣроятію, арабами. Во время крестовыхъ походовъ западъ сблизился съ востокомъ, причемъ крестоносцы многое позаимствовали у своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и нѣкоторыя формы рыцарства, которое къ тому времени организовалось и на западѣ. Крестовые походы способствовали сближенію крестоносцевъ и устройству между ними братствъ. Такъ какъ война имѣла религіозный характеръ, то эти братства должны были принять формы духовныхъ орденовъ; между тѣмъ военная сторона вызывала необходимость военной связи, вслѣдствіе чего братства приняли боевые обычаи, сходные съ таковыми же обычаями востока. Такимъ образомъ возникли ордена: а) въ Палестинѣ *Тамплиеровъ*, *Іоаннитовъ* и *Тевтонскій*, съ которымъ впоследствии соединился образовавшійся въ Финляндіи орденъ *Меченосцевъ* и, сверхъ того, б) въ Испаніи ордена: *Калатрава*, *Сантъ-Яго-де-Компостелла* и *Алькантара*.

Образцомъ и патрономъ всего христіанскаго рыцарства считался Св. Георгій, какъ послѣдователь Архангела Михаила. Къ религіозному одушевленію рыцарства вскорѣ присоединилось поклоненіе женщинамъ. Рыцарство можетъ быть разсматриваемо по отношеніямъ его: а) къ *церкви*, б) къ сеніору или *ленному владѣльцу*, в) къ своей *чести* и чести ордена и г) къ *женщинамъ*. Сущность этихъ отношеній, какъ нельзя лучше, характеризуется слѣдующимъ французскимъ девизомъ рыцарства:

„A Dieu mon âme,
Ma vie au roi,
Mon coeur aux dames,
L'honneur pour moi!“

Надлежащая подготовка рыцаря къ его высокому назначенію достигалась посредствомъ соответственнаго воспитанія, начинавшагося съ 7-лѣтняго возраста. Семилѣтній мальчикъ поступалъ на службу *пажемъ* (page, damoiseau) ко двору какого-нибудь знаменитаго рыцаря, причемъ обязанности его заключались въ прислуживаніи самому этому рыцарю и его супругѣ. По достиженіи 14-лѣтняго возраста пажъ могъ пріобрѣсти званіе *оруженосца* (écuyer), который находился въ бою всегда за своимъ рыцаремъ. Онъ былъ обязанъ содержать въ исправности оружіе своего рыцаря, ходить за его конемъ и стеречь его замокъ. Оруженосецъ могъ быть посвященъ въ *рыцари* (chevalier) не ранѣе 20-лѣтняго возраста. Самое посвященіе производилось обыкновенно при какихъ-либо празднествахъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ и сопровождалось торжественною же церемоніею, которой предшествовали различные религіозные обряды; иногда производилось, безъ особенныхъ церемоній, посвященіе въ рыцари передъ сраженіемъ, въ видахъ возбужденія въ молодыхъ рыцаряхъ большей храбрости.

Еще будучи оруженосцемъ, благородный юноша примѣромъ своего рыцаря въ бою побуждался къ подражанію ему въ храбрости, а игры и турниры развивали въ немъ ловкость, силу и столь необходимое для боя искусство владѣть оружіемъ. При тогдашнемъ вооруженіи и снаряженіи были необходимы непрерывныя тѣлесныя упражненія, чтобы не обезсилѣть подъ его тяжестью. Посредствомъ подобныхъ упражненій рыцарь достигалъ того, что могъ въ полномъ вооруженіи вспрыгнуть на коня безъ помощи стремени, проходить и пробѣгать значительныя разстоянія, разбивать сѣкирою или молотомъ твердые камни и т. п., а оружіемъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Рыцари были обязаны: всегда говорить правду; защищать вѣру, церковь, вдовъ и сиротъ; спасать угнетенную невинность; не терпѣть поношенія благородныхъ женщинъ; преслѣдовать невѣрныхъ; участвовать въ войнахъ до 60-лѣтняго возраста. Въ то же время рыцари имѣли и обширныя права, въ томъ числѣ право носить свой гербъ и участвовать на *турнирахъ*. Турниры состояли въ различныхъ состязаніяхъ на коняхъ и пѣшкомъ и оканчивались раздачею побѣдителямъ наградъ избранными для сего дамами, игравшими важнѣйшую роль

въ турнирномъ судѣ. Турниры хотя иногда и служили предлогомъ для удовлетворенія личной мести, но въ то же время возбуждали соревнованіе въ искусствѣ владѣть оружіемъ и конемъ и вообще поддерживали рыцарскій духъ.

Внушаемая рыцарямъ съ юности начала чести побуждала ихъ къ самымъ смѣлымъ подвигамъ. Вообще, рыцарство, въ эпоху наибольшаго своего развитія, измѣнивъ строй жизни средневѣковаго общества, облагородивъ это общество и объединивъ дворянство всѣхъ западныхъ странъ, отразилось и на развитіи военнаго искусства. Оно довело единоборство до самой высокой степени совершенства и отвело первое мѣсто моральному (духовному) элементу.

Г Л А В А П.

Феодальный порядокъ и его квинтъ-эссенція, рыцарство, не могли не отразиться на составѣ войскъ того времени. Уже при Карлѣ Великомъ конница составляетъ около половины общей численности войскъ. Затѣмъ, пѣхота постепенно все болѣе и болѣе уступаетъ свое мѣсто на полѣ сраженія конницѣ, которая становится главнымъ родомъ оружія. Такимъ образомъ устанавливаются ненормальныя отношенія между обоими этими родами оружія, ибо при нормальныхъ условіяхъ главная роль должна принадлежать пѣхотѣ.

Вооруженіе войскъ постепенно совершенствуется, собственно въ смыслѣ искусства его изготовленія, дѣлается болѣе тяжелымъ и становится даже предметомъ тщеславія и роскоши; при этомъ предохранительное вооруженіе все болѣе и болѣе усложняется и дѣлается чрезвычайно обременительнымъ.

Въ XI столѣтіи воинъ покрывалъ голову конической или пирамидальною металлическою *шапкою* съ *гребнемъ*, прикрывавшимъ лобъ и носъ (и иногда съ затыльникомъ). Тѣло прикрывалось *панцирной рубашкой* или узкимъ кафтаномъ съ нашитыми на немъ желѣзными пластинками. Иногда подобная рубашка замѣнялась *кольчугою*, состоявшею изъ мелкихъ металлическихъ колецъ и обхватывавшею тѣло довольно плотно, а ниже живота раздѣлявшеюся для прикрытія бедеръ; рукава ея шли ниже локтей. *Шитъ* былъ или овальный сверху, а книзу удлинненный и заостренный, или же округленный.

Наступательное оружіе составляли: *копье*, которое могло быть употребляемо какъ для метанія, такъ и въ рукопашномъ бою; короткій *мечъ*; *палица* очень толстая въ концѣ; *топоръ* въ родѣ современнаго рабочаго топора; *лукъ*; иногда и *кинжалъ*.

Къ началу XII столѣтія металлическая шапка была замѣнена *шлемомъ* (helme), надѣвавшимся только въ бою. Около

начала того же столѣтія панцирная рубашка была замѣнена доходившимъ до колѣнъ узкимъ *кафтаномъ* съ короткими рукавами (*heaubert*). Кафтанъ этотъ по преимуществу состоялъ изъ кольчуги простой, двойной, а иногда даже тройной. Къ нему придѣлывался откинутый кольчужный *капюшонъ*, надѣвавшийся на голову подъ шлемъ только для боя. Подъ панциремъ носилась рубашка изъ прочной матеріи. Позже рукава панциря удлинлись до кистей рукъ, панцирь доходилъ до половины высоты ногъ, а нижняя часть ногъ покрывалась также кольчугою. Подъ панцирь надѣвалась еще стеганная куртка.

Португеза, шедшая отъ праваго плеча къ лѣвому бедру, украшалась металлическими набивками; позже она была замѣнена поясною португезею.

Въ концѣ XII столѣтія стали носить поверхъ вооруженія *туники* изъ мягкой матеріи. Со времени Филиппа Красиваго (1285—1314) начали надѣвать на локти и на колѣни (сверхъ кольчуги) желѣзные *налокотники* и *наколѣнники*; затѣмъ прибавили къ нимъ еще *наручи* и *поножи*.

Изъ наступательнаго оружія прежнее копье продолжало существовать въ видѣ прямой *пикѣ* съ длиннымъ и широкимъ наконечникомъ и съ древкомъ, имѣвшимъ сначала одинаковую толщину по всей длинѣ, а позже утолщавшимся книзу. Первоначально всѣ рыцари прикрѣпляли къ основанію наконечника знамя (*bannière*). Затѣмъ имъ оставленъ былъ только флюгеръ, а право знамени присвоено лишь тѣмъ изъ рыцарей, которые являлись на войну въ сопровожденіи значительной свиты изъ воиновъ, или такъ называемымъ *знаменнымъ рыцарямъ* (*chevalier banneret*, *Bannerherr*).

Мечъ сохранилъ до XIV вѣка ту же форму, которую онъ имѣлъ въ XI столѣтіи, и состоялъ изъ рукоятки съ прямымъ перекрестьемъ и широкаго обоюдоостраго клинка, постепенно суживающагося книзу. Руки защищались желѣзными перчатками. Неблагородные воины, а равно и пѣхотинцы носили изъ предохранительнаго вооруженія только стеганную куртку, а изъ наступательнаго оружія главную роль у нихъ играли: *праща*, *лукъ* и *арбалетъ*; сверхъ того встрѣчаются древняя *сѣкира*, а въ XIV столѣтіи *аллебарда*, представлявшая соединеніе копья съ сѣкирою, т. е. и рубящее, и колющее оружіе. У швейцарцевъ, а затѣмъ и у другихъ народовъ встрѣчается

такъ называемый *моргенштернъ* (утренняя звѣзда); оружіе это состояло изъ палицы, на передней оконечности которой были воткнуты перпендикулярно къ оси желѣзные гвозди; одинаковое съ нимъ значеніе имѣлъ *цунъ*, состоявшій изъ длиннаго дровка, къ концу котораго на цѣпи прикрѣплялась желѣзная многогранная палка или желѣзное ядро съ гвоздями или безъ гвоздей. Это оружіе было принято въ XIV столѣтіи даже рыцарями.

Для боя рыцари подбирали себѣ крупныхъ и массивныхъ боевыхъ коней, а походныя движенія совершали на небольшихъ, но сильныхъ клеперахъ или простыхъ лошадахъ. На такихъ же лошадахъ сидѣли и конные слуги. Боевыхъ коней также покрывали латами. Конское снаряженіе состояло изъ сѣделъ съ двумя луками, изъ коихъ задняя постепенно дѣлалась выше, чтобы дать болѣе упора и устойчивости вообще и при ударѣ копьемъ въ особенности рыцарю, державшемуся не шлюссомъ, но балансомъ ¹⁾). Стремена служили для влѣзанія на лошадь и для упора всею среднею частью подошвы. Шпоры, носившіяся нѣкогда на одной ногѣ, въ этотъ періодъ носились уже на обѣихъ ногахъ: рыцарями золотыя, а оруженосцами серебрянныя.

Какъ ни былъ закованъ въ желѣзо тогдашній рыцарь, тѣмъ не менѣе онъ не былъ вполне гарантированъ отъ ударовъ. Прежде всего кольчуга и панцырь, при сильномъ ударѣ даже не булавою, а только копьемъ, вонзались въ тѣло и причиняли опасныя раны, во избѣжаніе чего приходилось поддѣвать стеганную куртку, что утяжеляло снаряженіе. При ударѣ булавою по шлему, послѣдній гнулся и не предохранялъ головы, а если и спасалъ ее отъ пролома, то не могъ предупредить мозгового сотрясенія; сверхъ того, если подъ шлемъ поддѣвалась кольчуга, то отражательнымъ дѣйствіемъ удара переламывалась ключица. Все вооруженіе и снаряженіе рыцари представляло такую тяжесть, что онъ не могъ одѣться безъ помощи пажы, а если падалъ съ коня, то уподоблялся опрокинутой черепахѣ и былъ беззащитенъ, при чемъ легко дѣлался добычей презираемаго имъ пѣхотинца, вооруженнаго кинжаломъ или хотя бы даже простымъ ножомъ.

¹⁾ Головной уборъ состоялъ изъ оголовья съ мундштучнымъ желѣзомъ. Въ XII столѣтіи появляются *трэнзель*.

Характер *веденія войны и боя* въ эпоху наибольшаго расцвѣта феодализма сводился къ слѣдующему.

Съ объявленіемъ похода король или феодальный владѣлецъ назначалъ *сборный пунктъ*, куда должны были явиться призываемые вассалы и вообще всѣ воины и гдѣ имъ производился смотръ. Затѣмъ опредѣлялся порядокъ марша, при чемъ иногда происходили кровавыя схватки изъ за чести идти впереди всѣхъ. При ночлегахъ и вообще при непродолжительныхъ стоянкахъ располагались лагеремъ въ палаткахъ, а при продолжительныхъ остановкахъ въ устраиваемыхъ для сего баракахъ. Иногда лагерь окружался укрѣпленіями, а во всякомъ случаѣ охранялся ведетами и особыми охранительными отрядами. При продолжительныхъ стоянкахъ велась малая война. Если лагерь былъ обезпеченъ отъ нападенія противника, то изъ него высылались конные отряды, которые грабили неприятельскую страну и захватывали добычу.

Передъ сраженіями старались собрать возможно полныя свѣдѣнія о противникѣ, для чего пользовались шпионами и высылали воиновъ развѣдчиковъ. Подобныя рекогносцировки представляли обширное поприще для частныхъ схватокъ, которыя иногда, постепенно разгораясь отъ прибывающихъ подкрѣпленій, превращались въ сраженія. Если рѣшено было дать сраженіе, то къ нему дѣлались приготовленія во всей арміи: рыцари и вообще воины осматривали оружіе, исповѣдывались и пріобщались Св. Таинъ; друзья заключали обѣты не покидать другъ друга въ бою; достойнѣйшіе и знатнѣйшіе рыцари добивались чести нести главное знамя, что было сопряжено съ наибольшою опасностью, ибо неприятель направлялъ свои усилія главнымъ образомъ противъ этого знамени. Маршалы устраивали войска, воодушевляемые вождами и состоявшими при арміи духовными лицами, а затѣмъ начиналось движеніе. Въ это время производилось посредствомъ удара по мечу и по щиту посвященіе въ рыцари молодыхъ воиновъ, удостоиваемыхъ этой чести ихъ начальниками. Для боя старались выбирать ровныя и открытыя мѣста и располагаться на нихъ по возможности такъ, чтобы солнце и вѣтеръ были въ тылу войска. Иногда день и мѣсто боя назначались по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ.

На избранномъ для боя мѣстѣ войска строились большею частью въ параллельномъ къ неприятелю боевомъ порядкѣ.

Пехота, вслѣдствіе своего дурнаго состава и устройства, большею частью не принимала участія въ бою, но употреблялась для прикрытія лагерей и обозовъ, для переноски раненныхъ, для отвода плѣнныхъ, и т. п. Если же она участвовала въ бою, то главныя ея силы раздѣлялись на большія, сомкнутыя и неповоротливыя массы ¹⁾, называемыя *баталями* и располагались въ центрѣ или въ резервѣ, а остальные части на менѣе важныхъ пунктахъ. Главную и лучшую часть арміи составляла рыцарская конница, располагавшаяся на важнѣйшихъ пунктахъ. Смотри по тому, кто командовалъ арміею, императоръ или король или коннетабль или же кто либо изъ феодальныхъ владѣльцевъ, выставлялось государственное или королевское или же иное знамя, соотвѣтствующее достоинству полководца.

По обѣимъ сторонамъ знамени главнокомандующаго становились знамена баннеретовъ на мѣстахъ, назначенныхъ по распоряженію главнокомандующаго или избранныхъ баннеретами, съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣ *рыцари* могли построиться по обѣимъ сторонамъ своихъ баннеретовъ, въ одну шеренгу ²⁾ на весьма значительныхъ интервалахъ (*en haue*), что дѣлалось какъ въ видахъ удобства управленія конемъ и дѣйствія оружіемъ, такъ и потому, что каждый хотѣлъ побѣдить въ отдѣльности. На нѣкоторой дистанціи за рыцарями и въ затылокъ имъ строилась шеренга *оруженосцевъ*, которые не участвовали въ бою рыцарей, но должны были имѣть запасныхъ лошадей и оружіе; къ нимъ отбѣзжали утомленные рыцари, чтобы собраться съ силами. За оруженосцами стояли двѣ шеренги конныхъ слугъ, *лучниковъ* и *кутилгеровъ* (шпажниковъ), а за ними *нажи* и *тѣшіе слуги*; каждый рыцарь со своей конной вооруженной свитой составлялъ основную боевую единицу или такъ называемое „*котье*“ (*lance fournie*); копыя же одного баннерета, поставленные рядомъ,

¹⁾ Фаланга принимала разнообразныя формы, имѣвшія почти всегда видъ прямоугольниковъ; у нѣмцевъ же примѣнялся еще и ихъ національный треугольный клинъ. На каждого пѣхотинца по фронту приходилось 3 фута ($1\frac{1}{2}$ шага), глубина же строя доходила до 16 шеренгъ. При каждой фалангѣ имѣлись арбалетчики или лучники, прикрывавшіе ея движеніе и эволюціи и скрывавшіеся внутри фаланги, когда имъ приходилось очищать фронтъ.

²⁾ Въ одну шеренгу строились, потому что никто не пожелалъ бы стать во вторую шеренгу; къ тому же построеніе въ нѣсколько шеренгъ считалось выраженіемъ трусости.

составляли „*знамя*“, сила коего простиралась отъ 25 до 80 копій или отъ 150 до 600 всадниковъ ¹⁾).

По рыцарскому образцу строилась большая часть кавалеріи; впрочемъ жандармы строились также въ отряды по 32 ряда по фронту и въ 8 шеренгъ въ глубину; между рядами были значительные интервалы для смѣны головныхъ всадниковъ задними. Всадники легкой кавалеріи сопровождали своихъ господъ, составляя съ ними конья, или же сводились въ отдѣльныя массы и строились по образцу жандармовъ.

Боевой порядокъ строился въ одну или двѣ, а иногда и въ три линіи; 3-я линія играла роль резерва, но это ея значеніе было весьма слабо въ виду того, что дистанціи между линіями были весьма малы, 100—150 шаговъ. Фаланги и знамена строились на интервалахъ равныхъ протяженію ихъ фронта. Армія дѣлилась на 3 части: *центр*, состоявшій большею частью изъ пѣхоты, и два *крыла*, составлявшія преимущественно изъ кавалеріи. Кавалерія стремилась вытянуться въ одну линію. Пѣхота атаковала фалангами, наклонивъ впередъ пики. Иногда этой атакѣ содѣйствовали лучники и кавалерія. Главное значеніе принадлежало дѣйствіямъ кавалеріи, которая доводила атаку до карьера (хотя и на небольшомъ разстояніи). Бой кавалеріи сводился къ одиночнымъ свалкамъ или поединкамъ. Такимъ образомъ главное значеніе въ боевомъ порядкѣ феодальныхъ войскъ и въ бою этихъ войскъ принадлежало длинной тонкой боевой линіи рыцарей съ ихъ свитами или вѣрнѣе одной лишь этой линіи.

Разсматривая этотъ боевой порядокъ съ точки зрѣнія основныхъ условій, устанавливаемыхъ тактикою для боевыхъ порядковъ вообще, не трудно видѣть, что онъ не отличался *гибкостью* или удобопримѣнимостью къ обстановкѣ, въ весьма слабой степени удовлетворялъ условію *взаимной поддержки* и (вслѣдствіе отсутствія резерва), не обладалъ способностью къ *парированію случайностей*. Единственное условіе, которому онъ удовлетворялъ, это условіе *независимости* его составныхъ частей, но и въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе непомѣрнаго развитія значенія личности каждаго отдѣльнаго воина—рыцаря, а тѣмъ болѣе частнаго начальника, прихо-

¹⁾ Число оруженосцевъ и слугъ въ копѣе было неодинаково, въ зависимости отъ знатности и состоянія рыцарей.

дилось считаться съ отсутствіемъ должнаго *объединенія власти* въ рукахъ главнокомандующаго, что препятствовало извлеченію возможной пользы и изъ этой единственной положительной стороны этого боеваго порядка.

Для того, чтобы составить себѣ болѣе точное понятіе о боевыхъ столкновеніяхъ и вообще о военныхъ дѣйствіяхъ того времени, остановимся нѣсколько на войнѣ между Филиппомъ II Августомъ, королемъ французскимъ и враждебною ему коалиціею съ императоромъ Оттономъ IV во главѣ, при чемъ рассмотримъ сраженіе при Бувиньѣ 27 Августа 1214 года, рѣшившее эту кампанію.

Въ исторіи Франціи короли изъ династіи Капетинговъ, начиная съ *Людвика VI Толстаго* (1108—1137) играютъ такую же роль, какая въ исторіи нашего отечества принадлежитъ собирателямъ Руси, великимъ князьямъ московскимъ, начиная съ Иоанна Калиты. *Филиппъ II Августъ* (1180—1223) продолжалъ съ успѣхомъ дѣло своихъ предшественниковъ, при чемъ, опираясь на духовенство и на городскія общины и не ограничиваясь подчиненіемъ своей власти мелкихъ владѣльцевъ, наложилъ руку и на лены, принадлежавшіе сильнѣйшимъ изъ числа непосредственныхъ вассаловъ французской короны. Это выразилось особенно рельефно въ лишеніи короля англійскаго *Иоанна Безземельнаго* (1199—1216) его леновъ во Франціи, которые Филиппъ-Августъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, равно какъ и значительную часть владѣній Ферранда, графа Фландрскаго. Подобная политика вооружила противъ него многихъ могущественныхъ его вассаловъ. Сверхъ того Филиппъ-Августъ состоялъ въ союзѣ съ Фридрихомъ Гогенштауфеномъ, выступившимъ въ качествѣ претендента на императорскій престолъ противъ царствовавшаго въ то время въ имперіи *Оттона IV Брауншвейгскаго* (1198—1215), вслѣдствіе чего и императоръ Оттонъ сталъ на сторону враговъ короля французскаго. Такимъ образомъ составила коалиція, къ которой приступили: императоръ, король англійскій, герцоги Брабантскій и Лимбургскій и графы Феррандъ Фландрскій, Рено Булонскій и многіе другіе вассалы императора и французскаго короля. Рѣшено было лишить династію Капетинговъ королевскаго достоинства и владѣній, раздѣлить между союзниками Францію и ввести въ ней выборы королей, при чемъ на первый разъ поднести.

французскую королевскую корону императору Оттону IV; сверхъ того предполагалось наложить руку на церковныя имущества и раздѣлить ихъ между феодальными владѣльцами и рыцарями, находившимися подъ знаменами коалиціи.

Такимъ образомъ эта война являлась первою франко-нѣмецкою войною, т. е. имѣла въ замѣтной степени національный характеръ; въ то же время ей былъ присущъ и характеръ клерикальный и сословный, ибо духовенство и городскія общины выступали подъ знаменами короля противъ враговъ церкви и противъ феодальной аристократіи. Въ подобномъ характерѣ войны и заключалась сила королевскихъ войскъ въ сравненіи съ войсками коалиціи, которыя имѣли цѣлью лишь захватъ владѣній коронныхъ, духовныхъ и городскихъ. Это преимущество королевско-французской арміи не могло быть парализовано даже и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые феодальные владѣльцы, выступившіе подъ знаменемъ короля, колебались въ вѣрности по отношенію къ своему сюзерену.

Война эта велась на двухъ театрахъ: главнымъ, во Фландріи, и второстепенномъ, въ областяхъ Анжу и Пуату. Для достиженія намѣченныхъ коалиціею цѣлей участники ея выставили: а) на главномъ театрѣ, подъ начальствомъ императора Оттона, около 200,000, а за исключеніемъ небоеваго элемента 100,000—150,000, и б) на второстепенномъ театрѣ, подъ начальствомъ англійскаго короля Юанна, около 30,000—40,000 человекъ; итого 130,000—190,000 человекъ.

Въ виду опасности, угрожавшей съ двухъ сторонъ, король французскій раздѣлилъ свои силы, простиравшіяся до 70,000—80,000 человекъ, на двѣ части: а) *главную армію*, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, назначаемую для дѣйствій на главномъ театрѣ, въ числѣ 5,000 рыцарей, 10,000—15,000 конныхъ сержантовъ и около 40,000 пѣхоты, а всего, за исключеніемъ небоеваго элемента, около 50,000—60,000 человекъ, и б) *отдѣльный корпусъ* наслѣднаго принца Людовика, назначаемый для дѣйствій въ Анжу и Пуату, въ числѣ 17,000 человекъ. Такимъ образомъ численное превосходство находилось на сторонѣ союзниковъ, но главная ихъ армія, превосходя главную армію Филиппа-Августа въ отношеніи числительности пѣхоты, уступала ей въ отношеніи числительности кавалеріи.

Операціи обѣихъ сторонъ на второстепенномъ театрѣ первоначально приняли оборотъ, благопріятный для англійскаго короля, который овладѣлъ было провинціями Анжу и Пуату и даже направился въ Бретань, но въ то же время король Іоаннъ разбросалъ свои силы и дѣйствовалъ нерѣшительно; этимъ воспользовался принцъ Людовикъ, который разбилъ англійскаго короля и вытѣснилъ его изъ Анжу и Пуату, послѣ чего предполагалъ двинуться во Фландрію на присоединеніе къ главной арміи французскаго короля, но этого не пришлось исполнить, такъ какъ въ это же время на главномъ театрѣ произошло генеральное сраженіе при Бувинѣ, рѣшившее всю войну вообще.

Въ то время, какъ король англійскій открывалъ дѣйствія на юго-западѣ, главныя силы коалиціи, начиная съ мая 1214 года, сосредоточивались на границахъ Фландріи, на берегахъ Шельды; по окончаніи сосредоточенія, союзники выдвинулись къ Мортань; при этомъ они составляли окончательный проектъ раздѣла Франціи и готовились вторгнуться въ ея предѣлы. Между тѣмъ король Филиппъ-Августъ, получивъ довольно точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ своихъ враговъ, принялъ мѣры къ возможно большому усиленію своей арміи посредствомъ созыва ополченія и добился отъ оставшихся вѣрными ему вассаловъ единогласнаго рѣшенія продолжать службу феодальныхъ войскъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ предотвращена опасность германскаго и вообще непріятельскаго вторженія ¹⁾). 10-го іюля феодальныя войска французской арміи сосредоточились у Турнэ, гдѣ около 23-го августа къ нимъ присоединились части городскихъ войскъ. Союзники двинули часть своихъ силъ на Куртрэ и Лилль, съ цѣлью обойти лѣвый флангъ французовъ; что побудило короля Филиппа 27-го августа начать съ своею арміею отступленіе въ направленіи на крѣпость Пероннь, съ цѣлью дать врагамъ сраженіе на равнинѣ близъ Камбрэ, дабы такимъ образомъ воспользоваться численнымъ превосходствомъ французской кавалеріи.

Союзники въ этотъ же день двинулись къ Турнэ, а затѣмъ вслѣдъ за французскою арміею, въ трехъ колоннахъ, которыя

¹⁾ Въ виду государственнаго, національнаго и клерикальнаго характера войны, вмѣстѣ съ собственно королевскимъ знаменемъ, развернута была *орифламма* или священная хоругвь, хранившаяся въ аббатствѣ С.-Дени.

состояли: *лѣвая*, графа Фландрскаго, изъ фламандскихъ и голландскихъ феодальныхъ войскъ; *средняя*, императора Оттона, изъ 800 брауншвейгскихъ жандармовъ, нѣмецкой пѣхоты и резервнаго саксонскаго корпуса, въ числѣ 16,000 человекъ, и *правая*, графа Рено Булонскаго, изъ его вассаловъ, наемныхъ бандъ рутьеровъ и брабансоновъ и 6,000 англійской кавалеріи со стрѣлками, подъ начальствомъ графа Салисбэри. Союзники совершали наступательный маршъ весьма быстро, въ виду полученныхъ ими невѣрныхъ свѣдѣній о безпорядочномъ бѣгствѣ французовъ къ Бувину (на пути изъ Турнэ въ Лилль); императоръ хотѣлъ настичь врага прежде, чѣмъ онъ успѣетъ перейти черезъ мостъ на р. Маркѣ, у Бувина, и тамъ нанести ему рѣшительный ударъ. Но эти намѣренія Оттона не осуществились въ желательной для него формѣ, благодаря весьма цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ *Гарена*, епископа санлискаго, близкаго друга французскаго короля, въ этотъ день сначала командовавшаго аріергардомъ французской арміи, а во время сраженія исполнявшаго обязанности начальника штаба той же арміи.

Гаренъ выслалъ на рекогносцировку къ сторонѣ противника, на Турнэ, 3,000 конныхъ сержантовъ подъ начальствомъ виконта Мелюнскаго и, двинувшись лично съ этимъ отрядомъ, открылъ движеніе всей непріятельской арміи къ Турнэ, послѣ чего прискакалъ къ королю и доложилъ ему о результатахъ рекогносцировки. Въ виду этого, король, приказавъ приостановить движеніе арміи, собралъ военный совѣтъ, на которомъ большинство высказывалось въ пользу продолженія отступленія, но Гаренъ энергично настаивалъ на необходимости немедленно занять позицію и вступить съ непріателемъ въ бой. Король колебался. Въ это время были получены донесенія о томъ, что противникъ повернулъ отъ Турнэ на Бувинъ и что виконтъ Мелюнскій, атакованный легкими непріятельскими войсками, долженъ былъ отойти на аріергардъ, который, будучи также тѣснимъ противникомъ, нуждается въ подкрѣпленіи. Тогда король рѣшился принять бой и приказалъ всѣмъ войскамъ, перешедшимъ уже на лѣвый берегъ р. Марки, возвратиться, сколь возможно быстрѣе, на правый ея берегъ.

Раздались звуки трубъ и литавръ и крики герольдовъ: „*къ оружію, бароны, къ оружію!*“!

Поле сраженія при Бувинѣ представляло открытую рав-

нину, ограниченную съ юга, юго-запада и запада р. Маркою и находящуюся на правомъ берегу этой рѣчки. Изъ путей, пересѣкавшихъ эту равнину, наиболѣе важное значеніе имѣла дорога изъ Турнэ въ Лилль, проходившая черезъ С. Бувинъ и, влѣдъ затѣмъ, по мосту черезъ р. Марку; долина этой рѣчки была болотиста, а потому это былъ единственный путь отступленія французской арміи, которая, такимъ образомъ, имѣла въ тылу у себя дефиле; въ этомъ и заключался самый существенный недостатокъ этой позиціи; въ другихъ же отношеніяхъ она была удовлетворительна.

Армія союзниковъ развернулась въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ, примыкая къ Маркѣ, стали, подъ начальствомъ Салисбэри, *англійскіе лучники* и *кавалерія*, а лѣвѣе ихъ *брабансоны* и *рутьеры* графа Салисбэри и графа Рено Булонскаго, который командовалъ всѣмъ правымъ крыломъ; далѣе, влѣво, стали, въ разомкнутомъ строѣ, по копьямъ, *рыцари* Палатината и Лотарингіи; въ *центрѣ*—нѣмецкая *пѣхота*, построенная въ глубокія фаланги, имѣя впереди своихъ фланговъ двѣ колонны въ клиновомъ строѣ; за нѣмецкою пѣхотою—*брауншвейгскіе жандармы*; тутъ же находилось императорское *знамя* и самъ *императоръ*, окруженный 50 отборными рыцарями и принявшій на себя начальство надъ центромъ; за жандармами, во 2-й линіи, въ видѣ резерва, была поставлена *саксонская пѣхота*; наконецъ, *лѣвое крыло* составили голландскіе и фламандскіе *рыцари* подъ начальствомъ графа Ферранда Фландрскаго.

Французамъ приходилось сообразоваться нестолько съ мѣстными условіями, сколько съ боевымъ расположеніемъ противника. По порученію короля, епископъ Гаренъ построилъ для боя французскія войска, которыя развернулись въ слѣдующемъ порядкѣ: на *правомъ* флангѣ, противъ фламандцевъ и голландцевъ, подъ начальствомъ герцога Бургундскаго, его *жандармы* и суассонскіе конные *сержанты* и затѣмъ *коммунальныя милиціи* Шампани и Пикардіи; въ *центрѣ*—*милиціи* Иль-де-Франса и Нормандіи, подоспѣвшія отъ переправы, прошли черезъ интервалы между находившимися первоначально впереди французскими *рыцарями* и построились впереди ихъ, чтобы дать имъ время изготovitъся къ бою; тутъ же находилось королевское *знамя* и самъ *король* Филиппъ-Августъ; на *лѣвомъ* флангѣ, подъ начальствомъ графа Дрѣ,

стали *милиции* Перша, Понтё и Вимё, а за ними бретонские *жандармы*. Для охраненія Бувинскаго моста было оставлено 150 королевскихъ *сержантовъ*, составлявшихъ въ то время единственный резервъ французской арміи. Между тѣмъ, на лѣвомъ берегу Марки начальникъ авангарда Монморанси собиралъ находившихся подъ его начальствомъ рыцарей Иль-де-Франса и милиціи Корби, Бове и Лаона. Такимъ образомъ, расположеніе французовъ было нѣсколько растянуто, но это было сдѣлано Гареномъ съ цѣлью не дать неприятелю возможности охватить фланги, которые были примкнуты къ р. Маркѣ.

Въ пользу французовъ было и то обстоятельство, что солнце находилось у нихъ въ тылу и въ то же время ослѣпляло противника прямо съ фронта.

Сраженіе началось на правомъ флангѣ французовъ, гдѣ суассонскіе конные сержанты атаковали рыцарей графа Фландрскаго. Рыцари эти отнеслись къ этой атакѣ съ презрѣніемъ и, считая для себя унижительнымъ вести равный бой съ небогородными воинами, встрѣтили атаку на мѣстѣ, причемъ многіе сержанты были ранены или убиты, или вышиблены изъ сѣделъ; оставшіеся изъ нихъ способными къ продолженію боя собрались въ пѣшемъ строѣ и снова двинулись противъ рыцарей. Во время этого боя въ строѣ рыцарей образовались довольно значительные интервалы; этимъ воспользовался графъ С.-Поль и бросился въ атаку на рыцарей съ жандармами, которые завязали ожесточенный бой съ рыцарями графа Фландрскаго. Между тѣмъ подоспѣлъ Монморанси, который, собравъ на лѣвомъ берегу Марки рыцарей Иль-де-Франса и милиціи Корби, Бове и Лаона, привелъ ихъ къ правому флангу боеваго порядка французовъ, гдѣ, построивъ свою пѣхоту въ плотную колонну, ударилъ *во флангъ* войскамъ графа Фландрскаго, чѣмъ рѣшилъ побѣду на этомъ флангѣ въ пользу французовъ. Графъ Фландрскій былъ взятъ въ плѣнъ, а остатки его войскъ разсѣялись, послѣ чего Монморанси, съ большею частью войскъ праваго крыла, двинулся на поддержку своего центра. Въ центрѣ нѣмецкая пѣхота, въ трехъ большихъ колоннахъ, за которою слѣдовалъ императоръ Оттонъ съ отборными рыцарями, атаковала французскія коммунальныя милиціи и опрокинула ихъ; двѣ колонны этой пѣхоты были остановлены, благодаря поддержкѣ жандармовъ графа Дрѣ и рыцарей Шампани; но третья колонна проникла до самой

свиты французскаго короля, который былъ сбитъ съ лошади и едва спасенъ рыцарями ¹⁾). Въ этотъ критическій моментъ, какъ нельзя болѣе кстати, подоспѣлъ опять-таки тотъ же Монморанси, который неожиданно атаковалъ лѣвый *флангъ* нѣмцевъ и вынудилъ ихъ къ отступленію. Нѣмецкіе историки утверждаютъ, что раненный конь императора Оттона подхватилъ и унесъ его съ поля сраженія, что и послужило сигналомъ къ общему бѣгству центра союзниковъ.

На лѣвомъ флангѣ французовъ бой былъ особенно упоренъ. Тутъ графъ Рено Булонскій, въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ французами, построилъ четыре банды брабансоновъ въ *каре* или круги въ три шеренги глубиною, пустые внутри и представлявшіе какъ-бы живыя укрѣпленія. Оттуда онъ и его рыцари выѣзжали для боя, а затѣмъ скрывались туда же обратно, чтобы отдохнуть и собраться съ силами для новаго боя. вмѣстѣ съ рыцарями Рено Булонскаго сражался и Салисбѣри со своими англичанами. Справиться съ ними удалось не ранѣе того, какъ успѣхъ боя былъ уже рѣшенъ на другихъ пунктахъ поля сраженія.

Графъ Булонскій и Салисбѣри нашли себѣ достойнаго противника въ лицѣ епископа Бове ²⁾), который, двинувшись противъ нихъ во главѣ милиціи Гамашъ и Вимѣ, вооружился булавою, чтобы не нарушать церковныхъ каноническихъ правилъ, запрещающихъ проливать человѣческую кровь, и бросился на англичанъ, нанося направо и налево жестокіе удары. Никто изъ союзниковъ не могъ устоять противъ епископа, который собственноручно убилъ Салисбѣри и многихъ другихъ непріятельскихъ воиновъ. Между тѣмъ король Филиппъ-Августъ, по совѣту епископа Гарена, выдвинулъ противъ пѣхоты графа Булонскаго 3,000 сержантовъ, вооруженныхъ пиками, которые вскорѣ привели противника въ разстройство. Графъ Булонскій сопротивлялся до послѣдней крайности, но наконецъ сдался епископу салисскому.

Послѣдними оставались на полѣ сраженія брабансоны графа Салисбѣри, но и они были опрокинуты 50 рыцарями

¹⁾ Замѣчательно, что въ пылу этого боя графъ Булонскій бросился было на короля, но въ рѣшительную минуту не отважился поднять руку на своего сюзерена и, быстро повернувъ въ сторону, бросился съ опущеннымъ копьемъ на графа Дре.

²⁾ Le redoutable évêque de Beauvais.

и 1,000 пѣшихъ сержантовъ подъ начальствомъ рыцаря де-С.-Валери.

Французы одержали полную побѣду и Франція спаслась отъ непріятельскаго вторженія. Потери союзниковъ опредѣляются около 25⁰/₀—30⁰/₀ или 35,000 человекъ, въ томъ числѣ до 9,500 плѣнныхъ. Французы потеряли около 25⁰/₀—28⁰/₀ или 15,000 человекъ, въ томъ числѣ около 1,000 рыцарей. Побѣдители занялись захватомъ и распредѣленіемъ добычи и праздновали побѣду; преслѣдованіе же непріятели, съ цѣлью довершенія успѣха, не производилось.

Относительно кампаніи 1214 года вообще и сраженія при Бувинѣ въ особенности можно вывести слѣдующія заключенія:

а) Союзники хотя и обладали численнымъ превосходствомъ въ силахъ на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, но они могли сдѣлать это превосходство еще болѣе ощутительнымъ, не раздѣляя своихъ силъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что на сторонѣ французовъ находилось превосходство въ отношеніи кавалеріи, игравшей въ арміяхъ того времени главную роль. Что касается короля Филиппа-Августа, то ему пришлось сообразоваться съ распредѣленіемъ силъ союзниковъ, причемъ онъ назначилъ на второстепенный театръ только $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$, а на главный — $\frac{3}{4}$ — $\frac{2}{5}$ своихъ силъ, что отвѣчало обстановкѣ. По окончаніи операцій на второстепенномъ театрѣ принцъ Людовикъ предполагаетъ двигаться на присоединеніе къ главной арміи короля. Въ общемъ, со стороны французовъ замѣчается большее уваженіе къ принципу *сосредоточенія силъ*, чѣмъ у союзниковъ.

б) Союзники, задавшись смѣлою цѣлью уничтожить политическое существованіе Франціи, дѣйствуютъ неумѣло и, сверхъ того, нерѣшительно и даже робко, вслѣдствіе чего претерпѣваютъ пораженія на обоихъ театрахъ, не взирая на свое численное превосходство, которое парализуется на главномъ театрѣ полезною дѣятельностью епископа Гарена, а на второстепенномъ — рѣшительными и цѣлесообразными дѣйствіями принца Людовика и на обоихъ театрахъ подъемомъ моральныхъ силъ во французскихъ войскахъ.

в) Въ сраженіи при Бувинѣ оба полководца нѣсколько управляютъ, сколько сражаются, какъ простые рыцари, причемъ управленіе боемъ переходитъ въ руки частныхъ начальниковъ. Король Филиппъ-Августъ, какъ полководецъ, не мо-

жетъ быть поставленъ особенно высоко въ сравненіи съ императоромъ Оттономъ и, подобно ему, склоненъ къ нерѣшительности, но онъ находитъ отличныхъ помощниковъ въ лицѣ Гарена и Монморанси: Гаренъ, изучившій военное дѣло и теоретически, насколько это было возможно въ то время, производитъ весьма искусно рекогноспировку передъ сраженіемъ, своевременно доноситъ о ея результатахъ королю, на военномъ совѣтѣ смѣло идетъ одинъ противъ всѣхъ остальныхъ и высказывается въ пользу рѣшительнаго образа дѣйствій, во время сраженія строить боевой порядокъ согласно съ требованіями обстановки и, внимательно слѣдя за ходомъ боя, подаетъ королю весьма дѣльные совѣты; Монморанси, быстро собравъ войска, находившіяся на лѣвомъ берегу р. Марки, дважды поспѣваетъ къ рѣшительнымъ моментамъ, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ принципу взаимной поддержки, и, нанеся врагамъ внезапно рѣшительные удары во флангъ, склоняетъ успѣхъ на сторону французовъ на правомъ флангѣ и въ центрѣ, причемъ обнаруживаетъ умѣнье выбирать моменты для удара и содѣйствуетъ достиженію общей цѣли; строго говоря, онъ дѣлаетъ то же самое, что дѣлала кавалерія Александра Великаго и Аннибала въ сраженіяхъ при Арбеллахъ и при Каннахъ.

г) При слабомъ управленіи частная инициатива получаетъ неестественно большой просторъ: не только частные начальники, но и отдѣльные воины, рыцари, выбираютъ себѣ цѣли и время для дѣйствій, вслѣдствіе чего дѣйствія эти не могутъ клониться къ достиженію общей цѣли, но и въ этомъ отношеніи встрѣчаются исключенія, а именно со стороны союзниковъ дѣйствія графа Булонскаго, а со стороны французовъ — графа Дрѣ и особенно Монморанси.

д) Пѣхота принимаетъ въ бою второстепенное участіе и даже играетъ несоответственную роль, служа живымъ брустверомъ для рыцарской кавалеріи, не принимающей никакихъ мѣръ къ обезпеченію своего прикрытія отъ ударовъ врага.

е) Успѣхъ склоняется на сторону французовъ, которые были сильнѣе союзниковъ въ отношеніи численности рыцарской кавалеріи, тогда какъ качества ея были одинаковы въ обѣихъ арміяхъ. Это даетъ понятіе о той выдающейся роли, которую играла въ этомъ сраженіи рыцарская конница, не взирая на то, что даже во французской арміи она составляла

лишь $\frac{1}{11}$ — $\frac{1}{12}$ всѣхъ силъ короля Филиппа-Августа, а въ арміи союзниковъ еще и менѣе того.

ж) Управление войсками въ бою, вслѣдствіе извѣстныхъ свойствъ феодальныхъ армій, было болѣе или менѣе слабо, какъ на той, такъ и на другой сторонѣ, но у французовъ оно все-таки было выше, чѣмъ у союзниковъ, и даже это повидимому небольшое преимущество, находившееся на сторонѣ французовъ, имѣетъ весьма важное значеніе въ положительномъ смыслѣ.

з) Вообще, не взирая ни на слабое управление войсками, ни на слабое же значеніе пѣхоты, ни на всѣ остальные слабыя стороны феодальныхъ войскъ, знаменующія собою эту эпоху паденія военнаго искусства, все-таки нельзя не замѣтить, что успѣхъ склоняется въ пользу той стороны, которая относится съ большимъ уваженіемъ къ основнымъ началамъ искусства, хотя-бы даже подобное преимущество проявлялось въ не особенно большихъ размѣрахъ.

Если въ сраженіи при Бувинѣ рыцарская кавалерія, составлявшая сравнительно небольшую часть арміи, играла такую выдающуюся роль, то совершенно понятно, что значеніе ея еще болѣе увеличивалось съ увеличеніемъ ея соразмѣрности по отношенію къ пѣхотѣ, а такое увеличеніе и происходило съ теченіемъ времени вслѣдствіе того, что высшее сословіе, присвоивъ себѣ исключительное право на воинское званіе въ полномъ смыслѣ этого слова и держа желѣзною рукою низшіе классы общества, отвыкшіе отъ военнаго дѣла, считало такой порядокъ вещей совершенно естественнымъ и, отнюдь не желая допустить въ этомъ порядкѣ какое-бы то ни было измѣненіе, съ теченіемъ времени усиливало преграды, препятствовавшія доступу низшихъ классовъ къ пріобрѣтенію не только равныхъ съ рыцарями, но даже какихъ бы то ни было правъ въ данномъ отношеніи. Подобныя стремленія высшаго сословія встрѣчали, въ свою очередь, препятствія со стороны королевской власти, которая вступала въ союзы съ городскими общинами противъ феодальной аристократіи и освобождала изъ подъ ея власти если не всѣ, то все-таки часть низшихъ классовъ. Сверхъ того, были еще и другія обстоятельства, неблагопріятныя для феодализма и для рыцарства, о которыхъ будетъ сказано ниже. Вслѣдствіе этого, нерѣдко встрѣчаются уклоненія отъ вышеуказаннаго общаго явленія, сводившагося къ усиленію кавалеріи.

леріи вообще и рыцарской въ частности на счетъ пѣхоты, что и выражается въ значительной соразмѣрности пѣхоты къ кавалеріи въ соответствующихъ боевыхъ столкновенияхъ того времени. Подобное уклоненіе представляетъ даже и сраженіе при Бувинѣ, которое, между прочимъ, и поэтому является болѣе поучительнымъ, чѣмъ сраженія, въ которыхъ участвуетъ исключительно кавалерія, какъ напримѣръ сраженіе при *Штилльбридѣ* или на *Мархскомъ полѣ* 26 августа 1278 г., въ которомъ императоръ Рудольфъ Габсбургскій, съ 40,000 воиновъ, разбилъ короля чешскаго Оттокара, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ также 40,000—45,000 человекъ.

Оттокаръ изготовился раньше къ войнѣ и первоначально имѣлъ несравненно большія силы, чѣмъ противникъ: пользуясь этимъ, онъ открылъ кампанію вторженіемъ во владѣнія Рудольфа, но, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать рѣшительно, занялся осадю неважныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и потерялъ время, причемъ еще не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній о противникѣ. Рудольфъ воспользовался ошибками Оттокара, собралъ свои войска, выждалъ присоединенія войскъ своихъ союзниковъ и только тогда вступилъ въ бой со врагомъ. Обѣ арміи, состоявшія изъ кавалеріи, построились въ одну линію, имѣя за серединою небольшіе резервы. Сраженіе началось не вслѣдствіе приказанія того или другаго полководца, но потому что лошадь одного изъ рыцарей арміи Рудольфа шарахнулась и занесла всадника въ среду враговъ, а за нимъ, для выручки, двинулась постепенно вся линія. Завязавшійся бой былъ типическій рыцарскій, и даже Рудольфъ и Оттокаръ сражались, какъ простые воины. Наконецъ бой принялъ оборотъ, неблагоприятный для Оттокара, который хотѣлъ ввести въ дѣло свой резервъ, но начальникъ этого резерва, Милота Дѣдичъ, питавшій вражду къ своему королю, измѣнилъ ему и, повернувъ назадъ, ушелъ съ поля сраженія, послѣ чего Оттокаръ, не желая сдаться въ плѣнъ, погибъ, получивъ 17 ранъ, а армія его потерпѣла полное пораженіе. Въ этомъ сраженіи управленіе войсками не замѣтно; участвуетъ въ немъ конница, а преобладаютъ рыцари; бой раздробляется на десятки тысячъ поединковъ; самое сраженіе представляетъ столкновеніе фронтальное и параллельное.

Въ общемъ, въ военномъ дѣлѣ феодальной римско-германской Европы можно замѣтить послѣдовательное усиленіе

конницы въ ущербъ пѣхотѣ, переживающей въ это время періодъ своего паденія; то и другое находится въ связи съ знаменующимъ эту эпоху одностороннимъ и ненормальнымъ развитіемъ военнаго искусства.

Естественно, что съ теченіемъ времени не могло не послѣдовать ослабленіе причинъ, обуславливавшихъ возникновеніе и существованіе феодализма и его квинтъ-эссенціи, рыцарства; сверхъ того и само рыцарство, по достиженіи высшей степени своего развитія, не замедлило подвергнуться разлагающей силѣ времени, въ борьбѣ съ враждебными элементами; вслѣдствіе этого послѣдовало постепенное пониженіе уровня моральныхъ силъ въ рыцарствѣ и вообще въ высшемъ сословіи, что имѣло слѣдствіемъ упадокъ какъ рыцарства, такъ и феодализма.

Слабыя стороны государственнаго, общественнаго и военнаго устройства феодальной романо-германской Европы вообще и рыцарства въ особенности становятся совершенно понятными при изученіи тѣхъ фактовъ, съ которыми послѣдовательно сталкивались феодализмъ и рыцарство. Не касаясь вновь стремившейся къ усиленію королевской власти и ссѣднявшихъ съ нею городскихъ общинъ, а иногда и духовенства, т. е. факторовъ *внутреннихъ*, обратимся къ факторамъ *внѣшнимъ*, въ ряду коихъ первое по времени мѣсто принадлежитъ появившимся разновременно на культурно-исторической аренѣ, большею частью подобно прежнимъ варварамъ, различнымъ такъ называемымъ (хотя и не вполнѣ правильно) *народамъ востока*, изъ числа коихъ болѣе замѣчательны: мадьяры или венгры, монголы, аравитяне и турки.

ГЛАВА Ш.

Въ IX вѣкѣ западно-европейскій романо-германскій міръ столкнулся съ *мадьярами* или *венграми*, представляющими смѣшанное финско-турско-славянское племя съ примѣсью различныхъ другихъ народностей. Древнѣйшая организація ихъ войскъ основывалась, какъ и у германцевъ, на родовомъ началѣ, но съ тѣмъ видоизмѣненіями, которыя вызывались меньшею связью этого кочующаго народа съ землею. Члены каждаго рода и племени составляли особыя военныя группы, которыя по призыву выступали въ походъ подъ предводительствомъ своихъ родовыхъ начальниковъ. При каждомъ племени находилось извѣстное число слугъ, изъ крѣпостныхъ или временно-обязанныхъ плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ числа плѣнныхъ получали свободу, привлекались къ военной службѣ и увеличивали собою численность войскъ, возрастающую сверхъ того вслѣдствіе принятія въ разрядъ коренныхъ мадьяръ заслуженныхъ инородцевъ.

Ко времени царствованія короля *Стефана Святаго* (997 — 1038) эта организація измѣнилась. Прежняя связь племенъ и народовъ была нарушена; распространилось начало личной собственности; государство было раздѣлено на округа, во главѣ которыхъ были поставлены графы, получившіе въ слѣдствіи титулъ оберъ-гешпановъ. Стефанъ ввѣрилъ имъ управленіе городами, признанными неотчуждаемыми, а для охраненія городовъ учредилъ особое наследственное сословіе рыцарей—воиновъ, получившихъ земли и права низшаго дворянства, дѣлившихся на сотни и десятки, и зависѣвшихъ вполне отъ графовъ и ихъ придворныхъ судей. Этимъ судьямъ подчинялись и горожане, получившіе также земельныя надѣлы и обязанные лично служить въ городахъ и вносить половину своихъ доходовъ съ земли. По примѣру короля и знатнѣйшія лица ввели у себя такую же организацію. Такимъ образомъ въ жизнь мадьяръ постепенно вошли феодальныя учрежденія,

а съ ними и рыцарство. Тѣмъ не менѣе, на ряду съ королевскою арміею, существовало и древнее національное ополченіе, созывавшееся въ случаѣ непріятельскаго вторженія.

Мадыяры были природными наѣздниками и не любили ходить пѣшкомъ. Сидя на легкихъ татарскихъ лошадахъ, они были чрезвычайно быстры и ловки въ движеніяхъ, что давало имъ громадное преимущество надъ неповоротливыми всадниками нѣмецкими, греческими и т. д. Главное ихъ оружіе составляли *тига* и *лукъ*, которыми они владѣли чрезвычайно искусно. *Мечъ* не имѣлъ равнаго съ ними значенія. Грудь у воина и передъ лошади прикрывались желѣзными или войлочными *латами*. Предводители имѣли полное предохранительное вооруженіе. Съ теченіемъ времени въ вооруженіи и снаряженіи венгровъ произошли перемены. Въ XI столѣтіи они были вооружены *копьями*, *луками* со стрѣлами, *мечами* и *щитами*. Въ XII вѣкѣ появляется венгерская булава или *бузоганъ*. Въ XIV столѣтіи венгры имѣютъ вооруженіе и одежду почти вполне сходныя съ нѣмецкими и итальянскими.

Древніе мадыяры отлично умѣли готовить себя успѣхъ атаки метательнымъ боемъ и разными хитростями. Они не имѣли постоянного боеваго порядка и большею частью окружали противника группами наѣздниковъ и, обстрѣливая неповоротливыя массы непріятельскихъ войскъ стрѣлами, старались привести ихъ въ разстройство; когда же это было достигнуто и если было нужно дѣйствовать твердымъ строемъ, то они, соединившись въ большія группы или кучи, доходившія до 1000 всадниковъ и строившіяся иногда и въ нѣсколько линій, стремительно и яростно атаковали врага. Они съ особеннымъ искусствомъ умѣли беспокоить и изнурять противника мелкими стычками и внезапными нападеніями, ловко производили обходы и засады, отрѣзывали обозы и т. п. Завлекая искусно противника и приводя его въ разстройство, они внезапно поворачивали назадъ, осыпали врага тучею стрѣлъ и врывались въ его разстроенные ряды. Бѣгущаго непріятеля они преслѣдовали безъ отдыха и, только уничтоживъ его, думали о добычѣ. Въ войскахъ ихъ господствовала строгая дисциплина; въ бою же они безпрекословно повиновались своимъ вождямъ. Указанныя сильныя ихъ стороны давали имъ большое преимущество надъ войсками нѣмецкими и итальянскими, которымъ они нанесли цѣлый рядъ

поражений, при чемъ неоднократно грабили территоріи имперіи, уводили массы плѣнныхъ и увозили громадное количество добычи; имперія же не могла препятствовать этимъ набѣгамъ, какъ вслѣдствіе превосходства ихъ надъ нѣмецкими войсками, состоявшими изъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, сидѣвшихъ на массивныхъ коняхъ и дѣйствовавшихъ въ неповоротливомъ строѣ, такъ и вслѣдствіе того, что восточная граница имперіи была почти совершенно открыта. Эти обстоятельства вынудили императора Генриха I Штицелова принять слѣдующія мѣры къ обезпеченію имперіи отъ столь опасныхъ враговъ: а) устройство укрѣпленныхъ пунктовъ, являвшихся убѣжищами и сборными пунктами для нѣмцевъ въ случаѣ вторженія венгровъ; б) улучшение и облегченіе вооруженія войскъ; в) увеличеніе численности войскъ, т. е. собственно кавалеріи; г) введеніе построенія линіями вмѣсто глубокихъ колоннъ и клина; д) обученіе новой легкой кавалеріи дѣйствіямъ въ разсыпномъ строѣ съ примѣненіемъ неожиданныхъ атакъ, а всѣхъ войскъ быстрому производству маршей и возможно искусному маневрированію. Въ ряду этихъ мѣръ особенно важное значеніе имѣло образованіе легкой конницы.

Такимъ образомъ мадьяры въ первый періодъ ихъ исторіи, оказали весьма существенное вліяніе на развитіе военного дѣла въ западной Европѣ, главнымъ образомъ въ имперіи. Позже общій ходъ развитія государственнаго, общественнаго и военного устройства западной Европы парализовалъ благія начинанія Генриха I; да и у самыхъ венгровъ, подъ вліяніемъ той же западной Европы, военное дѣло постепенно видоизмѣнилось и утратило свой азіатскій характеръ. Тѣмъ не менѣе, узкія понятія феодально-рыцарскаго періода не подавили венгровъ окончательно: не взирая на принятіе твердаго строя и сплошнаго боеваго порядка, до половины XIV столѣтія у нихъ важную роль въ бою играли лучники, а въ половинѣ XV вѣка вновь учрежденныя легкоконныя войска подъ названіемъ *гусаръ*, боевыя дѣйствія которыхъ сводились къ разнаго рода атакамъ и безпрестаннымъ нападеніямъ мелкими отрядами; наконецъ притворное бѣгство, заманиваніе непріятеля и затѣмъ внезапный переходъ въ наступленіе еще долго оставались любимыми боевыми приемами венгровъ.

Монголы выступаютъ на историческое поприще въ XII столѣтіи, когда во главѣ ихъ становится знаменитый Тему-

чингъ или *Чингисъ-Ханъ*, который, будучи первоначально главою лишь небольшого племени изъ 40,000 семействъ, кочевавшаго по обѣимъ сторонамъ Хинганскаго хребта и подвластнаго Китаю, съ теченіемъ времени, благодаря силѣ своего гения, искусной политикѣ и необыкновеннымъ трудамъ, создаетъ обширное государство, имѣвшее въ свое время міровое значеніе не только въ Азіи, но и въ Европѣ, чему способствовали и нѣкоторые изъ его преемниковъ, а въ особенности великій завоеватель Тамэрланъ.

Непрерывная борьба съ сосѣдями и сношенія съ Китаемъ дали Чингисъ-Хану возможность заимствовать многое у китайцевъ, при чемъ заимствованіе это касалось не мертвой формы, но духа, оживлявшаго тѣ или другія стороны военного дѣла; главный же источникъ силы монголовъ Чингисъ-Хана заключался въ томъ, что онъ отлично воспользовался всѣми фактическими условіями Монголіи и свойствами своего народа, цѣнными въ военномъ отношеніи, и далъ ихъ развитію такое направленіе, которое должно было привести къ самымъ положительнымъ результатамъ.

При Чингисъ-Ханѣ каждое племя кочевало на отведенномъ ему пространствѣ земли и дѣлилось на тысячи, сотни и десятки юртъ или кибитокъ, съ десятниками, сотниками и тысячниками во главѣ. Смотря по надобности, при наборѣ войскъ каждый десятокъ юртъ выставлялъ по одному или болѣе человекъ, соединявшихся также въ десятки, сотни и т. д. и подчинявшихся соответствующимъ команднымъ начальникамъ. Сверхъ того при войскахъ Чингисъ-Хана находились штабные чины, подраздѣлявшіеся по специальностямъ до генеральнаго штаба включительно. Содержаніе войскъ ничего не стоило верховной власти, такъ какъ войны жалованья не получали, а снаряжались на счетъ средствъ своихъ десятковъ и, даже находясь на войнѣ, не избавлялись отъ податей и повинностей, вносимыхъ за нихъ семействами.

Благодаря богатству пастбищъ монгольскія вооруженныя силы состояли изъ конныхъ ополченій. Оружіе монголовъ вообще составляли: лукъ, стрѣлы, сѣкиры и пики съ крючьями. Хорошо вооруженные воины имѣли кривыя сабли и кожанныя каски съ металлическими полосками; у отборныхъ же воиновъ были и желѣзные шлемы. Монголы были отличные стрѣлки и наѣзники; съ малолѣтства они пріучались

къ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ, а звѣриная охота и ловля и постоянныя упражненія поддерживали въ нихъ отличную боевую подготовку. Монгольская конница дѣлилась на тяжелооруженную, служившую главнымъ образомъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ, и легкую, которая назначалась для сторожевой службы и для преслѣдованія противника, а также для разстройства рядовъ непріятели съ цѣлью облегченія дѣйствій тяжелооруженной конницы. Качественная сторона монгольской конницы была превосходна.

Чингисъ-Ханъ оставилъ своимъ потомкамъ наставленіе, какъ вести войну, какъ обращаться съ покоренными народами и т. п. На основаніи дошедшихъ до насъ отрывковъ этого наставленія можно возстановить его сущность въ слѣдующемъ видѣ: до начала войны Чингисъ-Ханъ собиралъ всѣми возможными способами свѣдѣнія о своихъ предполагаемыхъ врагахъ, о ихъ вооруженныхъ силахъ, о ихъ средствахъ вообще, о свойствахъ ихъ странъ, какъ театровъ военныхъ дѣйствій и т. п.; передъ нападеніемъ онъ предлагалъ противнику покориться добровольно; если рѣшенъ былъ походъ, то производилось совѣщаніе въ общемъ собраніи, при чемъ опредѣлялась величина набора, сборный пунктъ арміи и т. п.; для развлеченія вниманія противника вторженіе въ его страну производилось съ разныхъ сторонъ; самая страна предавалась жесточайшему опустошенію; *главныя силы* двгались въ важнѣйшемъ направленіи, имѣя въ двухъ переходахъ впереди *авангардъ*, а съ фланговъ и въ тылу особыя отряды; при войскахъ гналась масса заводныхъ лошадей; съ приближеніемъ непріятельскихъ войскъ всѣ отряды, выдѣленные изъ арміи и составленные изъ легкой конницы, быстро сосредоточивались къ главнымъ силамъ; любимая тактика монголовъ сводилась къ устройству засадъ, къ нечаяннымъ нападеніямъ и къ заманиванію противника, которое сочеталось съ внезапнымъ переходомъ въ наступленіе; встрѣтивъ превосходнаго силами противника, монголы отступали, старались заставить врага раздѣлиться, а затѣмъ, быстро собравшись, бросались на него и истребляли по частямъ; утомивъ непріятели отступленіемъ, они перескакивали на свѣжихъ лошадей, окружали его съ фланговъ и тыла, засыпали его тучею стрѣль, а затѣмъ бросались въ рукопашную; вообще монгольскія войска маневрировали съ большимъ искусствомъ, а ихъ

начальники умѣло управляли дѣйствіями вѣрренныхъ имъ частей войскъ и отрядовъ.

Монгольское военное искусство вполне развилось при *Тамерланѣ*, въ войскахъ котораго появляются особый видъ легкой конницы, вооруженной пиками съ флюгерами, подъ названіемъ *уланъ* и *легкая пѣхота*; сверхъ того и конница его, подобно нашимъ драгунамъ, дѣйствовала въ лѣшемъ строѣ; воины его получали отъ него содержаніе; особенно же замѣчательнъ его боевой и соотвѣтствующій боевому походный порядокъ.

Боевой порядокъ состоялъ изъ *авангарда*, предшествуемаго сторожевыми частями, праваго и лѣваго *крыльевъ* (съ ихъ авангардами) и *резерва*, дѣлившихся на болѣе мелкія подраздѣленія, представлявшія боевыя единицы. Сраженію предшествовала тщательная рекогносцировка. Бой начался метательнымъ дѣйствіемъ сторожевыхъ частей; затѣмъ вступалъ въ дѣло главный авангардъ, отходившій назадъ для охвата и бросавшійся на центръ противника для прорыва его боеваго порядка; этотъ авангардъ поддерживался послѣдовательно авангардами праваго и лѣваго крыльевъ, наружными половинами этихъ крыльевъ, а въ случаѣ надобности и остальными ихъ половинами. Между тѣмъ Тамерланъ, получивъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, въ рѣшительную минуту бросался впередъ съ общимъ резервомъ и наносилъ врагу рѣшительный ударъ. Боевой порядокъ монголовъ, представлявшій во всѣ стороны сочетаніе уступовъ, давалъ возможность развивать успѣхъ наступательнаго боя при совершенномъ обезпеченіи себя со всѣхъ сторонъ. Замѣчательно, что, стараясь извлечь изъ него наибольшую пользу, монголы производили первый натискъ съ нѣкоторою осторожностью, стараясь вовлечь противника во внутрь своего боеваго порядка, чтобы сжать его, какъ бы желѣзнымъ кольцомъ и истребить.

Боевой порядокъ монголовъ и ихъ способъ веденія боя, имѣя въ своемъ основаніи идею резерва, были несравненно выше боеваго порядка и способовъ веденія боя феодальныхъ западно-европейскихъ войскъ, у которыхъ эта идея проявлялась сравнительно рѣдко и въ весьма слабой степени; въ то же время у монголовъ полководецъ управляетъ въ бою войсками, что въ западной Европѣ встрѣчается лишь въ видѣ исключенія и опять таки въ болѣе слабой степени.

Монголы появились в Европѣ въ первый разъ въ 1224 году, когда Чжебе и Субутай, полководцы Чингисъ-Хана, дошли до р. *Калки*, гдѣ разбили войска южно-русскихъ князей, но затѣмъ они повернули въ Крымъ, а оттуда ушли обратно въ Азію. Въ 1237 и 1240 годахъ *Батый*, внукъ Чингисъ-Хана, произвелъ вторженія въ сѣверо-восточную и юго-западную Русь и отчасти въ Польшу, а въ 1241 году предпринялъ наступленіе далѣе въ западную Европу, при чемъ, направивъ отдѣльные отряды въ Польшу и Силезію съ Моравіею, самъ съ главными силами двинулся въ Венгрію. Выдѣленные Батыемъ отряды, опустошивъ значительную часть Польши, дошли до Силезіи, гдѣ 9-го апрѣля при *Валми-тадтѣ* разбили 30,000 нѣмецко-моравско-польскихъ войскъ подъ начальствомъ польско-силезскихъ князей. Въ этомъ сраженіи превосходство боевого порядка и образа дѣйствій въ бою монголовъ надъ боевымъ порядкомъ и образомъ дѣйствій нѣмецко-славянскихъ феодальныхъ войскъ выказалось весьма рельефно. Послѣ этого погрома монголы двинулись въ Моравію. Между тѣмъ Батый, произведшій вторженіе въ Венгрію съ двухъ сторонъ, черезъ Галичъ и черезъ Трансильванію, разбилъ нѣсколько разъ венгровъ и опустошилъ большую часть ихъ страны. Въ это время онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ великаго монгольскаго хана *Октая*, вслѣдствіе чего онъ собралъ всѣ свои войска и двинулся съ ними обратно, чтобы поспѣть на выборы новаго хана. Весьма вѣроятно, что только это обстоятельство спасло западную Европу отъ такого же погрома, какому подверглась восточная, и воспрепятствовало осуществленію составленнаго монгольскими ханами (на основаніи собранныхъ свѣдѣній) плана покоренія Европы въ теченіе 18 лѣтъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Плато-Карпини.

Не говоря уже о походахъ Чингисъ-Хана, даже походы Батия, завоевавшего въ нѣсколько лѣтъ обширныя территоріи отъ Иртыша и Камы до Адриатическаго моря, Дуная и Кавказа, при чемъ ни русскіе, ни поляки, ни венгры, ни западно-европейскіе рыцари не могли противостоять его войскамъ, доказываютъ превосходство монголовъ надъ ихъ противниками въ отношеніи организаціи и устройства войскъ, обученія ихъ дѣйствію оружіемъ, производства маршей и дѣйствій войскъ въ бою вообще, а въ особенности въ отно-

пени дѣйствій конницы, съ которою не могла состязаться даже рыцарская кавалерія. Однако хотя это превосходство и обнаружилось, тѣмъ не менѣе оно не имѣло никакого вліянія на западную Европу въ смыслѣ какихъ либо измѣненій въ отношеніи военнаго дѣла; сфера подобнаго вліянія ограничилась Русью, о чемъ будетъ сказано ниже.

Аравитяне, вдохновленные ученіемъ Магомета, завоевали обширныя страны и приобрѣли славу и всемірное историческое значеніе. Сила ихъ заключалась въ высокомъ моральномъ воодушевленіи, имѣвшемъ религіозный характеръ и побуждавшемъ ихъ, въ особенности на первыхъ порахъ, вести непрерывныя войны для распространенія корана и для обращенія невѣрныхъ въ послѣдователей ислама, предписывавшаго покореніе идолопоклонниковъ и язычниковъ и обложеніе данью прочихъ иновѣрцевъ, признающихъ единого Бога, т. е. христіанъ и евреевъ.

Каждый мусульманинъ былъ обязанъ участвовать въ священной войнѣ и безъ различія состоянія становился воиномъ пророка и его послѣдователей. Поэтому всѣ аравитяне, способные носить оружіе, входили въ составъ войскъ. Первоначально, при Магометѣ, аравитяне сражались въ пѣшемъ строѣ, но, при ближайшихъ его преемникахъ, вслѣдствіе наступательнаго характера операцій, войска ихъ состояли главнымъ образомъ изъ конницы; главную ея силу составляла легкая конница, сильная какъ въ численномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Подобное измѣненіе состава арміи вполне отвѣчало требованіямъ ислама, строго предписывавшаго надлежащій уходъ за лошадыю. Сверхъ того исламъ повелѣвалъ упражняться въ стрѣльбѣ изъ лука и лучники находились подъ его покровительствомъ. Кромѣ лука легкаго и тяжелаго воины должны были имѣть еще мечъ и копьѣ. У древнихъ аравитянъ встрѣчаются также пращи, изогнутые ножи и кожаные щиты. Вслѣдствіи они заимствуютъ различные виды оружія у византійцевъ. Съ развитіемъ у нихъ наукъ они, пользуясь сѣрою, селитрою и углемъ, изготовляютъ различные зажигательные составы и снаряды и бросаютъ эти снаряды изъ метательныхъ машинъ или ручнымъ способомъ.

Первыя арабскія ополченія обыкновенно двигались къ намѣченному предмету дѣйствій по большимъ дорогамъ. Если

противникъ преграждалъ имъ путь, то они его атаквали и обыкновенно разбивали. Если крѣпость запирала дорогу, то они брали ее приступомъ. Бою всегда предшествовала молитва; сверхъ того полководецъ воодушевлялъ войско рѣчью. Въ началѣ сраженія отважнѣйшіе воины, нерѣдко нагіе и вооруженные одною лишь палицею, выдвигались впередъ и, при восклицаніяхъ имени пророка вызывали противника на бой. Толпа такихъ храбрецовъ увеличивалась постепенно, и за ними нерѣдко вся армія устремлялась въ атаку. Если побѣда оставалась на сторонѣ аравитянъ, то ихъ легкая конница преслѣдовала бѣгущаго противника по пятамъ и рубила всѣхъ, которые уцѣлѣли въ сраженіи. Напротивъ того, если первый напоръ не имѣлъ успѣха, то они повторяли свои атаки непрерывно до тѣхъ поръ, пока не одолѣвали врага.

Съ теченіемъ времени арміи аравитянъ строились въ боевой порядокъ въ нѣсколько линій, которыя, на арабскомъ языкѣ, носили своеобразныя названія, а именно: 1-я линія, *утро исоваго лая*, состояла изъ массы наѣздниковъ въ рассыпномъ строѣ и завязывала бой; 2-я линія, *день помощи* и 3-я линія, *вечеръ потрясенія*, т. е. двѣ линіи резервовъ, состояли изъ колоннъ кавалеріи или фалангъ пѣхоты, строившихся на интервалахъ равныхъ протяженію ихъ фронта, причемъ колонны 3-й линіи строились за интервалами 2-й; 2-я линія поддерживала, а 3-я въ большей части случаевъ завершала бой. За интервалами 3-й линіи строились отборныя дружины, въ составъ коихъ входили *аль-мугаджери* (спутники пророка) и *аль-ансары* (помощники пророка), между которыми находилось *знамя пророка* (санджакъ-шерифъ). Аль-мугаджери и аль-ансары составляли *общій резервъ*, вступающій въ дѣло въ крайнемъ случаѣ. За этимъ резервомъ находился *обозъ*, а въ немъ семейства и имущество воиновъ; иногда женщины принимали участіе въ бою и принуждали воиновъ снова ударить на врага.

Этотъ боевой порядокъ почти вполнѣ удовлетворялъ устанавливаемымъ тактикою для боевыхъ порядковъ основнымъ условіямъ, а именно условію взаимной поддержки, условію известной независимости составныхъ его частей и, благодаря резервамъ, условію способности парирования случайностей въ бою. До нѣкоторой степени слабую сторону этого порядка

составлялъ находившійся за резервомъ обозъ, присутствіе котораго уменьшало гибкость боеваго порядка, при условіи возникновенія опасности съ фланга и особенно съ тыла, но даже и съ этой точки зрѣнія, благодаря прерывчатости этого порядка, онъ на практикѣ дѣлался достаточно примѣнимымъ къ обстановкѣ. Сравнивая его съ боевымъ порядкомъ рыцарской кавалеріи, нельзя не отдать ему предпочтенія вообще, а въ особенности въ виду того, что въ его основаніи лежитъ идея резерва. Изъ этого одного уже видно, на сколько тактическое искусство у аравитянъ было выше, чѣмъ у западныхъ европейцевъ феодально-рыцарскаго періода, у которыхъ крайнее развитіе индивидуализма свело всю тактику къ единоборству. Постепенное введеніе въ бой заднихъ линій и общаго резерва, служившаго для парирования случайностей, давало полководцу аравитянъ возможность проявить въполнѣ свое искусство и направить всѣ силы къ достиженію цѣли, что было несравненно труднѣе для западно-европейскаго военачальника, ограничивающагося большею частью лишь подавленіемъ своимъ воинамъ примѣра личнаго мужества и воинской доблести.

Въ виду столь высокаго, говоря сравнительно, уровня развитія военнаго дѣла у аравитянъ, значеніе чего усиливалось еще тѣмъ, что главный источникъ ихъ силы, моральный (духовный) элементъ, подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія, достигъ самой высокой степени развитія, неудивительно, что ихъ быстрыя и рѣшительныя наступательныя дѣйствія имѣли слѣдствіемъ завоеваніе ими обширныхъ территорій на востокъ до р. Инда и на западъ до Атлантическаго океана, при чемъ въ теченіе только 20 лѣтъ они взяли около 30,000 укрѣпленныхъ городовъ и замковъ. Въ самый непродолжительный періодъ времени эта громадная сила получила мировое значеніе и угрожала какъ западной Европѣ, такъ и Византіи; но и она не избѣжала участи своихъ предшественницъ и, быстро достигнувъ наибольшаго своего развитія, начала клониться къ упадку. Уже около половины VIII вѣка аравитяне раздѣлились на восточныхъ и западныхъ или мавровъ; перемѣшавшись съ нѣкоторыми изъ завоеванныхъ ими народовъ и образовавъ, послѣ распадѣнія калифата, нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга государствъ, они начали жить отдѣльною жизнью и, потерявъ мировое значеніе, постепенно сошли съ историческаго поприща.

Съ военной точки зрѣнія замѣчательно, что какъ только изсякъ духовный элементъ, составлявшій силу арабовъ, то войска народныя не замедлили сойти со сцены и постепенно уступили мѣсто войскамъ наемнымъ, которыя, подобно римскимъ преторіанцамъ, установили солдатское правленіе. Въ XI столѣтіи магометанскій міръ представлялъ двѣ группы государствъ: одна на сѣверномъ берегу Африки и въ Испаніи, а другая въ Азіи. Азіатскія государства хотя и не вполне зависѣли отъ багдадскаго калифа, но всетаки признавали его духовнымъ главою. Багдадскіе калифы къ тому времени находились уже вполне подъ вліяніемъ предводителей своихъ наемныхъ войскъ или *эмировъ-аль-омира*, захватившихъ верховную власть свѣтскую и оставившихъ калифамъ только власть духовную; съ половины X вѣка эта должность была наследственна въ *турецкой* фамиліи *Буидовъ*, царствовавшей въ то же время въ Персіи. Затѣмъ *сельджуцкіе турки* овладѣли багдадскимъ калифатомъ и всею Малою Азіею и образовали новое обширное государство, впоследствии распавшееся на нѣсколько мелкихъ владѣній. Въ XI столѣтіи орды туркомановъ, курдовъ и арабовъ овладѣли частью Сиріи, принадлежавшей Египту, а въ XII вѣкѣ полчища курдовъ овладѣли Египтомъ, но вскорѣ владычество ихъ въ Египтѣ было свергнуто мамелюками, конными тѣлохранителями египетскихъ султановъ, составленными изъ кавказскихъ невольниковъ. Всѣ эти мусульманскіе народы и государства то враждовали между собою, то соединялись и дѣйствовали сообща противъ враговъ. Въ исторіи они извѣстны подъ общимъ названіемъ *сарацинъ* ¹⁾.

Изъ числа этихъ народовъ наиболѣе замѣчательны *турки*. Первые турки, въ отношеніи организаціи войскъ, ихъ вооруженія и веденія войны и боя, сходны съ аравитянами. Война у нихъ считалась наилучшимъ средствомъ для удовлетворенія ихъ потребностей; къ тому же непрерывныя междоусобія и войны съ сосѣдями поддерживали воинственный духъ въ народѣ. Для турка-мусульманина бой съ невѣрными былъ путемъ къ спасенію, что служило сильнѣйшимъ стимуломъ, побуждавшимъ cadaго турка къ сознательному и доброволь-

¹⁾ Нѣкоторые производятъ это названіе отъ арабскаго слова „*sarakin*“, разбойникъ; другіе же полагаютъ, что оно происходитъ отъ слова „*sharik*“ — востокъ.

ному исполненію его обязанности быть вопомъ. Турецкія войска состояли почти исключительно изъ конницы; пѣхота же набиралась преимущественно у покоренныхъ народовъ и играла второстепенную роль. Вооруженіе конницы составляли копье и лукъ, а впоследствии особенно распространились кривая сабля и ятаганъ или кинжалъ, а также дротикъ. Предохранительное снаряженіе состояло изъ легкихъ латъ, кольчугъ и шишаковъ съ чалмами. Лошади турокъ хотя и не были крупны, но за то были быстры, легки и отлично выѣзжены. Положеніе всадника, опиравагося на широкія и коротко подтянутыя стремена, было твердое и натуральное, вслѣдствіе чего выбить его изъ сѣдла было крайне трудно. Турецкій воинъ въ совершенствѣ владѣлъ своею саблею, превосходно стрѣлялъ изъ лука на всемъ скаку и во всѣ стороны и мастерски управлялъ конемъ.

Боевому порядку турокъ обыкновенно предшествовала масса наѣздниковъ, соотвѣтствовавшая „утру псоваго лая“ аравитянъ; самый же боевой порядокъ состоялъ изъ большихъ густыхъ колоннъ съ весьма малыми интервалами, такъ что издали вся армія казалась сплошною массою. Позади первой линіи колоннъ находились *резервы*, готовые ее поддерживать. Глубина частей боевого порядка была неодинакова, что вводило противника въ заблужденіе относительно численности ихъ войскъ. Въ началѣ боя турки предпочитали сражаться издали, для чего массы наѣздниковъ выдвигались впередъ и подготавливали ударъ метательнымъ дѣйствіемъ (изъ луковъ); если противникъ наступалъ, то они отступали и старались навести его на засаду; при превосходствѣ въ силахъ турки окружали непріятельскую армію и, подготовивъ атаку стрѣльбою, бросались въ рукопашную, при чемъ, благодаря своей удивительной ловкости во владѣніи оружіемъ и поворотливости, они обыкновенно имѣли преимущество надъ тяжелооруженнымъ и неповоротливымъ противникомъ. Въ случаѣ неудачи первого натиска они повторяли атаки, а если и это не удавалось, то растягивались вѣерообразно и бросались на врага въ разсыпную съ фронта и съ фланговъ.

Въ виду сомкнутой атаки непріятельской конницы они обыкновенно отступали, стараясь притворнымъ бѣгствомъ завлечь противника и разстроить порядокъ въ его рядахъ, а потомъ быстро поворачивали и производили стремительное

нападеніе. Бѣгущаго противника они преслѣдовали неутомимо и истребляли безпощадно. Такимъ образомъ боевому порядку сарацинъ и въ частности турокъ и образу дѣйствій ихъ въ бою были присущи тѣ же положительныя стороны, которыми отличались боевой порядокъ и образъ дѣйствій въ бою аравитянъ. Къ этому же нужно прибавить, что у сарацинъ вообще не только сторожевая, но и развѣдывательная служба отправлялась весьма искусно, что также составляло ихъ сильную сторону при столкновеніяхъ съ феодальными войсками западной Европы.

Разсматривая военное дѣло у такъ называемыхъ *восточныхъ народовъ*, можно вывести слѣдующія заключенія: а) воинская повинность у нихъ имѣетъ характеръ общеобязательный; б) вслѣдствіе благопріятныхъ условій для коневодства въ коренныхъ мѣстахъ жительства, восточные народы, выступая на военно-историческое поприще, выставляютъ войска, состоящія изъ конницы, при чемъ представляютъ образцы отличной конницы, особенно легкой, способной къ выполнению различныхъ назначеній; в) пѣхота въ арміяхъ этихъ народовъ играетъ второстепенную роль; г) боевые порядки замѣчательны тѣмъ, что въ основаніи ихъ лежитъ идея *резерва*, находящаяся въ забвеніи въ феодальныхъ арміяхъ западной Европы; надлежащая дисциплина въ войскахъ и *управленіе* въ бою, постепенное веденіе боя употребленіемъ войскъ заднихъ линій, завершаемое введеніемъ въ дѣло общаго резерва, служившаго и для парированія неблагопріятныхъ случайностей, давали полководцу возможность проявить вполне свое искусство, свой талантъ и направить всѣ силы къ достиженію общей цѣли, что было въ высшей степени трудно для западно-европейскаго военачальника, который, большею частью, могъ только подавать своимъ войскамъ примѣръ личнаго мужества и отваги; д) *метательное дѣйствіе* и *рукопашный бой* у восточныхъ народовъ находились въ надлежащей связи и въ должномъ отношеніи, при чемъ первое служило подготовкою для успѣха втораго, такъ что и въ этомъ отношеніи азіатское военное искусство было выше западно-европейскаго; ж) *сборъ* свѣдѣній о мѣстности и о противникѣ, какъ въ обширномъ, такъ и въ тѣсномъ смыслѣ, производился войсками восточныхъ народовъ несравненно искуснѣе, чѣмъ войсками западно-европейскими; з) въ общемъ у восточныхъ на-

родовъ мы замѣчаемъ полное уваженіе къ принципу *взаимной поддержки*, а у нѣкоторыхъ изъ ихъ полководцевъ сверхъ того и должное уваженіе къ началу *сосредоточенія силъ къ рѣшительному пункту въ рѣшительную минуту* для нанесенія рѣшительнаго удара; такимъ образомъ на сторонѣ восточныхъ народовъ находилось безусловное преимущество и если дальнѣйшее развитіе военнаго искусства послѣдовало не на востокѣ, но на западѣ, то это явилось слѣдствіемъ общихъ историческихъ условій и различнаго хода развитія исторической жизни тѣхъ и другихъ народовъ.

Цѣлый рядъ столкновеній въ весьма обширныхъ размѣрахъ между феодальною романо-германскою западною Европою и восточными народами произошелъ во время такъ называемыхъ *крестовыхъ походовъ*, совершенныхъ различными государями и феодальными владѣльцами во главѣ большого числа рыцарей и ополченій, составленныхъ изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ дворянскому сословію, подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія съ цѣлью освобожденія Св. Земли отъ владычества мусульманъ.

Въ 1-мъ крестовомъ походѣ разновременно приняло участіе до 100,000 конныхъ и до 300,000 пѣшихъ воиновъ и около 200,000 монаховъ, женщинъ и дѣтей подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, а изъ нихъ болѣе правильно организованная армія находилась подъ главнымъ начальствомъ благочестиваго Готфрида Бульонскаго. Эти массы начали выступать въ походъ въ 1096 году и, пройдя чрезъ Балканскій полуостровъ и Малую Азію, въ 1099 году овладѣли частью Сиріи и Палестины и подошли къ Іерусалиму въ числѣ только 50,000 человекъ, изъ коихъ было лишь 20,000 хорошо устроенной пѣхоты и 1,500 конныхъ рыцарей. Тѣмъ не менѣе, не взирая на самыя неблагопріятныя условія, не взирая на отсутствіе должной дисциплины въ ихъ войскахъ, благодаря высокому подъему силъ моральныхъ, они достигли цѣли, къ которой стремились, и овладѣли Іерусалимомъ, послѣ чего основали іерусалимское королевство и нѣсколько находившихся отъ него въ вассальной зависимости второстенныхъ государствъ, при чемъ перенесли на эту почву свои западно-европейскія феодальныя учрежденія, что не могло спо-

собствовало созданію прочной и устойчивой силы, способной uproчить достигнутый успѣхъ.

Между тѣмъ враждовавшіе между собою мусульманскіе владѣтели начали соединяться для борьбы противъ общаго врага, въ виду чего положеніе христіанъ въ Палестинѣ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Такимъ образомъ паденіе этой искусственно созданной системы феодальныхъ владѣній было неизбежно. Предвозвѣстникомъ его было взятіе въ 1146 году города Эдессы ¹⁾ султаномъ мосульскимъ Нурединомъ, вызвавшее 2-й *крестовый походъ*, въ коемъ главную роль играли императоръ Конрадъ II и король французскій Людовикъ VII. Этотъ походъ окончился неудачею крестоносцевъ и имѣлъ отрицательное значеніе, такъ какъ уничтожилъ высокое мнѣніе, которое сарацины составили себѣ о крестоносцахъ послѣ успѣховъ ихъ въ 1-мъ крестовомъ походѣ.

Въ 1187 году султанъ египетско-сирійскій Саладинъ, замѣчательный государь, администраторъ и полководецъ, взялъ обратно Іерусалимъ, что вызвало 3-й *крестовый походъ* (1189—1192) въ которомъ участвовали императоръ Фридрихъ I Барбаросса, король французскій Филиппъ II Августъ и король англійскій Ричардъ-Львиное-Сердце. Императоръ *Фридрихъ*, участвовавшій въ молодости въ 2-мъ походѣ и хорошо зная какъ страны, по которымъ приходилось проходить, такъ и затрудненія, которыя приходилось преодолевать, принялъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ мѣръ къ *подготовкѣ устьиха похода* и дошелъ до Малой Азии, но при переправѣ черезъ р. Салену утонулъ, а съ нимъ крестоносцы похоронили шансы на успѣхъ ²⁾.

¹⁾ Главный городъ графства Эдесскаго, основаннаго Балдуиномъ Фландрскимъ, братомъ Готфрида Бульонскаго.

²⁾ Онъ принималъ въ армію тѣхъ, кто могъ предъявить, кромѣ необходимаго оружія, не менѣе 3-хъ марокъ серебра, достаточныхъ для продовольствія 1 человѣка въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Съ имѣній лицъ, не участвовавшихъ въ походѣ, были собраны значительныя подати. Посольства, отправленныя къ венгерскому королю Белѣ, къ византійскому императору Исааку Ангелу и иконійскому султану Килиджъ-Арслану, заключили съ этими государями договоры, по которымъ они должны были оказывать содѣйствіе крестоносной арміи и доставлять ей продовольствіе.

Въ половинѣ апрѣля 1189 года Фридрихъ двинулся изъ Регенсбурга съ 30,000 воиновъ, половину коихъ составляла отличная кавалерія. Въ то же время нѣмецкіе князья повели свои ополченія различными путями къ предѣламъ Венгріи. Тяжелые обозы и продовольствіе сплавлялись по Дунаю, вдоль

Оба короля, *Филиппъ-Августъ* и *Ричардъ*, враждовали между собою, пока наконецъ французскій король не возвратился въ Европу; оставшійся же въ Азїи Ричардъ англійскій одержалъ цѣлый рядъ блестящихъ успѣховъ, но успѣхи эти были непрочны; Ричардъ не отличался талантами ни администратора, ни стратега, но только своею безумною отвагою и личнымъ примѣромъ воодушевлялъ своихъ сподвижниковъ до такой степени, что они атаковали гораздо сильнѣйшихъ враговъ и разбивали ихъ; Ричардъ навелъ ужасъ на сарацинъ, но и онъ, послѣ геройскихъ усилій, убѣдился въ невозможности одолѣть мусульманъ и въ 1192 году заключилъ съ Саладиномъ перемиріе, по которому за христіанами осталась узкая полоса земли отъ Яффы до Тира и свободный доступъ въ Іерусалимъ, оставшійся подъ властью сарацинъ.

4-й крестовый походъ (1202—1204 г.) имѣлъ слѣдствіемъ ниспроверженіе греческо-византійской и основаніе вмѣсто нея *латинской* имперїи въ Константинополь, изъ чего видно, что воодушевленіе крестоносцевъ уже было сравнительно слабо, если они отклонились отъ главной своей цѣли и далѣе Константинополя не пошли. Остальные крестовые походы, отъ 5-го до 8-го, не могли поправить дѣла, тѣмъ болѣе что 7-й и 8-й походы, предпринятые королемъ французскимъ Людовикомъ IX Святымъ, велсь въ Африкѣ; въ общемъ всѣ они окончательно доказали неспособность западной Европы къ выполненію той задачи, рѣшеніе которой было цѣлью крестовыхъ походовъ вообще.

Изученіе этихъ походовъ приводитъ къ заключенію, что

котораго слѣдовалъ императоръ. Въ Вѣнѣ онъ изгналъ изъ арміи 500 чело-
вѣкъ за дурное поведеніе.

Венгерскій король исполнилъ договоръ и оказалъ крестоносцамъ возможное содѣйствіе; но *византійскій императоръ* и соправитель и старшій сынъ иконійскаго султана *Котбединъ-Малекъ-Шалъ* обнаружили вѣроломство и даже обратились къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Императоръ Фридрихъ одержалъ надъ ихъ войсками нѣсколько побѣдъ и вынудилъ ихъ къ возобновленію договоровъ и къ доставкѣ крестоносцамъ продовольствія и вообще всего необходимаго и шагъ за шагомъ подавался впередъ, имѣя почти всегда устроенную и обеспеченную базу; если этотъ важный вопросъ не могъ получить удовлетворительнаго рѣшенія, то онъ приостанавливалъ маршъ и принималъ необходимыя мѣры къ успѣшному его рѣшенію, что всегда давало хорошіе результаты. Не далеко уже былъ и предметъ похода. 10 іюня 1190 года крестоносцы спустились съ высотъ Таврскаго хребта и расположились лагеремъ въ плодородной долинѣ Селевкин, откуда шла удобная дорога къ Антиохїи. Здѣсь Фридрихъ утонулъ въ виду всей арміи, желая переплыть верхомъ р. Салену (Каликадну).

главныя причины ихъ неудачи заключались въ слѣдующемъ: а) въ отсутствіи центральной власти, единства командованія и направленія всѣхъ средствъ къ достиженію общей цѣли, а въ связи съ этимъ и въ отсутствіи общаго обдуманнаго плана операцій; б) въ неудовлетворительности военной системы западно-европейскихъ государствъ и въ отсутствіи правильной подготовки къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ въ широкомъ, такъ и въ тѣсномъ смыслѣ, относя къ послѣднему подготовительныя операціи, т. е. организацію армій, устройство базы, и сосредоточеніе арміи къ базѣ, не говоря уже о подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи ¹⁾; в) въ непмѣннйи надлежащихъ свѣдѣній какъ о тѣхъ странахъ, по которымъ приходилось двигаться, для того, чтобы дойти до Палестины, такъ и о театрахъ военныхъ дѣйствій; г) во враждебности населенія проходимыхъ странъ, особенно грековъ, на пути движенія крестоносныхъ армій; д) въ неудовлетворительномъ рѣшеніи вопроса о выборѣ операціонныхъ линій, въ неумѣломъ исполненіи маршей-маневровъ и въ отсутствіи пониманія того, когда должно дать сраженіе или бой или наоборотъ, когда слѣдуетъ отъ него уклониться; е) въ низкомъ уровнѣ у западныхъ европейцевъ военно-инженернаго искусства, что давало себя особенно сильно чувствовать при осадахъ; ж) въ неудовлетворительномъ устройствѣ тыла, что находилось въ связи съ неудовлетворительностью всей военной системы вообще и организаціи арміи въ особенности; з) наконецъ, въ водвореніи въ завоеванныхъ земляхъ феодальнаго государственно-общественнаго устройства, не только не способствовавшаго созданію прочнаго порядка вещей, но даже наоборотъ представлявшаго главную причину его слабости и неизбѣжности его паденія.

Не взирая на неудачный исходъ крестовыхъ походовъ, они имѣли извѣстное положительное значеніе для западно-христіанскаго міра, ибо прежде всего они имѣли слѣдствіемъ

¹⁾ Особенно важное значеніе, съ точки зрѣнія подготовки, имѣли: а) разнородность состава войскъ, подчинявшихся различнымъ полновластнымъ вождямъ, т. е. отсутствіе должнаго объединенія власти, при условіи отсутствія порядка и дисциплины въ войскахъ, и б) несоотвѣтствіе состава, вооруженія и снаряженія войскъ условіямъ театра военныхъ дѣйствій: въ данномъ случаѣ нужна была хорошо устроенная и многочисленная пѣхота съ многочисленною легкою кавалерією, тогда какъ у крестоносцевъ имѣлась весьма неудовлетворительная пѣхота и многочисленная тяжелая и тяжеловооруженная кавалерія.

ослабленіе могущества мусульманъ, которые, вмѣсто веденія наступательныхъ операцій, должны были помышлять о собственной оборонѣ, что отразилось и на восточной Европѣ, ибо замедлило паденіе византійской имперіи. Затѣмъ крестовые походы содѣйствовали ослабленію феодальныхъ владѣльцевъ, усиленію власти королей и вообще государей и развитію средняго сословія. Далѣе общій уровень умственнаго развитія въ Европѣ повысился вслѣдствіе знакомства съ новыми народами и странами; въ то же время промышленность и торговля получили болѣе широкое развитіе, а искусство мореплаванія, вслѣдствіе морскихъ экспедицій, значительно поднялось впередъ. Наконецъ крестоносцы ознакомились съ врачебнымъ искусствомъ аравитянъ, съ употребленіемъ зажигательныхъ составовъ и т. д. Хотя крестовые походы не оказали непосредственнаго вліянія на развитіе военного искусства, тѣмъ не менѣе опытъ, прибрѣтенный европейцами въ эту эпоху, послужилъ для послѣдующаго развитія военного дѣла. Въ то же время походы эти, оказавъ существенное вліяніе на государственно-общественное устройство и на умственное развитіе западной Европы, оказали этимъ самымъ весьма важное косвенное вліяніе и на развитіе военного дѣла, давъ толчекъ къ возникновенію въ этой сферѣ человѣческой дѣятельности новыхъ идей и понятій ¹⁾.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія весьма поучителенъ трудъ венеціанца *Марино Сануто*, написанный имъ между 1306 и 1321 гг. подъ заглавіемъ: „*Секретная книга о новомъ завоеваніи и сохраненіи Святой Земли*“. Въ этой книгѣ онъ доказываетъ, что завоеваніе Палестины дѣло нетрудное, если приступить къ нему со знаніемъ дѣла вообще и военного искусства въ особенности и съ соответствующею организаціею вооруженныхъ силъ, для чего и даетъ цѣлый рядъ весьма дѣльныхъ указаній.

Г Л А В А IV.

Эпоха крестовыхъ походовъ была кульминационнымъ пунктомъ въ развитіи феодальнаго военнаго искусства, слабыя стороны коего выяснились особенно рельефно въ послѣдующую эпоху столѣтней войны, такъ какъ въ этой войнѣ французскія войска, являвшіяся представителями чисто феодальнаго типа организациі, потерпѣли цѣлый рядъ рѣшительныхъ пораженій отъ армій англичанъ, организованныхъ весьма правильно, вполне подчинявшихся волѣ полководца и вообще высшему управленію, способныхъ къ веденію операцій, какъ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ, а при боевыхъ столкновеніяхъ представлявшихъ довольно гармоническое сочетаніе пѣхоты, игравшей уже довольно почетную роль, съ конницею, какъ легкою, такъ и тяжелою, рыцарскою, (при чемъ англійскіе рыцари нерѣдко спѣшивались для боя и сражались наряду съ пѣхотою).

Подобныя свойства англійскихъ армій находились въ связи съ англійскими военными учрежденіями того времени. Съ завоеваніемъ Англій Вильгельмомъ I (1066 г.) древнее военное устройство страны было замѣнено феодальною системою, въ силу которой вассалъ, получившій полный ленъ, долженъ былъ служить королю, на своемъ собственномъ иждивеніи, въ теченіе 40 дней въ году; нѣкоторыя категоріи и отдѣльныя лица пользовались правомъ выставять замѣстителей или вносить опредѣленную сумму денегъ вмѣсто натуральной повинности.

Кромѣ *ленныхъ* войскъ въ Англій существовали еще *войска графствъ*, въ составъ которыхъ входили всѣ свободные люди въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ; хотя эти войска и представляли собственно полицейско-земскую стражу милиціоннаго характера, но, въ случаѣ вторженія противника, они были обязаны защищать государство въ предѣлахъ своихъ графствъ, а короли находили предлоги для нарушенія этого правила и пользовались контингентами графствъ въ своихъ

наступательныхъ войнахъ. Законъ опредѣлялъ обязательное вооруженіе для каждаго воина этой категоріи: землевладѣлецъ, получавшій 40 марокъ дохода, долженъ былъ имѣть латы, шлемъ, мечъ, ножъ и коня; имѣвшій 100 шиллинговъ дохода— камзолъ, мечъ и ножъ; получавшій 20 шиллинговъ мечъ и кинжалъ, а имѣвшій меньшій доходъ— лукъ со стрѣлами. Оружіе осматривалось два раза въ годъ. Далѣе въ Англии существовали *наемныя* войска, какъ изъ туземцевъ, такъ и изъ иностранцевъ; послѣднія носили такія же названія, какъ и во Франціи.

По родамъ оружія англійскія войска состояли: а) изъ *рыцарской* тяжело вооруженной *кавалеріи*, сражавшейся какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строѣ; б) изъ *легкой* конницы или конныхъ лучниковъ или *гоблеровъ*, получившихъ это названіе отъ своихъ легкихъ малорослыхъ лошадей и дѣйствовавшихъ одинаково ловко какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строѣ; в) изъ *тѣмныхъ лучниковъ*—милиціонеровъ (отличавшихся отъ гоблеровъ только тѣмъ, что они, не имѣя лошадей, дѣйствовали въ пѣшемъ строѣ), чрезвычайно искусныхъ въ стрѣльбѣ, отличавшихся храбростью и не только не презираемыхъ дворянами, но напротивъ того поддерживаемыхъ ими и даже находившихся нерѣдко подъ начальствомъ дворянъ, охотно служившихъ въ составѣ этихъ войскъ; г) изъ остальной *тѣлоты* разнороднаго состава, достоинства и вооруженія (копейщиковъ, лучниковъ и арбалетчиковъ)¹⁾, среди которой лучшими по мужеству считались *уэльскія* дружины. Кромѣ того существовали разныя команды вспомогательнаго назначенія.

Въ системѣ управленія войсками первое мѣсто послѣ короля принадлежало *великому коннетаблю*, а за нимъ слѣдовали иногда *коннетабли* и всегда *маршалы*; изъ числа послѣднихъ *графъ-маршалъ* опредѣлялъ число дворянъ, которые должны были явиться по призыву, и ихъ вооруженіе, исполняли обязанности генераль-квартирмейстера и имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи войсковыя суды. Военные законы были очень

¹⁾ Первоначальный видъ арбалета представлялъ тотъ же лукъ, но со стержнемъ или ложею. Затѣмъ, для лучшаго дѣйствія этимъ оружіемъ, къ нему приспособлялись различныя механизмы. Въ общемъ арбалетъ отличался большею точностью стрѣльбы.

строги, а въ связи съ этимъ и дисциплина имѣла такой же характеръ.

Такимъ образомъ военное устройство Англии было значительно выше военного устройства другихъ западно-европейскихъ государствъ. Естественно, что это превосходство должно было отразиться и на тактикѣ англичанъ. Прежде всего англичане, при веденіи войны на отдаленномъ театрѣ войны, въ истощенной странѣ, не могли ни правильно ремонтировать свою рыцарскую кавалерію боевыми конями, ни продовольствовать ее. Въ виду этого часть рыцарей спѣшивалась и дѣйствовала въ бою пѣшею фалангою въ качествѣ пикинеровъ. При этомъ являлась возможность извлечь большую пользу изъ милиціонной пѣхоты, которая, на ряду съ рыцарскими фалангами и подъ ихъ прикрытіемъ, являлась уже серьезною боевою силою, которой противникъ не могъ противопоставить такой же пѣхоты, ибо у него этотъ родъ оружія игралъ крайне незавидную роль. Польза, которую приносила англичанамъ ихъ пѣхота, была тѣмъ болѣе значительна, что, вслѣдствіе малочисленности ихъ войскъ, имъ часто приходилось прибѣгать къ оборонѣ, для чего занимались сильныя позиціи, атакуемыя французами, не имѣвшими хорошей пѣхоты ¹⁾.

Армія дѣлилась на три части, располагавшіяся разнообразно: *авангардъ, главныя силы и тыльный отрядъ*. Части арміи, находившіяся въ первой линіи, состояли изъ тяжелой пѣхоты и лучниковъ, располагавшихся по флангамъ и впереди ея. Тяжелая пѣхота строилась фалангами. Лучники не разсыпались, но становились въ разомкнутомъ строѣ или въ видѣ бороны, чтобы можно было совершить контръ-маршъ, или быстро отойти назадъ или сомкнуться для удара.

Глубина построенія можетъ быть принята въ 8 шеренгъ въ виду того, что выстрѣлившій лучникъ долженъ былъ изотовиться къ новому выстрѣлу, пока стоявшіе за нимъ его товарищи дѣйствовали по-очередно. Рыцари, оставшіеся въ конномъ строѣ, распредѣлялись между частями боеваго порядка или составляли общій резервъ, который являлся наступательнымъ элементомъ въ боевомъ порядкѣ англичанъ и

¹⁾ Въ виду того, что англичанамъ приходилось давать по преимуществу бои оборонительные, они часто прибѣгали къ устройству укрѣпленій или по крайней мѣрѣ какихъ либо препятствій на пути движенія противника.

выдвигался впередъ для довершенія пораженія врага; при этомъ всё спѣшенные войны садились на коней, а вся кавалерія вообще преслѣдовала непріятеля, стараясь его истребить. Лошади спѣшившихся рыцарей находились позади позиціи, въ вагенбургѣ, устроивавшемся изъ повозокъ обоза, который достигалъ большихъ размѣровъ въ виду отличнаго снабженія англійскихъ войскъ всёмъ необходимымъ. Какъ конница англичанъ, такъ и ихъ пѣхота легкая (гоблеры, лучники и т. д.) и тяжелая (конные и пѣшіе рыцари и т. д.) сочетались для боя наилучшимъ образомъ и оказывали другъ другу взаимную поддержку.

Въ общемъ, въ эпоху столѣтней войны, Англія, въ отношеніи состава, содержанія, боевой подготовки и дѣйствія войскъ въ бою, стояла выше всѣхъ западно-европейскихъ государствъ вообще и Франціи въ частности. Благодаря этому англичане, во время означенной войны, и одерживали рѣшительные успѣхи надъ французами, первоначально даже не постигавшими причинъ нанесенныхъ имъ пораженій.

Причины столѣтней войны заключались какъ въ столкновеніи экономическихъ интересовъ Англій и Франціи, такъ и въ политическомъ соперничествѣ между Капетингами и Плантагенетами. Капетинги стремились къ объединенію Франціи вообще и къ полному подчиненію своей власти всѣхъ вассаловъ, въ ряду коихъ англійскіе короли, даже послѣ лишенія ихъ Анжу и Пуату, владѣя еще обширнымъ леномъ во Франціи, а именно областью Пённь, занимали первое мѣсто, причемъ нерѣдко затмѣвали своихъ сюзереновъ. Строго говоря вассальные отношенія Плантагенетовъ къ Капетингамъ имѣли значеніе лишь номинальное, но тѣмъ не менѣе они тяготились ими и, въ свою очередь, стремились не только къ возвращенію всѣхъ своихъ прежнихъ владѣній во Франціи, но и къ отнятію французской короны у Капетинговъ.

Въ 1328 году скончался Карль IV Красивый. Въ его лицѣ пресѣклась старшая линія дома Капетинговъ. На основаніи салическаго закона, истолковываемаго въ смыслѣ устраненія женщинъ отъ престолонаслѣдія и согласно съ волею народа на французскій престолъ вступилъ двоюродный братъ умершаго короля Филиппъ VI Валуа (1328—1350). Между тѣмъ англійскій король Эдуардъ III (1327—1377), какъ сынъ Изабеллы, сестры Карла IV, хотя и понималъ несостоятель-

ность своихъ правъ на французскій престолъ, но, сознавая свою силу, предъявиль притязанія на французскую корону, въ 1338 году добился отъ императора титула имперскаго намѣстника на западѣ отъ Рейна, послѣ чего объявиль войну Франціи, а въ 1340 году заключилъ союзъ противъ Филиппа VI съ фламандцами и нѣкоторыми германскими князьями и принялъ титулъ короля французскаго. Такимъ образомъ началась кровопролитная война, продолжавшаяся около столѣтія. Въ 1340 году враги заключили перемиріе, которое было прервано королемъ англійскимъ въ 1345 году.

Операціи въ 1345 году не имѣли рѣшительнаго характера. Въ 1346 году Эдуардъ III, введя противника въ заблужденіе приготовленіями къ направленію англійскихъ войскъ въ Гиенну, неожиданно высадился у мыса Ла-Гогъ въ Нормандіи съ 32,000 воиновъ (въ томъ числѣ 4,000 кавалеріи, 10,000 пѣшихъ лучниковъ, 12,000 уэльской и 6,000 ирландской пѣхоты), послѣ чего разорилъ страну на лѣвомъ берегу Сены и двинулся къ Руану, по всему вѣроятію, для того, чтобы соединиться съ фламандскими войсками и осадить Кале, который могъ получить для него значеніе базы. Въ это время Филиппъ VI прибылъ съ юга Франціи къ Парижу и, не обращая вниманія на опустошеніе страны англичанами, двинулся со своими войсками по правому берегу Сены, чтобы не допустить врага къ Кале. Тогда Эдуардъ произвелъ демонстративное движеніе къ Пуасси, въ направленіи на Парижъ, что привлекло вниманіе Филиппа въ эту сторону. Эдуардъ, введя такимъ образомъ своего противника въ заблужденіе, воспользовался этимъ и, быстро повернувъ назадъ, переправился черезъ Сену и направился къ р. Соммѣ, опустошая пространство между обѣими этими рѣками. Между тѣмъ Филиппъ понялъ свою ошибку и бросился за Эдуардомъ. Такъ какъ въ то же время отдѣльный французскій отрядъ изъ 12,000 человекъ стоялъ на правомъ берегу Соммы, уничтоживъ на ней мосты и переправы, то Эдуардъ очутился въ критическомъ положеніи, имѣя впереди этотъ отрядъ и р. Сомму, а въ тылу главныя силы Филиппа. Но, къ счастью Эдуарда, одинъ крестьянинъ, а по инымъ показаніямъ плѣнный за большое вознагражденіе указалъ Эдуарду бродъ Бланъ-Ташъ, по которому и двинулись англійскія войска, воспользовавшись отливомъ. Отдѣльный французскій отрядъ мужественно защищалъ эту

переправу, и еслибы Филиппъ подоспѣлъ во время, то англичане потерпѣли бы поражение; но прежде чѣмъ онъ подошелъ, сравнительно слабый отрядъ его арміи былъ опрокинутъ англичанами, которые на его глазахъ уже оканчивали переправу, а между тѣмъ начался приливъ.

Эдуардъ продолжалъ отступление и остановился у Кресси, въ графствѣ Понтъе, на которое онъ заявилъ притязанія, какъ на наслѣдство по матери. Здѣсь онъ рѣшилъ принять бой. Между тѣмъ Филиппъ направился къ Аббевиллю, гдѣ пробылъ цѣлый день въ видахъ присоединенія подходившихъ подкрѣпленій, доведшихъ его армію до весьма значительныхъ размѣровъ. Численность этой арміи въ точности неизвѣстна, но, судя по тому, что въ ней было 12,000 рыцарей, можно допустить, что—сила ея была не менѣе 100,000 человекъ, большею частью пѣхоты. Остановка Филиппа въ Аббевиллѣ дала Эдуарду возможность вполне подготовиться къ бою. Мѣстность, на которой произошло сраженіе при Кресси, постепенно возвышается позади этого селенія и представляетъ позицію съ отличнымъ обстрѣломъ, ограниченную слѣва рощею, а справа крутымъ оврагомъ и виноградниками.

Войска, подкрѣпивъ себя пищею, заняли позицію по указаніямъ самого короля и по распоряженію коннетабля и маршаловъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: *первая баталія* боевой части принца Уэльскаго (старшаго сына короля), въ составѣ 2000 лучниковъ, фаланги изъ 800 рыцарей и 1000 англійскихъ пѣхотинцевъ, развернулась впереди, имѣя за собою и въ видѣ частнаго резерва *вторую баталію* Аронделя и Нортгемптона, состоявшую изъ 1200 лучниковъ, фаланги изъ 800 рыцарей и части пѣхоты. Послѣ занятія позиціи стрѣлки, выдвинутые впередъ и въ стороны, вбили передъ собою колья и оплели ихъ веревками. *Третья баталія*, подъ начальствомъ самаго короля Эдуарда, въ составѣ 2000 лучниковъ, фаланги изъ 700 рыцарей и части пѣхоты, расположилась позади боевой части на высотѣ (у вѣтряной мельницы) и образовала общій резервъ. Всего въ бою со стороны англичанъ принимало участіе около 10,000 человекъ. Остальная войска расположилась позади позиціи въ вагенбургѣ или паркѣ, устроенномъ изъ повозокъ обоза; тамъ же находились всѣ лошади, такъ какъ вся кавалерія была спѣшена.

Король Эдуардъ объѣхалъ войска и ободрилъ ихъ, а такъ

какъ французы долго не показывались, то, по его приказанію, англичане сварили пищу и отобѣдали, послѣ чего, снявъ шлемы, отдыхали, сохраняя надлежащую боевую готовность. Между тѣмъ французская армія 26-го августа выступила изъ Аббевиля и двинулась по дорогѣ на Кресси, совершая маршъ въ безпорядкѣ и не принявъ мѣръ ни охраненія, ни развѣдыванія. Только на походѣ король Филиппъ обратилъ вниманіе на доводы лицъ, рѣшившихся доложить ему объ опасности подобнаго исполненія марша-маневра, и приказалъ перестроить походный порядокъ такъ, чтобы пѣхота не могла быть счита кавалеріею. При этомъ 300 рыцарей, 6000 генуэзскихъ арбалетчиковъ и часть пѣхоты должны были составить *авангардъ*; 4000 рыцарей и соответствующая часть пѣхоты— *главныя силы* подъ начальствомъ графа д'Алансонъ, а остальные войска *третью линію* подъ личнымъ начальствомъ короля Филиппа. Но конница не исполнила приказаній, данныхъ въ этомъ смыслѣ и продолжала двигаться, а пѣхота не могла сквозь нее протиснуться, вслѣдствіе чего это перестроеніе не могло быть произведено. Между тѣмъ на рекогносцировку были посланы 4 рыцаря, которые, высмотрѣвъ расположеніе англичанъ, доложили о немъ королю, причемъ, въ виду готовности непріятели къ бою и утомленія французовъ, совѣтовали отложить бой до слѣдующаго дня. Король принялъ этотъ совѣтъ и приказалъ пріостановить движеніе, но нѣкоторыя части его войскъ и особенно рыцари, относясь съ презрѣніемъ или съ ненавистью къ врагу, никого не слушали и продолжали двигаться впередъ. Переднія части, очутившись передъ противникомъ, остановились и начали отступать на войска, напиравшія сзади. Все это еще увеличило и безъ того большой безпорядокъ. Въ довершеніе всего самъ король Филиппъ, увидѣвъ англичанъ, потерялъ хладнокровіе и, забывъ о первоначальномъ благоразумномъ рѣшеніи, приказалъ маршаламъ устраивать войска къ бою. При этомъ были вызваны впередъ генуэзскіе арбалетчики которые, пройдя болѣе 20 верстъ и пробиваясь между кавалеріею, были сильно утомлены, о чемъ и заявили своему начальству, но на это не было обращено вниманія, и генуэзцамъ было приказано завязать бой съ лучниками принца Уэльскаго. Въ этомъ бою преимущество находилось на сторонѣ англійскихъ лучниковъ, которые дали нѣсколько дружныхъ залповъ и осыпали тучами

стрѣль генуэзцевъ, понесшихъ значительныя потери и повернувшихъ назадъ. Тогда французы, подозрѣвая ихъ въ измѣнѣ и исполняя приказаніе графа д'Алансонъ, а по инымъ показаніямъ самого короля, начали рубить генуэзцевъ. Это произвело во французской арміи смятеніе, которымъ опять таки умѣло воспользовались англійскіе лучники, участвовавшіе своєю стрѣльбою, причѣмъ выстрѣлы ихъ, конечно, не пропадали даромъ и причинили французамъ большой уронъ.

Наконецъ французскіе рыцари, очистивъ себѣ необходимое пространство, построились въ боевой порядокъ, раздѣлившійся на два крыла подъ начальствомъ графовъ Алансонскаго и Фландрскаго. Эти крылья двинулись противъ англичанъ, охватывая ихъ съ обѣихъ фланговъ и атаковали фалангу первой баталіи принца Уэльскаго, которая была потѣснена. На подкрѣпленіе первой баталіи подоспѣла вторая англійская баталія Нортгэмптона и Арондела, пытавшаяся возстановить бой, но тѣмъ не менѣе успѣхъ склонялся на сторону французовъ. Тогда принцъ Уэльскій просилъ у короля Эдуарда подкрѣпленія, но король, полагая, что еще не настала минута для введенія въ бой общаго резерва, отказалъ въ подкрѣпленіи, приказавъ передать принцу, что онъ долженъ заслужить недавно пожалованныя ему шпоры и что честь этого дня должна принадлежать ему, принцу. Эти слова воодушевили сражавшихся англичанъ, въ рядахъ коихъ особенно отличалась уэльская пѣхота, ссаживавшая непріятельскихъ рыцарей съ коней, а затѣмъ уже легко ихъ добивавшая. Многіе французскіе военачальники, баннереты и знатнѣйшіе рыцари были убиты, а дѣйствія французовъ сдѣлались безсвязными. Тогда король Филиппъ двинулся съ своимъ резервомъ съ цѣлью поддержать передовыя линіи, но, потерявъ коня, почти насильно былъ вывезенъ съ поля сраженія и отправился въ Аміенъ. По удаленіи французскаго короля съ поля сраженія происходили еще мелкія безсвязныя схватки, но вскорѣ наступила темнота, прекратившая бой. Французская армія, оставшаяся безъ начальства, пришла въ совершенный безпорядокъ. Король Эдуардъ не зная еще, какъ велика была одержанная его войсками побѣда, приказалъ войскамъ разложить костры и оставаться въ теченіи ночи въ должной боевой готовности, а на другой день утромъ выслалъ на рекогносцировку отрядъ изъ 3000 человекъ, ко-

торый, выяснив обстановку, отчасти воспользовался беспорядком, господствовавшим во французской армии, и истребил многие ее части. Поражение французов было довершено решительными атаками английской кавалерии, при чем были истреблены все неприятельские войска, оставшиеся на поле сражения. Французы потеряли убитыми 11 принцевъ, 80 банперетовъ, 1200 рыцарей, 4000 всадниковъ остальныхъ категорій и около 30,000 пѣхотинцевъ. Потери англичанъ въ точности неизвѣстны.

Относительно сраженія при Кресси можно остановиться на слѣдующихъ выводахъ:

А) Французская армія Филиппа VI, составленная изъ такихъ же элементовъ, какъ и армія Филиппа II Августа въ 1214 году, не выдерживаетъ сравненія съ нею съ точки зрѣнія дисциплины, что находилось въ связи какъ съ разложеніемъ феодальной системы вообще, такъ и съ личными недостатками Филиппа VI и ближайшихъ его помощниковъ въ особенности.

Б) У французовъ замѣчаются: недостатокъ управленія войсками, хаотическая беспорядочность веденія боя, непониманіе значенія пѣхоты и подготовительнаго боя и неумѣнье примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ и вообще къ обстановкѣ.

В) Въ английской арміи замѣчаются полный порядокъ и дисциплина; все распоряженія исходятъ отъ короля Эдуарда, который избираетъ удобную оборонительную позицію, располагаетъ на ней войска сообразно съ обстановкою, принимаетъ все возможные мѣры къ тому, чтобы въ предстоящемъ бою шансы на успѣхъ склонились на его сторону, сохраняетъ въ своихъ рукахъ управленіе войсками до конца боя, вводя войска въ бой постепенно и обнаруживая въ то же время замѣчательную бережливость въ отношеніи расходванія резерва, и на другой день отлично пользуется кавалеріею съ цѣлью развѣдки и съ цѣлью преслѣдованія въ видахъ развитія успѣха, довершенія погрома неприятельскихъ войскъ и вообще въ видахъ наилучшей эксплуатаціи побѣды.

Г) Боевой порядокъ англичанъ въ этомъ сраженіи удовлетворяетъ въ достаточной степени условіямъ гибкости или удобопримѣнимости къ обстановкѣ, взаимной поддержки, независимости составныхъ частей и возможности парирования случайностей, въ виду чего не можетъ быть и рѣчи о сравненіи

его съ боевымъ порядкомъ французовъ, построение котораго, къ тому же, производилось въ большомъ безпорядкѣ. Сверхъ того боевое расположение англичанъ примѣнено къ мѣстности.

Д) Англичане оцѣнивають правильно значеніе пѣхоты, вполне умѣстно усиливають ее спѣшенными частями кавалеріи и развиваютъ пѣшій бой въ возможно большей степени, насколько тому благопріятствуетъ обстановка. Съ ихъ же стороны замѣчаются: правильная оцѣнка дѣйствія метательнымъ оружіемъ, какъ средства подготовительнаго; цѣлесообразное сочетание метательнаго и рукопашнаго боя и замѣчательное взаимное содѣйствіе, оказываемое другъ другу различными родами оружія и частями англійской арміи.

Въ виду указанныхъ преимуществъ, находившихся на сторонѣ англичанъ, численное превосходство французовъ потеряло рѣшающее значеніе, и даже несомнѣнная храбрость французскихъ рыцарей не могла возстановить равновѣсія. Такимъ образомъ побѣда, одержанная королемъ Эдуардомъ при Кресси, не можетъ быть объясняема благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, по является слѣдствіемъ превосходства англійской военной системы и англійскихъ войскъ надъ военною системою Франціи и ея феодальными ополченіями. Въ послѣдующіе годы англичане, подъ начальствомъ, какъ самаго короля Эдуарда, такъ и принца Уэльскаго, извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ Чернаго Принца (по цвѣту вооруженія), одержали цѣлый рядъ блистательныхъ успѣховъ надъ французами. Черный Принцъ дошелъ до южныхъ областей Франціи, опустошилъ всю страну отъ Бискайскаго залива до Средиземнаго моря и отъ Гаронны до Пиринейскихъ горъ и навелъ страхъ и ужасъ на всю Францію. Въ 1356 году, имѣя не болѣе 21,000 воиновъ, онъ при Мопертюи, въ окрестностяхъ *Пуатье*, нанесъ рѣшительное пораженіе французской арміи, состоявшей изъ 60.000 человекъ и находившейся подъ личнымъ начальствомъ короля *Иоанна Добраго* (1350—1364), который былъ взятъ въ плѣнъ ¹⁾.

Тяжелыя пораженія, испытанныя французами при Кресси и Пуатье, выяснили вполне несостоятельность ихъ военной системы, слабыя стороны ихъ вооруженныхъ силъ, въ ряду

¹⁾ Въ сраженіи при Пуатье была артиллерія въ видѣ орудій, дѣйствовавшихъ посредствомъ пороха, но она не обнаружилла никакого вліянія на ходъ боя.

которых феодальныя войска, т. е. собственно рыцарская конница подавляла остальные элементы, и невозможность борьбы съ англичанами въ открытыхъ рѣшительныхъ боевыхъ столкновеніяхъ. Въ виду этого французы измѣнили свой образъ дѣйствій и, избѣгая рѣшительныхъ сраженій, обратились къ упорной оборонѣ замковъ и вообще укрѣпленныхъ пунктовъ, къ истребленію мелкихъ непріятельскихъ отрядовъ, къ затрудненію противнику сбора продовольствія и къ дѣйствіямъ на его сообщенія, т. е. къ веденію малой войны и къ партизанскимъ дѣйствіямъ и притомъ въ широкихъ размѣрахъ. Съ теченіемъ времени французы перешли отъ мелкихъ предпріятій и къ болѣе крупнымъ операціямъ, въ особенности благодаря искусному управленію короля *Карла V Мудраго* (1363—1380) и успѣшнымъ дѣйствіямъ знаменитаго коннетабля *Бертрана Дю-Гесклена*, вслѣдствіе которыхъ, къ началу 1374 года, почти вся Франція была освобождена отъ владычества англичанъ. Позже, къ концу XIV столѣтія, пользуясь внутренними смутами въ Англіи, французы одержали надъ англичанами цѣлый рядъ новыхъ успѣховъ, но сами они не произвели еще въ своей военной системѣ тѣхъ измѣненій, необходимость которыхъ вызывалась указаннымъ превосходствомъ военной системы Англіи. Въ виду этого англичане, въ свою очередь, не замедлили воспользоваться благопріятною для нихъ обстановкою, явившеюся слѣдствіемъ внутреннихъ неурядицъ и слабости Франціи въ царствованіе короля *Карла VI* (1380—1422). Молодой англійскій король *Генрихъ V* (1413—1422) въ 1415 году возобновилъ войну, высадился у устьевъ Сены и открылъ военныя дѣйствія съ арміею, состоявшею изъ 6,000 кавалеріи и 20,000—24,000 пѣхоты. На первыхъ же порахъ онъ взялъ, послѣ осады, Гарфлеръ, устроилъ въ немъ базу, снабдивъ этотъ городъ необходимыми запасами и гарнизономъ, и двинулся къ Аббевиллю, гдѣ онъ предполагалъ переправиться черезъ Сомму. Между тѣмъ въ англійской арміи развились болѣзни главнымъ образомъ вслѣдствіе дурнаго продовольствія войскъ, которое трудно было устроить вполне удовлетворительно вслѣдствіе того, что англійскій флотъ потерпѣлъ крушеніе и удалился къ своимъ берегамъ; въ то же время французская армія хотя и сосредоточивалась медленно, но уже достигла большой численности; вслѣдствіе всего этого положеніе англичанъ сдѣлалось весьма затруднитель-

нымъ. Тогда король Генрихъ, имѣя не болѣе 2,000 кавалеріи и 12,000 пѣхоты, двинулся къ Кале, предполагая отсюда возстановить болѣе удобное сообщеніе съ Англіей. Французская армія, силою отъ 60,000 до 100,000 человекъ, находилась подъ начальствомъ коннетабля д'Альбре у крѣпости Пероннъ, но, въ виду переправы англичанъ черезъ Сомму, двинулась на перерѣзъ ихъ пути къ Кале. Эти движенія обѣихъ сторонъ привели къ сраженію при Азинкурѣ 26 октября 1415 года, въ которыхъ французы, не взирая на свое численное превосходство, снова потерпѣли рѣшительное пораженіе.

Это сраженіе замѣчательно тѣмъ, что англичане уже не дождались атаки французовъ и, видя тѣсноту ихъ расположенія на мѣстности, затруднявшей движенія, воспользовались своею подвижностью и способностью къ маневрированію и перешли въ наступленіе, которое было ведено превосходно, подъ прикрытіемъ лучниковъ, не только отражавшихъ атаки противника, но и подготовлявшихъ атаку своихъ войскъ. Вообще веденіе боя въ высшей степени поучительно: со стороны англичанъ, въ положительномъ, а со стороны французовъ по прежнему въ отрицательномъ смыслѣ. Вскорѣ послѣ побѣды при Азинкурѣ Генрихъ V заключилъ перемиріе съ королемъ французскимъ, но въ 1418 году снова объявилъ ему войну, овладѣлъ значительною частью Франціи и въ 1420 году получилъ французскую корону, а въ 1422 году скончался, оставивъ оба королевства своему сыну младенцу *Генриху VI* (1422—1461). Между тѣмъ сынъ французскаго короля Карла VI, дофинъ Карлъ не призналъ англійскаго короля государемъ Франціи и продолжалъ военныя дѣйствія. Первоначально казалось, что онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. Однако чрезмѣрныя несчастья, постигшія Францію и угнетеніе ея англичанами, возбудили во французскомъ народѣ сильный патріотизмъ, явившійся источникомъ возрожденія монархіи Капетинговъ. Въ это время выдвинулась на историческое поприще вдохновенная дѣва *Иоанна д'Аркъ*, которая стала во главѣ народнаго движенія и повела французовъ къ побѣдамъ надъ англичанами. Результатомъ этихъ побѣдъ явилось водвореніе дофина Карла на престолѣ его предковъ подъ именемъ *Карла VII* (1422—1461).

Когда такимъ образомъ феодальная аристократія, оказав-

шись безсильною въ борьбѣ съ англичанами, была унижена, а королевская власть, найдя вѣрную опору въ усилившемся городскомъ сословіи, окрѣпла въ непрерывной борьбѣ съ врагомъ, явилась возможность положить прочныя основы внутренней и внѣшней безопасности государства посредствомъ учрежденія *постоянныхъ войскъ*. Образованіе ихъ не было новостью, ибо еще въ римской имперіи существовали, на счетъ средствъ страны, постоянные легіоны. Въ средніе вѣка турки въ 1329—1362 г.г. учреждаютъ и организуютъ корпусъ *янычаровъ*, но янычары не могутъ считаться родоначальниками нынѣшнихъ постоянныхъ войскъ, какъ вслѣдствіе исключительности политическаго существованія турецкаго государства въ Европѣ, такъ и вслѣдствіе особыхъ условий комплектованія этого корпуса. Въ самой Франціи предшественники Карла VII, начиная съ Филиппа II Августа, дѣлали попытки къ образованію постоянныхъ войскъ, но эти опыты не давали прочныхъ результатовъ, вслѣдствіе слабости королевской власти, неудовлетворительнаго состоянія финансовъ и т. п.

Первообразомъ европейскихъ постоянныхъ войскъ являются *ордоннансовыя роты*, окончательно организованныя во Франціи при Карлѣ VII на основаніи рѣшенія государственныхъ чиновъ, собранныхъ въ Орлеанѣ въ 1439 году, установившихъ основанія для реформы вооруженныхъ силъ государства. Затѣмъ пришлось еще принять мѣры къ ослабленію наемныхъ бандъ и къ подготовкѣ возможности ихъ упраздненія, что было достигнуто къ 1445 году. Тогда же король приступилъ къ сформированію новыхъ войскъ, для чего избралъ 15 извѣстныхъ ему капитановъ, отличавшихся знаніемъ военнаго дѣла и опытностью и обладавшихъ достаточными матеріальными средствами. Каждый изъ этихъ капитановъ избралъ 100 человекъ, достаточно опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, имѣвшихъ необходимыя средства, получившихъ наименованіе *жандармовъ* (*gens d'armes*) или латниковъ, носившихъ полное предохранительное вооруженіе и поступившихъ въ составъ соотвѣтственной *ордоннансовой* роты (*compagnie d'ordonnance*). Каждая изъ этихъ ротъ состояла изъ *100 полныхъ копій*, а каждое полное копье изъ 6 человекъ: 1 жандарма, 1 кутильера, 1 пажа, 2 лучниковъ и 1 слуги; при этомъ значеніе боеваго элемента имѣли жандармъ, кутильеръ

и два лучника, и такимъ образомъ въ ротѣ было 600 человекъ, въ томъ числѣ 400 воиновъ, а во всѣхъ 15 ротахъ 9000 человекъ, въ томъ числѣ 6000 воиновъ. Ордонансовыя роты были размѣщены по всей странѣ, въ городахъ, небольшими группами въ 20—30 человекъ, и получали точно определенное натуральное довольствіе отъ тѣхъ провинцій, въ которыхъ были расквартированы, а денежное жалованье отъ короля.

Карль VII приступилъ также къ формированію *постоянной* пѣхоты, для чего въ 1448 году предписалъ выбрать въ каждомъ приходѣ одного лучника, который долженъ былъ имѣть надлежащее вооруженіе и снаряженіе. Выбранные такимъ образомъ люди получили названіе вольныхъ стрѣлковъ, освобожденныхъ отъ налоговъ, и получали жалованье, за что были обязаны присягою служить королю противъ всѣхъ его враговъ. Впослѣдствіи они были сведены въ роты по 500 и въ дружины по 4000 человекъ. Учрежденіе вольныхъ стрѣлковъ не дало на практикѣ тѣхъ результатовъ, которые отъ него ожидались, вслѣдствіе недостатка въ этихъ войскахъ тѣсной внутренней органической связи и отсутствія въ нихъ должной дисциплины, а также вслѣдствіе противодействия дворянства и недостатка денежныхъ средствъ, препятствовавшихъ королю дать имъ такую же прочную организацію, какъ ордонансовой кавалеріи. Тѣмъ не менѣе этотъ фактъ важенъ въ смыслѣ установленія призыва народа верховною властью къ отправленію воинской повинности, что выводило на историческое поприще низшіе классы общества. Въ боевомъ порядкѣ конной ордонансовой роты жандармы становились въ передней шеренгѣ въ разомкнутомъ строѣ (*en haue*), имѣя не менѣе двухъ шаговъ по фронту на человека; во второй шеренгѣ, шагахъ въ 30 позади первой, становились кутильеры, а третью и четвертую шеренги составляли лучники. Послѣдніе употреблялись для занятія и обороны мѣстныхъ предметовъ, дѣйствуя въ такихъ случаяхъ въ пѣшемъ строѣ, назначались въ авангардъ и производили развѣдки; передъ боемъ завязывали съ непріателемъ перестрѣлку, послѣ боя преслѣдовали разбитаго противника, а вообще дѣйствовали въ качествѣ легкой конницы ¹⁾). Вслѣдствіе подобнаго

¹⁾ При Карлѣ VII появился во Франціи особый видъ легкой кавалеріи въ видѣ *карабеновъ*, вооруженныхъ короткими пиками и булавами. Происхожденіе ихъ слѣдуетъ искать въ Испаніи.

ихъ назначенія, они вскорѣ начали строиться отдѣльно отъ жандармовъ и кутильеровъ, и такимъ образомъ ордоннансовая рота раздѣлилась на два *корнета*, изъ которыхъ первымъ (жандармы и кутильеры) командовалъ самъ капитанъ, а вторымъ (лучники) поручикъ. Жандармы вели бой такъ же, какъ и рыцари, т. е. производили атаки, заканчивавшіяся единоборствомъ. Пѣхота по прежнему не играла еще особенно почетной роли. За то лучники стали пріобрѣтать у французовъ все большее и большее значеніе и содѣйствовали весьма рѣшительно достиженію общей цѣли и успѣха въ бою ¹⁾. Благодаря способности лучниковъ дѣйствовать въ пѣшемъ строѣ, ордоннансовыя роты нашли въ себѣ необходимыя элементы для сочетанія коннаго боя съ пѣшимъ и, не взирая на свою немногочисленность, придали силу французской арміи, въ составъ которой входили по прежнему феодальныя и городскія ополченія. Общія ихъ усилія привели къ окончанію столѣтней войны и вмѣстѣ съ тѣмъ къ окончательному изгнанію англичанъ изъ Франціи. Учрежденіе ордоннансовыхъ ротъ нанесло рѣшительный ударъ феодальной системѣ; гордое дворянство, изъ котораго комплектовались жандармы, стало поступать въ качествѣ наемниковъ на службу короля и отнынѣ уже безусловно ему повиновалось. Феодальныя ополченія (*ban et arrière-ban*) созывались все рѣже и рѣже, а дворяне, за исключеніемъ чувствовавшихъ призваніе къ военной службѣ и поступавшихъ въ ряды ордоннансовыхъ ротъ, отвыкли отъ оружія и обратились къ мирнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ создались условія, допускавшія во Франціи возможность постепеннаго образованія военной системы на совершенно новыхъ началахъ, соотвѣтствовавшихъ измѣненіямъ въ ея государственномъ и общественномъ устройствѣ.

¹⁾ Такъ въ сраженіи при Фроминьи (16 апрѣля 1450 года) французы, атаковавшіе англичанъ съ фронта, почти потерпѣли пораженіе; но, вслѣдствіе обхода ихъ лѣваго фланга и тыла спѣшенными лучниками ордоннансовыхъ ротъ, англичане были вынуждены очистить позицію, что дало возможность жандармамъ этихъ же ротъ рѣшительною атакою въ конномъ строѣ нанести полное пораженіе англичанамъ.

ГЛАВА V.

Столѣтняя война ясно показала всю важность хорошей пѣхоты въ составѣ армій, а дальнѣйшее развитіе военного искусства находилось въ тѣсной связи съ *возрожденіемъ* этого рода оружія, которому при нормальныхъ условіяхъ должна принадлежать первенствующая роль. Предвозвѣстниками выступленія новой пѣхоты на военно-историческое поприще явились отчасти предшествовавшія, отчасти совпавшія съ столѣтнею войною боевыя столкновенія *фламандцевъ* съ французами и *швейцарцевъ* съ австрійцами.

Фландрія считалась принадлежавшею къ составу нѣмецкой имперіи, но въ то же время графы фландрскіе были вассалами французскихъ королей. При королѣ Филиппѣ IV Красивомъ въ 1302 году графъ фландрскій содержался въ плѣну у французовъ, а королевскіе чиновники господствовали въ странѣ и притѣсняли населеніе, что вызвало во Фландріи возстаніе національнаго характера. При этомъ главное ядро фламандскихъ войскъ составляли городскія милиціи, но къ нимъ применили и отборные отряды, выставленные фламандскимъ дворянствомъ. Въ составѣ городскихъ войскъ первое мѣсто занимали комплектовавшіяся изъ богатыхъ гражданъ отборныя части *микинеровъ*, носившихъ полное предохранительное вооруженіе. За ними слѣдовали люди, имѣвшіе отчасти да и то лишь легкое предохранительное вооруженіе, а въ качествѣ наступательнаго оружія знаменитый *годендагъ* (*goedendag*) или толстую палку съ верхнею желѣзною оправкою въ видѣ яблока, оканчивающуюся желѣзнымъ наконечникомъ и могущую быть употребляемою подобно пикѣ и подобно булавы. Кромѣ этой линейной пѣхоты имѣлись еще легкіе лучники, которые завязывали бой, а затѣмъ удалялись подъ защиту линейной пѣхоты, строившей глубокія сомкнутыя фаланги, располагавшіяся для боя въ одну или нѣсколько линій. Дворянскіе отряды обыкновенно составляли резервъ. Для усми-

ренія фламандцевъ король выслалъ армію, подъ начальствомъ графа д'Артуа, силою около 47,500 человекъ, изъ которыхъ серьезное боевое значеніе имѣла конница; остальные войска представляли мало годныя къ бою милиціи. Армія эта къ 11 іюля подошла къ городу *Куртрэ* съ цѣлю освободить отъ блокады французскій гарнизонъ, занимавшій замокъ этого города и обложенный тамъ фламандскою арміею, сила которой доходила до 20,000 человекъ и которая состояла подъ начальствомъ *Гюи*, сына графа фландрскаго и Вильгельма, графа юлихскаго. Такимъ образомъ фламандцы были болѣе, чѣмъ вдвое слабѣе французовъ, но за то они были одушевлены величайшимъ мужествомъ, ибо сражались за дорогое имъ дѣло. При этомъ рыцари сознавали общность интересовъ и раздѣляли труды и опасности съ горожанами. Фламандцы заняли позицію на равнинѣ впереди города, имѣя впереди фронта незамѣтный издалека не широкой, но глубокой ручей Гренингъ, а на лѣвомъ и правомъ флангахъ рѣку Лисъ и ручей, соединявшій Гренингъ съ городскимъ бассейномъ. Впереди боевой части были разсыпаны лучники и арбалетчики, а за боевою частью находился общій резервъ изъ отборныхъ дворянскихъ отрядовъ; въ то же время 1,200 человекъ было оставлено для наблюденія за цитаделью. Французы, подойдя къ непріятельской позиціи около 6 часовъ утра и принимая во вниманіе тѣсноту позиціи, построили свою конницу въ три линіи, имѣя впереди арбалетчиковъ и такъ называемыхъ *бидалей*, вооруженныхъ дротиками, которые, сверхъ прямого своего назначенія, должны были служить для кавалеріи развѣдчиками. 200 всадниковъ и остальная пѣхота были назначены въ составъ арьергарда. Между тѣмъ графъ д'Артуа, убѣдившись въ недоступности непріятельской позиціи съ фронта, рѣшился обойти ее и атаковать внезапно фламандцевъ съ ихъ праваго фланга, не взирая на доводы нѣкоторыхъ младшихъ начальниковъ, убѣждавшихъ его въ необходимости выдвинуть впередъ и остальную пѣхоту съ тѣмъ, чтобы она облегчила для конницы переходъ черезъ ручей. По приказанію главнокомандующаго пѣхота французскаго авангарда, пользуясь сильнымъ туманомъ, вышла противъ праваго фланга фламандцевъ и построилась на сухомъ мѣстѣ, имѣвшемъ около 450 шаговъ по фронту, но затѣмъ завязала бесполезную перестрѣлку съ непріятельскими стрѣлками.

Между тѣмъ начала подходить французская конница, которой негдѣ было раввернуться. Въ виду этого графъ д'Артуа приказалъ стрѣлкамъ отойти назадъ и очистить мѣсто для рыцарства, но пока это было произведено и пока французская конница построилась для атаки, фламандцы успѣли перемѣнить фронтъ своего боеваго порядка къ сторонѣ обхода, при чемъ примкнули свой правый флангъ къ городу, а лѣвый къ ручью Гренингъ. Сверхъ того впереди новаго фронта фламандцевъ находился ровъ, окаймлявшій дорогу. Къ тому же французской кавалеріи приходилось еще проходить сквозь свою пѣхоту, частью опрокидывая ее, а на флангахъ двигаться по болотистой почвѣ. При такихъ условіяхъ произведенныя три атаки, не взирая на храбрость и даже отчаянную смѣлость французовъ, были отражены, причемъ цвѣтъ французскаго рыцарства погибъ на пикахъ и годендагахъ плебейскихъ фламандскихъ флангъ, своевременно подкрѣпляемыхъ ихъ резервомъ. Не помогла французамъ и вылазка гарнизона замка, которая была также отражена. Фламандцы, не ограничившись этимъ успѣхомъ, перешли обоими флангами въ наступленіе, при чемъ, обративъ непріятеля въ бѣгство, преслѣдовали его и истребляли безпощадно. Потери французовъ въ точности неизвѣстны, но нужно допустить, что онѣ были не менѣе 50%, судя по тому, что потеря одной лишь только ихъ кавалеріи была болѣе 4,000 человекъ. Потери фламандцевъ были сравнительно не велики.

Въ этомъ сраженіи можно отмѣтить у фламандцевъ почти всѣ тѣ же поучительныя стороны, которыя были замѣчены у англичанъ въ сраженіяхъ при Кресси, Пуатье и Азинкурфъ, съ тою лишь разницею, что у фламандцевъ главная, выдающаяся роль въ бою принадлежитъ неблагородной и презрѣнной пѣхотѣ, одерживающей рѣшительную побѣду надъ рыцарскою конницею. Со стороны же французовъ отвѣтственность за поражение падаетъ почти исключительно на одного лишь графа д'Артуа, который построилъ боевой порядокъ, не соображенный со свойствами имѣвшихся въ его арміи родовъ оружія, и повелъ рядъ атакъ, не принимая во вниманіе мѣстныхъ условій и вообще совершенно наперекоръ обстановкѣ; недостатокъ дисциплины, присущій феодальнымъ арміямъ, лишь только отчасти способствовалъ увеличенію безпорядка, явившагося

слѣдствіемъ нецѣлесообразныхъ распоряженій французскаго главнокомандующаго.

Фламандцы одержали еще и другіе успѣхи надъ своими врагами, и такимъ образомъ у нихъ существовали необходимыя элементы для образованія хорошей пѣхоты, но Фландрія не могла быть независимою и развивать свою военную систему самостоятельно: въ слѣдующемъ столѣтіи она была присоединена къ государству герцоговъ бургундскихъ и подчинилась господствовавшей въ немъ системѣ, въ которой былъ спленъ феодальный характеръ. Вслѣдствіе этого фламандская пѣхота сошла съ историческаго поприща, и дальнѣйшіе слѣды развитія этого рода оружія оказываются уже у другихъ народовъ, а прежде всего у *швейцарцевъ*, а затѣмъ какъ у нихъ въ западной романо-германской Европѣ, такъ и у чеховъ во время гуситскихъ войнъ на рубежѣ, отдѣлявшемъ западную Европу отъ восточной или греко-славянскаго міра.

Въ 1218 году пресѣкъся Церингенскій домъ, владѣвшій Гельвеціею или нынѣшнею *Швейцаріею*, послѣ чего эта страна отошла къ имперіи, а управленіе ею было захвачено австрійскими герцогами, ставившими туда своихъ намѣстниковъ. Дурное управленіе этихъ намѣстниковъ и притѣсненіе ими швейцарскаго населенія было причиною цѣлаго ряда возстаній этихъ свободолюбивыхъ и мужественныхъ горцевъ, а въ происшедшихъ вслѣдствіе этого частыхъ военныхъ дѣйствіяхъ все болѣе и болѣе развивался воинственный духъ этого народа. При этомъ замѣчательны тѣсное единеніе и дружныя дѣйствія городовъ съ вольными крестьянскими общинами, что дало возможность получить выгодное сочетаніе умственнаго элемента и силы моральной. Вслѣдствіе бѣдности населенія и горнаго характера страны, швейцарцы не могли образовать конницы и войска ихъ состояли изъ пѣхоты, не имѣвшей первоначально предохранительнаго оружія и вооруженной длинными пиками, тяжелыми обоюдоострыми мечами и алебардами. Съ теченіемъ времени, одержавъ цѣлый рядъ побѣдъ надъ своими врагами и захвативъ многочисленную добычу, они приняли шлемы, латы, щиты, копья, булавы и кинжалы. Строй ихъ (*hérisson*) состоялъ изъ глубокихъ фалангъ, по всему вѣроятію, квадратной формы; въ этомъ строѣ *мигинеры* составляли наружныя шеренги, чтобы отражать

атаки, а *аллебардисты* образовали внутреннюю часть этой массы, чтобы своимъ сравнительно короткимъ оружіемъ удобнѣе дѣйствовать въ послѣдующемъ рукопашномъ бою. Этотъ строй и образъ дѣйствій швейцарцевъ былъ примѣненъ къ условіямъ, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать въ бою. Преимущества этой новой вооруженной силы не замедлили обнаружиться при столкновеніи ея съ нѣмецкими феодалными войсками.

Послѣ возстанія швейцарскихъ кантоновъ Швица, Ури и Унтервальдена, герцогъ Леопольдъ австрійскій въ 1315 г. собралъ около 15,000 воиновъ, не считая 5,000 — 6,000 войскъ его союзниковъ, и двинулся въ Швейцарію съ цѣлью усмирить возставшіе кантоны. Двѣ небольшія части его арміи были направлены отъ Люцерна и Бриенца къ границамъ Унтервальдена для демонстративныхъ дѣйствій, въ связи съ союзниками герцога, а главные силы, въ числѣ 12,400 человекъ (4,400 кавалеріи и 8,000 пѣхоты), подъ личнымъ начальствомъ Леопольда, двинулись 15 ноября изъ Цуга къ озеру Эгри и Шорненскому проходу съ цѣлью дѣйствій противъ главныхъ силъ швейцарцевъ, которыя, въ числѣ 1,300 человекъ, расположились, не переходя границы Швица, между Моргартеномъ и Ротентурмомъ, выславъ по разнымъ направленіямъ развѣдчиковъ. Независимо отъ нихъ въ 1¹/₂—2 верстахъ, на высотѣ Маллигючь, по ту сторону границы, стали въ засадѣ не принятые въ число защитниковъ родины 50 изгнанниковъ. Армія герцога Леопольда остановилась на ночлегъ въ Оберъ-Эгри, а на другой день, 16 ноября, продолжала движеніе, въ двухъ колоннахъ: лѣвая изъ части пѣхоты на Ротентурмъ, съ цѣлью обхода праваго фланга швейцарцевъ, и правая изъ остальныхъ войскъ для нанесенія главнаго удара; послѣдняя, имѣя впереди кавалерію, не приняла мѣръ охраненія и не подозрѣвала близости противника. Первоначально изгнанники осыпали австрійцевъ древесными пнями и бревнами, что привело рыцарей въ замѣшательство и вынудило ихъ спѣшиться и двинуться въ атаку противъ горсти изгнанниковъ, но въ это время главные силы швейцарцевъ, поспѣшивъ на поддержку изгнанниковъ, внезапно атаковали неприятеля, который былъ приведенъ въ разстройство, обращенъ въ бѣгство и потерпѣлъ полное пораженіе, потерявъ до 3,000 человекъ, не считая утонувшихъ въ озерѣ. Успѣху швейцар-

цевъ въ бою при Моргартенѣ содѣйствовали благоприятныя случайности, особенно удачное сочетаніе дѣйствій изгнанниковъ и атаки главныхъ силъ; къ тому же большая часть австрійской арміи не участвовала въ бою и обратилась въ бѣгство подъ вліяніемъ паническаго страха. Тѣмъ не менѣе этотъ бой имѣлъ значеніе въ смыслѣ подъема моральныхъ силъ швейцарцевъ и производства удручающаго впечатлѣнія на ихъ враговъ, что, въ свою очередь, имѣло значеніе при послѣдующихъ событіяхъ. Въ бою при *Лаупенѣ* 21 іюня 1339 г. швейцарцы не только ведутъ весьма смѣло бой съ рыцарствомъ, но и удачно маневрируютъ и дѣйствуютъ съ полнымъ примѣненіемъ начала взаимной поддержки, а въ бою при *Земпахѣ* 9 іюня 1386 года обнаруживаютъ не только замѣчательное геройское мужество, но и умѣнье дѣйствовать на пересѣченной гористой мѣстности, а также подвижность и эволюціонную ловкость небольшихъ единицъ, роты, которыя быстро выдвигались для образованія боеваго порядка и, послѣдовательно вступая въ дѣло, утомили и разстроили неповоротливую и малоподвижную рыцарскую фалангу, причемъ заднія роты, по отношенію къ переднимъ, имѣли значеніе *резерва*, тогда какъ у австрійцевъ резерва не было ¹⁾).

Земпахская побѣда была довершена разрушеніемъ рыцарскихъ замковъ, а въ 1388 г. австрійцы потерпѣли еще одно пораженіе у *Небелмса*, послѣ чего военныя дѣйствія прекратились. Съ этого времени швейцарцы получили значеніе грозной силы; одержанные же ими успѣхи въ борьбѣ съ рыцарскою конницею подготовили торжество пѣхоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечили дальнѣйшій прогрессъ военнаго искусства.

Въ виду обнаружившейся несостоятельности феодальной военной системы правительства западно-европейскихъ государствъ, не отказываясь сразу отъ феодальныхъ войскъ, обратились къ другимъ источникамъ для усиленія своихъ вооруженныхъ силъ, а именно къ городскимъ контингентамъ, къ

¹⁾ Въ этомъ бою замѣчательно также геройское самопожертвованіе командира роты унтервальденцевъ, Арнольда *фонъ-Винкельрида*, который схватилъ обѣими руками сколько могъ рыцарскихъ пикъ и направилъ себѣ этотъ снарядъ въ грудь, чѣмъ образовалъ брешь въ рыцарской фалангѣ, и въ эту самую брешь ворвалась его рота по теплоту еще трупъ своего начальника, смерть котораго была отмщена унтервальденцами. Швейцарцы могли быть раздавлены превосходными силами враговъ, но превосходство ихъ образа дѣйствій доставило имъ успѣхъ.

вербованнымъ (въ томъ числѣ и постояннымъ) и наемнымъ иноземнымъ войскамъ. Развитію наемныхъ войскъ содѣйствовало постепенное распространеніе появившагося новаго фактора, огнестрѣльнаго оружія, въ связи съ нѣкоторымъ подъемомъ народнаго благосостоянія. Небогатые, но воинственные и предприимчивые люди, жаждавшіе славы и добычи, охотно посвящали себя военному дѣлу (къ сожалѣнію, какъ ремеслу), причемъ, не будучи въ состояніи приобрести полное рыцарское вооруженіе, образовали пѣшія дружины. Между тѣмъ, хотя борьба пѣхоты съ кавалеріею становилась все смѣлѣе и рѣшительнѣе и значеніе пѣхоты усиливалось, а престижъ рыцарства постепенно падалъ, тѣмъ не менѣе конные латники-дворяне все еще считали себя воинами по преимуществу и относились съ высокоуміемъ и пренебреженіемъ къ пѣхотинцамъ. Подобныя отношенія отразились и на арміи герцоговъ бургундскихъ, которая была многочисленна, такъ какъ эти герцоги принадлежали къ числу сильнѣйшихъ владѣтелей въ Западной Европѣ, владѣя не только Бургундіею, но еще и провинціею Франшъ-Конте, Рейнскимъ Пфальцемъ, Лимбургомъ, Брабантомъ, графствами Голландъ, Гельдернъ, Фрисландъ и т. д. Изъ бургундскихъ герцоговъ особенно замѣчательнъ послѣдній, *Карлъ Смѣлый* (1467—1477); онъ отличался безпокойнымъ характеромъ и воинственностью, но не обладалъ военными талантами, хотя могъ понимать детали военного дѣла, причемъ, въ силу свойствъ своего мелочнаго ума, былъ способенъ къ совершенствованію частныхъ устройствъ арміи.

Въ составъ арміи Карла Смѣлаго входили: а) *ленныя* ополченія, составлявшія хотя и большую, но наименѣе надежную часть арміи, служба которыхъ уже оплачивалась сюзереномъ, за исключеніемъ случаевъ сбора войскъ для незначительныхъ дѣйствій или для отраженія вторгнувшагося врага; б) *наемныя банды*, иноземныя — англійскія, шотландскія, италіянскія, французскія и т. д.; в) *ордонансовыя роты*, организованныя, начиная съ 1470 г., по примѣру Франціи, съ тою разницею, что въ составъ бургундскаго копия входили, кромѣ 1 латника, 1 кутильера и 1 пажа, 3 конныхъ лучника и 3 пѣхотинца¹⁾, а впоследствии и конные лучники были обращены въ пѣхотинцевъ; г) *артиллерія*: легкая, со-

¹⁾ 1 арбалетчикъ, кулевриньеръ и 1 пиквиеръ.

стоявшая изъ *кулевринъ*, и тяжелая, въ составѣ которой преобладали большія *болбарды*; д) *городскія милици* подобныя французскимъ; ж) *личная гвардія* герцога, состоявшая изъ 1,400 всадниковъ и 600 пѣхотинцевъ; бургундская пѣхота была отчасти вооружена огнестрѣльнымъ оружіемъ; итого въ арміи было не менѣе 80,000 человекъ.

Однако эти разнородные элементы не были сплочены въ одно стройное органическое цѣлое. Бургундская армія дѣлилась на авангардъ, главныя силы и арьергардъ а впоследствии на 8 частей; тѣ и другія въ бою образовали особыя линіи и строились иногда уступами, но чаще одна за другою. Въ центрѣ каждой линіи располагалась тяжелая пѣхота (въ 3—4 шеренги), имѣя на флангахъ, а иногда и за собою спѣшенныхъ конныхъ лучниковъ, а латники ордоннансовыхъ ротъ, построившись по рыцарски, образовали крылья. Артиллерія съ прикрытіемъ изъ наемной пѣхоты располагалась передъ фронтомъ первой линіи. На открытомъ флангѣ располагались повозки обоза, замѣнявшія укрѣпленія. Въ бою конница дѣйствовала по рыцарски, а пѣхота (лучники) метала стрѣлы или бездѣйствовала.

Ко времени столкновения бургундцевъ съ швейцарцами кантоны, добившіеся независимости, образовали *швейцарскій союзъ* и выставляли въ составъ общей арміи контингенты, имѣвшіе довольно однообразную организацію и состоявшіе почти исключительно изъ пѣхоты, которая была вооружена аллебардами, пиками, метательнымъ и въ небольшомъ числѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ; мечи и прочіе виды оружія имѣли значеніе второстепенное. Контингенты кантоновъ строились отдѣльно и образовали *дружины*, основнымъ элементомъ которыхъ были аллебардисты, строившіеся въ 20 шеренгъ и имѣвшіе на флангахъ пикинеровъ¹⁾.

Къ пѣхотѣ присоединилась и артиллерія, уступавшая бургундской, и небольшія части кавалеріи, выставляемыя дворянами. Такимъ образомъ и въ эту эпоху устройство швейцарскихъ войскъ отличалось простотою и цѣлесообразностью. Боевой порядокъ швейцарцевъ строился съ примѣненіемъ уступнаго расположенія, что давало возможность сочетать флан-

¹⁾ Впоследствии стремленіе обезпечить фланги отъ атакъ кавалеріи привело къ увеличенію глубины квадратнаго построенія до 60 шеренгъ, что не отвѣчало ни дѣйствию огнестрѣльнаго оружія, ни общимъ условіямъ боя.

говый и фронтальный удары. Въ то-же время они отличались искуснымъ производствомъ эволюцій и умѣлымъ маневрированиемъ и вообще въ отношеніи боевой подготовки стояли несравненно выше своихъ противниковъ.

Частыя столкновения швейцарцевъ съ Карломъ Смѣлымъ имѣли слѣдствіемъ войну между ними, разгорѣвшуюся въ 1476 году. Карль съ арміею силою не менѣе 40,000 человекъ при 400 орудіяхъ произвелъ вторженіе въ Швейцарію и овладѣлъ Грансономъ и замкомъ Вомаренъ или Вомарко прежде, чѣмъ швейцарцы подоспѣли на помощь къ гарнизонамъ этихъ пунктовъ. Швейцарская армія, въ составѣ 18,000 пѣхоты и 300 кавалеріи съ артиллеріею, двинулась противъ бургундцевъ и 2 марта при *Грансонѣ* нанесла имъ пораженіе. Причиною этого пораженія были неосновательное презрѣніе Карла Смѣлаго къ врагу и нецѣлесообразныя его распоряженія въ бою, облегчавшія успѣхъ швейцарцевъ, которые одержали побѣду не вслѣдствіе какихъ либо искусныхъ комбинацій, но благодаря своему мужеству, единодушію, взаимной поддержкѣ и рѣшимости довести дѣло до конца. Швейцарцы не извлекли возможной пользы изъ этой побѣды и, не желая продолжать военныя, т. е. собственно наступательныя дѣйствія, возвратились назадъ. Этимъ воспользовался Карль Смѣлый, который уже 9 марта собралъ большую часть своихъ разсѣявшихся войскъ, отвелъ ихъ къ Лозаннѣ и занялся тамъ реорганизаціею и устройствомъ арміи. 27-го мая онъ выступилъ изъ Лозанны и прибылъ къ *Муртену* 9 іюня. Численность его арміи, усиленной подкрѣпленіями, была доведена до 25,000 человекъ съ 183 орудіями. Карль обложилъ и безуспѣшно штурмовалъ Муртенъ, занятый гарнизономъ въ 1,500 человекъ, оборонявшимся съ замѣчательнымъ мужествомъ и энергіею. Между тѣмъ швейцарцы сосредоточились также въ числѣ до 25,000 человекъ (въ томъ числѣ 2,000 кавалеріи) и двинулись противъ врага. 22 іюня произошло сраженіе при Муртенѣ, окончившееся полнымъ пораженіемъ бургундской арміи, одна половина которой была истреблена, а другая разсѣяна, при чемъ швейцарцы потеряли не болѣе 500 человекъ. Причиною этого пораженія являлся опять таки самъ герцогъ Карль, который, остановившись передъ Муртеномъ, не принялъ мѣръ къ обезпеченію своего блокаднаго положенія, почти вовсе не производилъ развѣдокъ о против-

никѣ, держался крайне пассивно, не предпринимая ничего, чтобы воспрепятствовать сосредоточенію и операціямъ швейцарцевъ, далъ имъ возможность застигнуть себя въ распахъ и въ бою принялъ установленный имъ нормальный боевой порядокъ, состоявшій изъ 4-хъ отрядовъ или 8 линій (съ резервомъ) и имѣвшій слѣдствіемъ раздробленіе силъ, отсутствіе единства въ управленіи войсками и въ высшей степени опасныя боевыя положенія, такъ какъ головная часть, будучи опрокинута, увлекала за собою всѣ стоявшія за нею линіи. Швейцарцы еще разъ доказали преимущество своей простой тактики и важное значеніе моральной силы войскъ. Съ точки зрѣнія стратегической, вслѣдствіе недостатка единства управленія всѣми силами союза и споровъ между кантонами, швейцарцы часто лишались важныхъ выгодъ и упускали благоприятные моменты, но ни разу за это не заплатились благодаря нецѣлесообразнымъ дѣйствіямъ противника.

Въ швейцарскихъ войскахъ, какъ нѣкогда въ римскихъ, главную роль на поляхъ сраженій играла пѣхота, нисколько не опасавшаяся закованной въ латы конницы. Съ этихъ именно поръ *пѣхота* и становится въ западной Европѣ *главнымъ родомъ оружія*, что и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи военного искусства.

Въ средніе вѣка появился новый факторъ, который, съ теченіемъ времени, оказалъ существенное вліяніе на ходъ развитія военного дѣла, а именно особый видъ метательнаго оружія — *оружіе огнестрѣльное*. Зажигательные составы и порохъ появились впервые на востокѣ, гдѣ и примѣнялись къ военному дѣлу, но развитіе и усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія принадлежитъ вполнѣ западнымъ народамъ.

Употребленіе зажигательныхъ составовъ было извѣстно еще древнимъ грекамъ. Византійскіе греки приготавливали сильныя зажигательныя составы, въ ряду которыхъ особенную извѣстность получилъ *греческій огонь*¹⁾, и которыми они пользовались для военныхъ цѣлей, между прочимъ и въ морской войнѣ, чѣмъ производили сильнѣйшее впечатлѣніе на ставкивавшіеся съ ними варварскіе или полуварварскіе народы.

¹⁾ Секретъ этого огня былъ открытъ византійскому правительству грекомъ Калпаниномъ въ 671 году.

Въ 969 году въ Китаѣ была изобрѣтена *ракета*, набитая составомъ изъ сѣры, селитры и угля; набивка была сплошная, занимала часть трубки и дѣйствовала слабо; ракета подвязывалась къ такъ называемой огненной стрѣлѣ, которую метали лукомъ, а зажигательный составъ служилъ только для поддержки скорости движенія стрѣлы.

Монголы, подчинившіе Китай своему владычеству, а въ XIII столѣтіи угрожавшіе Европѣ, познакомили европейцевъ какъ съ ракетой, такъ и съ *петардой*. Дальнѣйшій прогрессъ въ отношеніи зажигательныхъ составовъ замѣчается у аравитянъ, которые достигли замѣчательнаго искусства въ пиротехніи ¹⁾, и, не ограничиваясь этимъ, изобрѣли различные военные снаряды, метательныя машины и ручное оружіе, назначенное для *зажиганія*. Ими и было изобрѣтено первое огнестрѣльное оружіе для пѣхотинца, состоявшее первоначально изъ зажигательной булавы, на днѣ которой помѣщался пороховой зарядъ, который при воспламененіи выбрасывалъ арбалетную пулю. Они-же изобрѣли соотвѣтствующее оружіе и для всадника. *Первое огнестрѣльное оружіе было, во всякомъ случаѣ, ручное.*

Христіанскіе народы западной Европы познакомились съ ракетами и петардами и съ примѣненіемъ селитры во 2-й половинѣ XIII столѣтія, независимо отъ аравитянъ, изъ сочиненія Марка Грека ²⁾, написаннаго во времена латинской константинопольской имперіи (1204—1261). Относительно разрывнаго и метательнаго свойствъ пороха трудно опредѣлить, когда именно они были въ первый разъ примѣнены; но можно допустить, что это произошло между 1270 и 1320 годами. Первое примѣненіе пороха къ метанію снарядовъ у европейцевъ не оставило слѣда въ исторіи, такъ какъ это нововведеніе въ то время считалось маловажнымъ и едва было замѣчено. Одна изъ хроникъ утверждаетъ, что пушки были впервые изобрѣтены въ Германіи монахомъ Бертольдомъ Шварцомъ въ 1313 году. Такъ или иначе, но Шварцъ не былъ самостоятельнымъ изобрѣтателемъ. Затѣмъ имѣются указанія на то, что въ Италіи въ 1326 году изготовлялись металлическія орудія и желѣзныя пули, во Франціи огнестрѣль-

¹⁾ Главную роль у нихъ играла селитра.

²⁾ „*Liber ignium ad comburendos hostes*“, что означаетъ: „Книга о зажигательныхъ составахъ, употребляемыхъ для сожженія непріятелей“.

ное оружіе имѣлось въ 1338 году, въ Руанѣ, а въ Испаніи мавры, осажденные въ крѣпости *Алджезирасъ* въ 1342 году, обстрѣливали испанскій лагерь желѣзными ядрами, величиною въ большое яблоко.

Такимъ образомъ возникла *артиллерія*.

Сначала орудія дѣйствовали весьма слабо ¹⁾ и только противъ войскъ, но были бессильны противъ стѣнъ и крѣпостей. Медленность развитія артиллеріи обуславливалась недостаткомъ практической опытности и техническихъ знаній. Къ тому-же люди, дѣйствовавшіе при орудіяхъ, подвергались опасности. Тѣмъ не менѣе число орудій въ арміяхъ все болѣе и болѣе увеличивалось, а устройство ихъ разнообразилось, при чемъ уже въ то время обнаружилось вредное стремленіе къ изготовленію большихъ орудій, бросавшихъ возможно большіе снаряды: такъ въ 1377 году у герцога бургундскаго была *бомбарда*, вѣсъ которой былъ, по всему вѣроятію, не менѣе 350 пудъ и которая бросала каменный снарядъ, вѣсившій около 11 пудъ (437 фунтовъ). Собственно говоря, все усовершенствованіе артиллерійскаго дѣла въ эту эпоху сводилось почти исключительно къ тому, что отъ малыхъ орудій перешли къ большимъ. Орудія изготовлялись первоначально кузнецами, но уже со второй половины XIV столѣтія появились литейщики, отливавшіе орудія изъ сплава олова и мѣди. Порохъ изготовлялся ручнымъ способомъ частными лицами, которыя имъ торговали. Въ виду несовершенства техники, при орудіяхъ различной прочности, во избѣжаніе разрыва, употреблялся медленно-горящій порохъ, уменьшавшій опасность, но въ то же время уменьшавшій и силу дѣйствія артиллеріи. Поэтому въ XIV столѣтіи прежнія метательныя орудія не только употреблялись на ряду съ бомбардами, но даже предпочитались имъ въ виду меньшей опасности въ употребленіи и большей силы дѣйствія.

Орудія первоначально помѣщались на станки или деревянные кубы съ выемками. Въ первой половинѣ XV столѣтія они прикрѣплялись къ станкамъ или лафетамъ посредствомъ веревокъ и желѣзныхъ скрѣпъ. Въ то время не понимали значенія и пользы отката въ смыслѣ сбереженія орудія или лафета, а потому и старались всячески уничтожить от-

¹⁾ Снаряды сначала не превосходили вѣсомъ 4-хъ фунтовъ.

дачу. Впрочемъ, при слабомъ порохѣ и относительно легкихъ снарядахъ, орудія портились не слишкомъ быстро.

Около половины XV столѣтія швейцарцы изобрѣли орудія на двухколесныхъ лафетахъ съ приспособленіемъ для уничтоженія отдачи и получили слабое подобіе полевой артиллеріи, орудія которой не могли измѣнять своего наклоненія. Въ зависимости отъ своего устройства орудія получали различныя названія.

Самыя большія назывались *бомбардами* или *бюксами*; орудія, отличавшіяся отъ бомбардъ болѣе короткимъ каналомъ, назывались *мортирами*; за бомбардами слѣдовали меньшія въ сравненіи съ ними *веклеры*¹⁾ и *кранодо*²⁾, заряжавшіяся съ казны и стрѣлявшія каменными ядрами, и орудія еще меньшаго калибра *кулеврины*, заряжавшіяся съ дула и стрѣлявшія свинцовыми снарядами³⁾.

Досытаемость полета каменнаго ядра при относительномъ зарядѣ въ $\frac{1}{3}$ простиралась до 2,000 шаговъ.

Въ общемъ, до конца среднихъ вѣковъ, артиллерія, какъ боевое оружіе, сдѣлала мало успѣховъ. Калибръ орудій значительно увеличился и сдѣлался разнообразнымъ; орудія и снаряды были непрочны, а порохъ отличался разнообразіемъ. Теоріи стрѣльбы не существовало. Лафеты или вовсе не допускали, или допускали въ весьма слабой степени (и съ большими неудобствами) измѣненіе направленія орудій. Поэтому было легко быстро пройти поражаемое пространство и очутиться внѣ сферы ихъ дѣйствія.

Перемѣщеніе орудій на полѣ сраженія было невозможно, а потому о *массированіи* артиллеріи не могло быть и рѣчи. При такомъ состояніи артиллеріи она дѣйствовала на противника почти исключительно или преимущественно не дѣйствительностью своей стрѣльбы, но производя извѣстное моральное впечатлѣніе, и могла быть примѣняема въ осадной и крѣпостной войнѣ и лишь сравнительно рѣдко при дѣйствіяхъ въ полѣ.

Ручное огнестрѣльное оружіе совершенствовалось еще медленнѣе, чѣмъ артиллерійскія орудія. Съ увеличеніемъ

1) Ихъ каменные ядра вѣсили отъ 3 до 100 фунтовъ.

2) Вѣсъ этихъ орудій простирался отъ 100 до 250 фунтовъ.

3) Вѣсъ кулевринъ простирался отъ 12 до 50 фунтовъ.

числа калибровъ и различныхъ родовъ этихъ орудій исчезла рѣзкая грань между ними и ручнымъ оружіемъ.

Уменьшенію вѣса наименьшихъ орудій до 50—12 фунтовъ, соотвѣтствовало стремленіе къ увеличенію тяжести ручнаго оружія, несмотря даже на его незначительную длину, такъ что около 1364 года нѣкоторые образцы ручнаго оружія вѣсили до 30—40 фунтовъ, а въ то же время были стволы длиною нѣсколько менѣе 1 фута. Наибольшіе успѣхи въ изготовленіи ручнаго оружія сдѣлалп, по всему вѣроятію, фламандцы; изъ Фландріи первыя *ручныя пушки* или *малыя каноны*, пменовавшіеся также *аркебузами* (середины XIV столѣтія) распространились черезъ Германію, въ Швейцаріи, Італіи и т. д. ¹⁾ Въ концѣ XIV вѣка появились *ручныя каноны съ прикладомъ*, а въ исходѣ первой четверти XV столѣтія *ручныя каноны съ куркомъ* (или серпентиномъ); послѣдніе, по нѣкоторомъ усовершенствованіи ихъ фабрикаціи, получили названіе *ручныхъ кулевринъ* и *петриналей*. Этими видами ручнаго оружія были присущи слѣдующіе недостатки: тяжесть, медленность и неудобство заряжанія; невозможность точнаго прицѣпванія (вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ приспособленій и неудовлетворительности способа воспламененія) и, наконецъ, медленность, неудобство и невѣрность воспламененія.

Вслѣдствіе подобныхъ недостатковъ ручное оружіе того времени отличалось малою боевою годностью и ничтожностью его матеріальнаго дѣйствія въ тогдашнихъ бояхъ. Такимъ образомъ и ручное оружіе, подобно артиллерійскимъ орудіямъ, имѣло значеніе только лишь съ точки зрѣнія моральнаго впечатлѣнія, производимаго его выстрѣломъ.

Въ общемъ огнестрѣльное оружіе, въ эту первую эпоху своего развитія, не оказало никакого сколько-нибудь существеннаго вліянія на ходъ развитія военнаго искусства и военнаго дѣла вообще. Совершившееся возрожденіе пѣхоты и умаленіе ненормальнаго значенія конницы, въ связи съ паденіемъ феодальныхъ войскъ, являлось слѣдствіемъ происшед-

¹⁾ Названіе аркебузъ было не вполне правильно; настоящія аркебузы появились позже.

шихъ измѣненій главнымъ образомъ въ государственно-общественныхъ отношеніяхъ, и введеніе огнестрѣльнаго оружія, въ виду его несовершенства, не могло ускорить хода указаннаго измѣненія въ отношеніяхъ между пѣхотою и конницею ¹⁾.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, полагающихъ, что именно введеніе огнестрѣльнаго оружія поколебало феодализмъ и рыцарство, не согласно съ дѣйствительностью. Роль его въ этомъ отношеніи сводилась чуть ли не къ нулю.

Г Л А В А VI.

Послѣ раздѣленія римской имперіи на *западную*, или собственно—римскую и *восточную*, или ромейскую, или византійскую, послѣдняя вскорѣ превратилась въ греческую, приче́мъ, однако, греческій элементъ обновился вслѣдствіе примѣси къ нему различныхъ племенъ и народовъ, главнымъ образомъ славянъ. Славяне заняли большую часть Балканскаго полуострова и даже Элладу и Пелопоннесъ, а греческое племя въ началѣ IX вѣка удерживалось только въ Царьградѣ и его окрестностяхъ, въ прибрежныхъ укрѣпленных пунктахъ, въ южной части Лаконіи, въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ Пелопоннеса, на островахъ Ионическихъ и Архипелага и на побережьи Малой Азіи; въ столицѣ имперіи греки составляли меньшинство, а преобладала смѣсь разныхъ народовъ, варварскаго происхожденія, но эта смѣшанная раса говорила по-гречески и гордилась именемъ римлянъ, образованіемъ эллиновъ и просвѣщеніемъ православныхъ христіанъ. Восточное христіанство распространилось среди большей части обитателей Балканскаго полуострова и явилось духовною связью между всѣми этими разнородными элементами, а такъ какъ оно исходило отъ грековъ, которые и своею государственною и цивилизаціею импонировали пришедшимъ съ ними въ общеніе народамъ, то естественно, что за греческимъ элементомъ и осталось положеніе, господствующее въ имперіи и въ высшей степени вліятельное въ политической системѣ государствъ, образовавшихся на Балканскомъ полуостровѣ и даже внѣ его предѣловъ. Среди народовъ и племенъ, подчинившихся вліянію византійской культуры и цивилизаціи, выдающееся мѣсто по своей многочисленности занимали славяне, принявшіе христіанство большею частью отъ Византіи и лишь отчасти изъ Рима. Сверхъ того судьбы славянъ переплелись съ судьбами нѣкоторыхъ другихъ народовъ, частью совершенно имъ чуждыхъ, частью представлявшихъ смѣсь славянскаго пле-

мени съ романскимъ, финскимъ, турецкимъ и т. п., какъ на примѣръ румыны, венгры и т. д. Изъ этихъ нечистославянскихъ народовъ нѣкоторые приняли христіанство съ запада и стали въ близкія отношенія къ славянамъ-католикамъ и вообще къ западу, въ то время, какъ другіе, примкнувъ къ восточной церкви, вошли въ составъ міра восточно-христіанскаго или православнаго. Во всякомъ случаѣ, не смотря ни на раздѣленіе всѣхъ упомянутыхъ народовъ на двѣ группы въ религіозномъ отношеніи, ни на разныя другія неблагопріятныя условія, связь между ними не могла быть разорвана вполне. Съ этой точки зрѣнія всѣ они составляли одинъ міръ *греко-славянской*. Для того, чтобы ознакомиться съ этимъ міромъ въ спеціально-военномъ отношеніи, необходимо разсмотрѣть состояніе военного дѣла сначала у *грековъ* византійской имперіи, а затѣмъ у *славянъ*.

Военное устройство въ византійской имперіи въ теченіе довольно продолжительнаго времени сохранялось въ томъ видѣ, какой оно приобрѣло еще при Константинѣ Великомъ, установившемъ новую организацію войскъ и распредѣлившемъ ихъ по префектурамъ и ихъ подраздѣленіямъ. Вооруженныя силы имперіи состояли: А) изъ императорской *гвардіи*; Б) изъ *легионовъ*; В) изъ *вспомогательныхъ* пѣшихъ ротъ и конныхъ вѣксилль, и Г) изъ пѣшихъ *когортъ* и *крыльцевъ* или конныхъ ротъ *пограничныхъ* войскъ. Легионы и вспомогательныя войска, въ свою очередь, были троякаго рода: а) *императорскія* войска, имѣвшія значеніе дѣйствующихъ и полевыхъ, не имѣвшія постоянныхъ мѣстъ квартированія и получавшія большее содержаніе; б) *областныя* войска, соотвѣтствовавшія земскимъ ополченіямъ, набиравшіяся изъ жителей соотвѣтствующихъ областей и созывавшіяся для военныхъ упражненій лишь на короткое время, но обязанныя находиться въ извѣстной боевой готовности; в) *запасъ* областныхъ войскъ на случай чрезвычайной важности.

Численность войскъ была уменьшена Константиномъ В.; но, вслѣдствіе упадка военного духа въ народѣ, строгости установленныхъ военныхъ порядковъ, уклоненія гражданъ отъ военной и стремленія ихъ въ гражданскую и особенно придворную службу, приходилось принимать въ войска въ зна-

чительномъ числѣ людей негодныхъ и всетаки нельзя было обойтись безъ варваровъ. Въ виду этого уровень силъ духовныхъ въ войскахъ имперіи былъ не высокъ.

Вооруженіе войскъ постепенно все болѣе и болѣе облегчалось. Ручное метательное оружіе сильно распространилось; вмѣстѣ съ тѣмъ появились разные роды легкихъ войскъ, нарушившіе единство въ организаціи легионовъ. Численность конницы увеличилась, а сама конница дѣлилась на тяжело-вооруженную и легкую, вооруженную преимущественно метательнымъ оружіемъ. Метательныя машины употреблялись не только въ осадной и крѣпостной, но и въ полевой войнѣ. При легионѣ состояло 55 баллиствъ и 10 онагровъ¹⁾. Подобное число ихъ было несоразмѣрно велико и дѣлало легионъ малоподвижнымъ.

Строй легионовъ, подъ вліяніемъ духовнаго упадка войскъ, характера противниковъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло, и измѣненій въ составѣ и вооруженіи войскъ, принялъ постепенно неподвижныя формы, перешедшія наконецъ почти въ фалангообразное построеніе. Кавалерія располагалась на флангахъ, причемъ тяжеловооруженная примыкала непосредственно къ пѣхотѣ и прикрывала фланги, а конные лучники и вообще легковооруженныя части строились на наружныхъ флангахъ и должны были охватывать фланги противника. Такимъ образомъ кавалеріи принадлежала по преимуществу активная, а пѣхотѣ пассивная роль.

Изобиліе въ легионѣ метательнаго оружія (ручнаго и тяжелаго), способъ построенія легиона, расположеніе войскъ въ линію и отсутствіе расчлененія въ глубину способствовали не наступательнымъ дѣйствіямъ, но главнымъ образомъ пассивному сопротивленію. Легионъ потерялъ подвижность и дѣйствія его пѣхоты носили преимущественно оборонительный характеръ.

Со времени Константина В. стало все болѣе и болѣе развиваться военное чиновначаліе. Это не приносило пользы войскамъ, но являлось средствомъ для расточенія милостей придворнымъ и особенно интриганамъ. Чиновники, въ рукахъ которыхъ находилась военная администрація, производили

¹⁾ При легионѣ состояли еще понтонный паркъ, шанцевый инструментъ и рабочіе для постройки машинъ, употреблявшихся при осадахъ. Такимъ образомъ легионъ представлялъ единицу самостоятельную, могущую выполнять разныя назначенія, въ примѣненіи къ условіямъ того времени.

страшныя злоупотребленія. Результатомъ всего этого были придворныя происки, раззореніе казны и разстройство войскъ.

Дѣйствіе системы, установленной Константиномъ В., не могло быть вполне правильнымъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, внутреннихъ и внѣшнихъ; среди первыхъ главное значеніе имѣли государственныя неустройства, унаслѣдованныя отъ римской имперіи, а вторыя сводились къ нашествіямъ на территорію государства болѣе или менѣе значительныхъ массъ и даже цѣлыхъ народовъ варваровъ. Подобныя же причины вызвали паденіе западной имперіи, и если византійская имперія устояла послѣ этого еще въ теченіе тысячелѣтія, то это произошло вслѣдствіе того, что въ ней руководящая роль перешла отъ дряхлаго римскаго къ возникающему вновь *ново-греческому* элементу, обновленному притокомъ свѣжихъ, преимущественно славянскихъ силъ, причемъ связующимъ цементомъ послужило восточное христіанство. Самъ по себѣ новогреческій элементъ былъ силенъ, но онъ получилъ труднѣйшія задачи и тяжелое наслѣдіе отъ римскаго государства, что и ускорило разложеніе самаго ново-греческаго элемента и паденіе византійской имперіи. Во всякомъ случаѣ, если только во главѣ имперіи и ея арміи становились талантливые государи и полководцы, то въ отношеніяхъ государства къ сосѣдямъ и въ операціяхъ арміи происходили быстрые и рѣзкіе переходы, выражавшіеся въ успѣшной оборонѣ территоріи государства, во внесеніи войны въ предѣлы враждебныхъ государствъ, въ наступательныхъ операціяхъ на театрахъ военныхъ дѣйствій и въ цѣлесообразномъ сочетаніи оборонительнаго и наступательнаго образа дѣйствій, съ преобладаніемъ наступательнаго, на поляхъ сраженій.

Въ справедливости вышеизложенной оцѣнки значенія новогреческаго элемента въ жизни византійской имперіи, особенно въ военномъ отношеніи, можно убѣдиться, ознакомившись съ походами императоровъ *Маврикія* (582—602), *Ираклія* (610—641) и *Іоанна Цимисхія* (969—976); достойны вниманія также операціи *Василія II Болгаробойцы* (976—1025) и нѣкоторыхъ императоровъ изъ династіи *Комненовъ* (въ XII столѣтіи).

Преемникъ Юстиніана Великаго, *Юстинъ II* (565—578), чувствуя себя не въ силахъ справиться съ труднѣйшими задачами по управленію имперією и особенно по обезпеченію

ея отъ вѣдшихъ враговъ, наименовалъ въ 574 году цезаремъ и соправителемъ своимъ въ высокой степени честнаго *Тиверія II Константина* (578—582), который заключилъ съ персидскимъ царемъ Хозроемъ перемиріе на три года и, въ теченіе этого перемирія, подготавливалъ силы и средства для рѣшительной борьбы съ персами. Не взирая на перемиріе, Хозрой продолжалъ военныя дѣйствія въ Арменіи, которую онъ и не хотѣлъ включать въ договоръ и которая фактически находилась частью въ рукахъ персовъ, частью же подъ владычествомъ Византіи и только нѣкоторыя области сохраняли самостоятельность. Въ 576 году Хозрой произвелъ вторженіе въ византійскую часть Арменіи и безуспѣшно осаждалъ *Θεοδοσιополь*. Тиверій выслалъ противъ него армію подъ начальствомъ Юстиніана. Хозрой снялъ осаду и, перейдя черезъ Евфратъ, двинулся къ Кесареѣ, желая занять этотъ пунктъ ранѣе византійцевъ, но былъ тамъ предупрежденъ ими и, спустившись въ равнины Малой Арменіи, расположился на высотахъ у *Мелитены* (нынѣ Малатіи) и здѣсь, имѣя не болѣе 100,000 чел., принялъ бой съ 150,000 византійскихъ войскъ. Первоначально персы тревожили византійцевъ мелкими нападеніями, но начальникъ кавалеріи праваго крыла византійцевъ князь *Курсъ* перешелъ въ наступленіе, опрокинулъ лѣвое крыло персовъ и въ то время, какъ остальные части арміи Юстиніана демонстрировали съ фронта, атаковали неприятеля съ тыла. Къ сожалѣнію, онъ увлекся захватомъ обоза персовъ и особенно казны Хозроя и колесницы съ „священнымъ огнемъ“, что и остановило дальнѣйшіе успѣхи византійцевъ. Ночью Хозрой уничтожилъ одинъ изъ передовыхъ византійскихъ отрядовъ и занялъ Мелитену, но, получивъ донесеніе, что византійцы наступаютъ всѣми силами съ цѣлью атаковать его войска, онъ самъ бѣжалъ, а его примѣру послѣдовала и его армія, большая часть которой погибла въ водахъ Евфрата. Послѣ этого сраженія Юстиніанъ произвелъ вторженіе въ Персію и опустошилъ ее, въ отмщеніе за неоднократныя опустошенія, произведенныя ранѣе персами въ предѣлахъ имперіи.

Въ 577 году велись переговоры о мирѣ, но они были прерваны вслѣдствіе невыгодныхъ для имперіи требованій Хозроя, ободрившагося послѣ побѣды, одержанной его полководцемъ Тамхозроемъ надъ арміею Юстиніана. Въ то же время

Тиверій, недовольный дѣйствіями Юстиніана, отозвалъ его и назначилъ главнокомандующимъ начальника гвардіи, *Маврикія*, человека въ высшей степени честнаго и отличавшагося строгою нравственностью, образованностью и военными дарованіями.

Маврикій, принявъ начальство, началъ съ возстановленія нѣкоторыхъ правилъ и порядковъ, существовавшихъ въ древнеримскихъ войскахъ; между прочимъ, принимая во вниманіе, что, въ предъидущія кампаніи, византійцы нерѣдко подвергались нечаяннымъ нападеніямъ, и не ограничиваясь установленіемъ надлежащей организаціи службы охраненія войскъ, онъ приказалъ разъ навсегда, при расположеніи на отдыхъ, устраивать вокругъ лагеря ровъ съ палисадомъ, который и занимался (насколько было нужно) очередными пѣшими частями.

Между тѣмъ въ 578 году персы снова начали военныя дѣйствія, при чемъ опустошали пограничныя области имперіи. Маврикій двинулся противъ нихъ, очистилъ отъ ихъ полчищъ территорію имперіи, произвелъ вторженіе въ западныя области Персіи, опустошилъ ихъ, взялъ и разрушилъ значительное число персидскихъ крѣпостей* и множество плѣнныхъ и, окончивъ этотъ первый походъ, расположилъ свои войска на зимнія квартиры въ Месопотаміи.

Въ 579 году персидская армія снова двинулась противъ Маврикія; сверхъ того Хозрой направилъ отдѣльный отрядъ изъ 20,000 кавалеріи въ Месопотамію; но Маврикій, съ сосредоточенными силами, снова внесъ войну въ предѣлы Персіи и вынудилъ уже было Хозроя просить мира, какъ смерть этого царя снова прервала мирныя переговоры, ибо преемникъ его Гормиздъ рѣшилъ продолжать войну. Тогда Маврикій вторично перешелъ черезъ р. Тигръ и выслалъ сильный отрядъ въ Мидію, которая была опустошена, послѣ чего, въ виду наступленія зимы, византійцы отошли въ Каппадокію.

Весною 580 года Маврикій направился къ Цирцезіуму, съ цѣлью перейти тамъ черезъ Евфратъ и двинуться затѣмъ къ Ктезифону. Въ это время одинъ изъ сарацинскихъ владѣтелей, Мондаръ, состоявшій съ своимъ отрядомъ въ арміи Маврикія, отдѣлился отъ византійцевъ и извѣстилъ персовъ о ихъ маршѣ, совѣтуя имъ произвести вторженіе въ Сирію.

Персы послѣдовали этому совѣту и двинулись къ *Каллинику*. Маврикій, узнавъ объ этомъ, быстро двинулся къ этому пункту, атаковалъ персовъ и, не взирая на измѣну части арміи, недавно набранной изъ варваровъ, одержалъ блестящую побѣду. Персы бѣжали, а византійцы овладѣли всею Месопотамією, возвративъ подъ владычество имперіи всѣ пункты, захваченные персами при Юстиніанѣ В. и Юстинѣ II.

Въ 581 году только мирные переговоры задерживали успѣхи Маврикія, который, тотчасъ по полученіи приказанія начать военныя дѣйствія, двинулся противъ персовъ и, въ кровопролитномъ сраженіи при *Константинѣ*, снова одержалъ рѣшительную побѣду.

Въ виду выдающихся достоинствъ и заслугъ Маврикія, императоръ Тиверій въ 582 году наименовалъ его цезаремъ и въ этомъ-же году скончался, послѣ чего Маврикій вступилъ на престолъ Византіи. Дальнѣйшая его дѣятельность не была такъ блестяща, какъ предъидущая, главнымъ образомъ по той причинѣ, что, обладая талантами полководца, онъ не обладалъ всѣми качествами необходимыми для государя, въ особенности византійскаго. Въ 602 году онъ былъ убитъ *Фокою*, экзархомъ центуріоновъ, который и былъ провозглашенъ императоромъ.

Маврикій оставилъ послѣ себя „*Стратегиконъ*“ (Strategicum) или трактатъ о военномъ искусствѣ, составленный имъ на основаніи теоретическаго изученія военнаго дѣла и личной практики по начальствованію надъ мелкими и крупными единицами въ мирное и цѣлыми арміями въ военное время.

Трактатъ этотъ состоитъ изъ 12 книгъ, заключающихъ въ себѣ слѣдующіе предметы: 1-я одиночное обученіе и вооруженіе всадниковъ разныхъ видовъ конницы, организацію войскъ, приведеніе къ присягѣ, систему военныхъ наказаній и порядокъ марша въ своей странѣ при отсутствіи противника; 2-я боевые порядки конницы и назначенія различныхъ частей боевыхъ порядковъ и чиновъ, исполняющихъ особыя обязанности; 3-я построенія тактическихъ единицъ, обученіе цѣлыхъ частей, приказанія частямъ боевыхъ порядковъ и т. п. и дополнителныя указанія къ книгѣ 2-й; 4-я засады и т. п.; 5-я обозы, ихъ расположеніе, веденіе и прикрытіе; 6-я обученіе по способамъ, принятымъ у скивовъ, алановъ, африканцевъ и италіянцевъ, а также обученіе частей, дѣйствующихъ

на флангахъ; 7-я искусство полководца (и отчасти подчиненныхъ ему начальниковъ); 8-я дополненія къ кнѣжъ 7-й; 9-я нечаянныя и ночныя нападенія и т. п., прохожденіе черезъ тѣснины, развѣдываніе и т. п.; 10-я встрѣчу вторгающагося врага, штурмъ крѣпостей и укрѣпленій, устройство послѣднихъ и осаду укрѣпленныхъ пунктовъ; 11-я указанія, какъ должно вести войну и бой противъ персовъ, скивовъ, аваровъ, турокъ, франковъ, лангобардовъ, славянъ, антовъ и т. п. народовъ; 12-я смѣшанные боевые порядки, а также устройство, обученіе, вооруженіе, боевое построеніе и боевыя дѣйствія пѣхоты.

Въ концѣ VI вѣка вооруженныя силы византійской имперіи были организованы, подготовлялись къ войнѣ и вели операціи на основаніи положеній, заключающихся въ Стратегиконѣ Маврикія. Дѣйствующая армія ввѣрялась *стратегу* или *стратигу*, имѣвшему помощника, *гипостратега* или *ипостратига*, и состояла большею частью, а иногда исключительно изъ конницы, которая была способна вести бой и въ конномъ, и въ пѣшемъ строѣ и выполнять какія угодно назначенія на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія. Подобная армія дѣлилась на *меры* или *друнгоны*, силою не болѣе 6,000—7,000 чел., находившіяся подъ начальствомъ старшихъ *мерарховъ* или *стратилатовъ*. Мера состояла изъ трехъ *мерій* или *хилархій*, силою не болѣе 2,000—3,000 чел., ввѣренныхъ младшимъ *мерархамъ*, или *хилархамъ*, или *дуксамъ*. Мерія дѣлилась на *тагмы*, или *нумера*, или *банды* (бандоны), коими командовали *комесы* или *трибуны*, имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ *гекатонтарховъ* или сотниковъ, *декарховъ*, или десятниковъ, *пенттарховъ* или полудесятниковъ и *тетрарховъ*, старшихъ въ отдѣленіяхъ изъ 4 всадниковъ. Эти единицы не имѣли одинаковаго состава для того, чтобы непріятелю было труднѣе опредѣлить силу арміи по протяженію боеваго порядка.

Организація арміи, состоявшей главнымъ образомъ или исключительно изъ пѣхоты, была подобна предъидущей, при чемъ въ обоихъ случаяхъ придаваемая къ главному роду оружія пѣхота или кавалерія, конечно, имѣла вполне отдѣльную организацію.

Вооруженіе не только было легче, въ сравненіи съ предъидущею эпохою, но сверхъ того приняло характеръ,

соотвѣтствовавшій въ значительной степени идеѣ *удара*. Даже число тяжелооруженныхъ было больше по сравненію съ числомъ легкооруженныхъ, чѣмъ въ V столѣтіи.

Глубина строя была принята, большею частью, въ 4 шеренги, какъ въ кавалеріи, такъ и въ пѣхотѣ, не считая передней шеренги, въ которой находились начальствующія лица; въ случаѣ необходимости, посредствомъ вздвиганія, глубина увеличивалась до 8 и большаго числа шеренгъ. Всадники дѣлились на категоріи и имѣли различныя назначенія и, въ зависимости отъ этихъ назначеній, соотвѣтствующія наименованія: *курсоры* предшествовали строю, завязывали бой и преслѣдовали бѣгущаго противника; *десенсоры* наступали за курсорами почти въ сомкнутомъ строѣ, поддерживали ихъ и атаковали неприятеля; *скулькаторы* или *спекуляторы* производили развѣдки. Отрядъ, силою не превосходившій трехъ мерій, могъ строиться въ одну линію, а отрядъ большей силы долженъ былъ строиться непременно въ двѣ линіи, при чемъ 2-я линія служила резервомъ 1-й линіи и имѣла между своими частями большіе интервалы, чѣмъ первая. Маврикій совѣтовалъ (и, по всему вѣроятію, практиковалъ) построение боевого порядка кавалеріи въ три линіи, хотя впрочемъ 3-я линія имѣла, большею частью, опредѣленное назначеніе, сводившееся къ обезпеченію фланговъ 2-й линіи. Фланги 1-й линіи обезпечивались особо для сего назначенными *плагіофилаками*, а *гипертрасты* должны были обходить фланги противника. Въ 3-й линіи плагіофилакамъ отвѣчали *нотифилаки*. Пѣхотные отряды строились, большею частью, въ 2 линіи, примѣняя сверхъ того, уступное расположеніе. Если главный родъ оружія былъ недостаточенъ по численности, то практиковалось перемѣшиваніе конницы съ пѣхотою, при чемъ, въ зависимости отъ обстановки, на флангахъ находилась или кавалерія, или пѣхота, и опять таки примѣнялось и уступное расположеніе. Метательныя машины или вовсе не употреблялись въ полевой войнѣ, или играли въ ней незначительную роль. Вообще боевые порядки византійцевъ въ эту эпоху отличались гораздо большею гибкостью, удобоподвижностью и удобоуправляемостью, чѣмъ въ эпоху предъидущую, и вмѣстѣ съ тѣмъ были гораздо болѣе способны къ парированію случайностей.

Въ боевыхъ дѣйствіяхъ не только конница, но и арміи

вообще преобладалъ активный характеръ. Что касается стратегіи, то ей не было должнаго простора, но не столько по винѣ полководцевъ, сколько вслѣдствіе подчиненія ея политикѣ.

Въ общемъ въ эту эпоху военное искусство у византіицевъ достигло несравненно высшей степени развитія, чѣмъ въ эпоху предыдущую, что видно хотя бы изъ сравненія операций поотивъ персовъ *Велизарія*, *Маврикія* и втораго преемника Маврикіева *Ираклія*. Въ то время, какъ Велизарію большею частью не приходилось и помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ персовъ, Маврикій дѣйствуетъ почти всегда наступательно, какъ на театрѣ войны, такъ и на полѣ сраженія, а Ираклій идетъ по слѣдамъ Маврикія и блескомъ своихъ успѣховъ даже превосходитъ его.

Преемникъ и убійца Маврикія *Фока* (602 — 610) разстроилъ государство и его вооруженныя силы, вслѣдствіе чего *Ираклій* (610 — 641), отмстивъ ему за смерть и паденіе Маврикія, принялъ отъ него въ высшей степени тяжелое наслѣдіе: съ сѣвера угрожали имперіи авары и подвластные имъ народы, съ юго-востока персы, а съ юга аравитяне, а между тѣмъ арміи не было. До 622 года Ираклій, восстановивъ военную систему Маврикія, готовился къ войнѣ. Наконецъ онъ отправился въ Азію и принялъ начальство надъ арміею, назначенною для операций противъ персовъ, снова завоевавшихъ большую часть азіятскихъ владѣній имперіи. Въ ней не было должнаго порядка и дисциплины; но Ираклій въ сравнительно непродолжительное время довель до надлежащей степени ея боевую подготовку и преобразилъ ее до неузнаваемости, внушивъ ей вѣру въ себя и полную готовность къ самому рѣшительному бою противъ враговъ религій Христа, императора и имперіи. Осенью онъ началъ этотъ первый походъ, разбилъ персовъ и расположилъ армію на зимнія квартиры въ Арменіи, а во вторую кампанію 623 г. внесъ войну въ предѣлы Персіи. Въ третью кампанію 624 года царь персидскій Хозрой II выставилъ противъ Ираклія три арміи, которыя были разбиты Иракліемъ 4 раза, сначала порознь, а затѣмъ въ совокупности. Первые три похода ослабили армію Ираклія, который, ко времени начала 4-й кампаніи 625 года, придерживался оборонительнаго образа дѣйствій. Въ виду этого персы перешли было въ насту-

пление, но были разбиты и бѣжали въ свое отечество. Въ теченіе 5-й кампаніи 626 года Ираклій заключилъ союзъ съ хазарами противъ персовъ, выставившихъ снова три арміи, изъ которыхъ одна дѣйствовала противъ императора, другая прикрывала границы Персіи, а третья двинулась къ Константинополю и осадила этотъ городъ, одновременно и по соглашенію съ подошедшими къ столицѣ имперіи съ С.-З. аварами. Осада эта была безуспѣшна, и какъ авары, такъ и персы отступили къ своимъ предѣламъ; но это воспрепятствовало Ираклію нанести ударъ самой Персіи.

Въ 6-ю кампанію 627 и 628 годовъ Ираклій, послѣ рѣшительной побѣды надъ персами при *Завъ*, произвелъ вторженіе въ Персію, и угрожая этому государству полною гибелью, вынудилъ персовъ свергнуть Хозроя и возвести на престолъ сына его Сироя, который заключилъ съ Иракліемъ выгодный для имперіи миръ.

Быстрые успѣхи аравитянъ поколебали могущество византійской имперіи, а цѣлый рядъ императоровъ, обращавшихъ свое вниманіе главнымъ образомъ на религіозные и даже богословскіе вопросы, въ ущербъ государственнымъ дѣламъ, или даже вовсе не заботившихся объ интересахъ государства, расшаталъ внутренній порядокъ и благоустройство имперіи, что, конечно, отразилось и на военномъ устройствѣ и вообще на состояніи военнаго дѣла въ Византіи. Поэтому въ эпоху императора Льва VI Философа (886 — 911) хотя все еще существовала военная система Маврикія, но это ея существованіе имѣло болѣе формальное, чѣмъ дѣйствительное значеніе.

Левъ VI любилъ заниматься науками и оставилъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ однако не проявилъ творчества. Его трактатъ о военныхъ учрежденіяхъ представляетъ главнымъ образомъ компіляцію: его мысли и положенія заимствованы по преимуществу отъ Онозандра, Вегеція и Маврикія, а если въ его уставахъ и имѣются какія либо измѣненія, то они вызваны силою обстоятельствъ и самое проведеніе ихъ въ жизнь или совершилось, или было подготовлено до вступленія на престолъ Льва VI.

Согласно его указаніямъ армія дѣлилась на 3—4 *турмы*, силою до 6,000 человекъ, соответствовавшія мерамъ (или дружинамъ) Маврикія; турма состояла подъ начальствомъ *тур-*

марка и дѣлилась на *меріи*, или дронгоны, или хиліархіи, силою въ 2,000 человекъ, ввѣряемыя *дронгоріямъ*; дронгонъ состоялъ изъ бандоновъ, силою въ 200—400 человекъ, находившихся подъ начальствомъ *комесовъ*.

Въ вооруженіи войскъ стало снова преобладать метательное оружіе, но и этимъ оружіемъ войны владѣли гораздо слабѣе, чѣмъ въ эпоху Маврикія.

Пѣхота строилась въ 10 шеренгъ, а кавалерія не менѣе, какъ въ 5 и не болѣе, какъ въ 10 шеренгъ. Въ общемъ произошло, по сравненію съ эпохою Маврикія, увеличеніе глубины строя вслѣдствіе ухудшенія качественной стороны войскъ; лучшіе люди помѣщались въ первой шеренгѣ, а еслибы оказались лишніе, то мѣсто имъ назначалось въ задней шеренгѣ. Боевая подготовка войскъ въ эту эпоху была гораздо слабѣе, чѣмъ въ эпоху Маврикія.

Въ боевомъ порядкѣ турмы строились въ одну, двѣ и даже три линіи. Первая линія, въ видахъ самостоятельности, дѣлилась на нѣсколько частей, имѣвшихъ специальное боевое назначеніе, которое для *курсоровъ*, *дебензоровъ*, *плагіофилаковъ* (или охранителей фланговъ) и *гиперкерастовъ* (или горноститовъ) было такое-же, какъ и при Маврикіи; *инсидіаторы* вступали въ метательный бой съ противникомъ и находились въ готовности внезапно на него броситься; *тергиститы* слѣдовали позади съ цѣлью обезпеченія тыла. При построеніи кавалеріи въ три линіи, меріи 2-й линіи строились одна отъ другой и отъ 1-й линіи на разстояніи полета стрѣлы; подобные значительные интервалы служили для прохожденія опрокинутыхъ передовыхъ частей; фланги 2-й линіи обезпечивались особыми частями (соотвѣтствовавшими нотофилакамъ Маврикія).

За войсками слѣдоваль, въ разстояніи полета стрѣлы, громадный *обозъ*, въ которомъ находились семейства воиновъ, требовавшій большаго прикрытія и сильно озабочивавшій и стѣснявшій армію и полководца, ибо воины, опасаясь потерять то, что для нихъ было дорого, неохотно шли въ бой, а полководецъ не имѣлъ надлежащей свободы въ дѣйствіяхъ.

Въ бою войска сражались преимущественно метательнымъ оружіемъ; оборона безусловно преобладала надъ наступленіемъ.

Византійцы пользовались для военныхъ цѣлей зажигатель-

ными составами, въ особенности въ морской войнѣ. Изъ этихъ составовъ получилъ особенную извѣстность „*греческій огонь*“.

Не взпявъ на замѣтное пониженіе духовныхъ силъ и боевой годности византійскихъ войскъ въ эту эпоху, нельзя не признать, что оно не было на столько велико, какъ это можно полагать на основаніи сочиненія Льва VI, который, занимаясь литературою въ ущербъ государственнымъ дѣламъ, самъ, по своимъ личнымъ качествамъ, не былъ въ состояніи вдохнуть въ свои войска тотъ воинскій духъ, который проявился въ арміяхъ Маврикія и Ираклія, подъ вліяніемъ этихъ талантливыхъ полководцевъ. Если Левъ VI говоритъ, что успѣхъ на войнѣ зависитъ, „не отъ числительности или бѣшенности отваги, а отъ мудрыхъ совѣтовъ и правилъ военнаго искусства“, то это не болѣе, не менѣе, какъ его личное мнѣніе, въ силу котораго въ его тактическихъ положеніяхъ преобладаютъ робость, ухищренія и т. п., при чемъ онъ доходитъ даже до того, что совѣтуетъ устраивать на войнѣ западни, капканы и т. п. и придаетъ этому средству серьезное значеніе. Самъ онъ былъ неспособенъ къ дѣятельности, и неудивительно, что въ его царствованіе аравитяне и болгары не переставали тѣснить имперію; сверхъ того руссы, уже въ 865 г., въ царствованіе Михаила III, подъ начальствомъ Аскольда и Дира осаждавшіе Царьградъ, вторично появились подъ его стѣнами въ 907 году въ числѣ 80,000 подъ предводительствомъ Олега (879 — 912), который вынудилъ императора заключить выгодный для Руси мирный договоръ и уплатить значительную контрибуцію.

Сынъ Льва VI *Константинъ VII Порфирогенетъ* (911—959), подобно отцу, занимался науками и литературою болѣе, чѣмъ государственными дѣлами, предоставивъ послѣднія своимъ соправителямъ, тестю *Роману I* и его сыновьямъ *Христовору*, *Стефану* и *Константину VIII*, а затѣмъ сыну своему *Роману II* (959 — 963). Его сочиненія, въ томъ числѣ трактатъ „О военномъ управленіи“, имѣютъ весьма важное историческое значеніе; но ни положеніе дѣлъ въ имперіи, ни состояніе въ ней военнаго дѣла нисколько при немъ не подвинулись впередъ. При немъ Византія подверглась дважды (въ 941 и 944 гг.) нашествію руссовъ подъ начальствомъ князя *Игоря* (912—945). Второй походъ ихъ закончился заключеніемъ мирнаго договора, нѣсколько менѣе

выгоднаго для русскихъ, чѣмъ договоръ Олега. Особенно сильная опасность угрожала Царьграду со стороны болгарскаго царя Симеона, который въ 917 году нанесъ византіѣ рѣшительное пораженіе на р. Ахелюфъ (близъ Мисемврий), а въ 924 году подошелъ къ столицѣ имперіи, которая была спасена мольбами Романа I при свиданіи его съ Симеономъ. Симеонъ замышлялъ создать молодыми силами Болгаріи новую восточную имперію и даже именовался самодержцемъ ромеевъ и императоромъ, но былъ отвлеченъ отъ этого дѣла борьбою съ другими сосѣдями. Во всякомъ случаѣ въ это время Византія не могла съ успѣхомъ бороться съ Болгаріею.

Романъ II былъ отравленъ, послѣ чего на престолъ вступилъ полководецъ *Никифоръ Фока* (963—969), обнаружившій замѣчательное искусство какъ въ управленіи государствомъ, такъ и въ веденіи арміи на войнѣ. Онъ прежде всего возстановилъ славу византійскаго оружія, далъ имперіи перевѣсъ надъ арабскимъ калифатомъ и отнялъ у аравитянъ Критъ и Сирію, а затѣмъ рѣшился низвергнуть Болгарію или, по крайней мѣрѣ, отнять у нея земли къ югу отъ Балканъ и вообще ослабить ее. Объявивъ войну болгарскому царю Петру Симеоновичу въ 967 году, онъ одержалъ нѣкоторые успѣхи, но, считая борьбу эту не легкою, предложилъ великому князю русскому. Святославу Игоревичу (957—972) вступить съ нимъ въ союзъ и произвести нападеніе на Болгарію. Отважный Святославъ съ радостью принялъ это предложеніе и, собравъ 10,000 молодыхъ воиновъ, отозвавшихся на его кликъ, посадилъ ихъ на ладьи и по Черному морю и Дунаю направился въ Болгарію. Болгары были разбиты русскими и вскорѣ вся ихъ страна, а также часть Фракіи были въ рукахъ Святослава, который съ этого времени сдѣлался опаснымъ и для Византіи. Въ 968 году дѣйствія печенѣговъ (по всему вѣроятію, подкупленныхъ императоромъ) противъ Кіева вынудили Святослава возвратиться на родину, но въ 970 году онъ снова утвердился въ Болгаріи.

Между тѣмъ Никифоръ Фока былъ убитъ вступившимъ послѣ него на престолъ имперіи полководцемъ *Іоанномъ Цимисхиємъ* (969—976), который сначала пытался, посредствомъ переговоровъ, склонить Святослава къ уступкѣ въ пользу Византіи завоеванныхъ имъ земель, но, въ виду без-

плодности переговоровъ, рѣшился добиться этой цѣли силою оружія. Сдѣлавъ весьма обширныя приготовленія и искусно усыпивъ бдительность Святослава, Цимисхій, весною 972 г., направилъ сильный флотъ къ устьямъ Дуная, угрожая сообщеніямъ Святослава съ Русью, въ то время, какъ Святославъ, не ожидая войны, не сосредоточилъ своихъ войскъ, разбросанныхъ на пространствахъ отъ Дуная до Македоніи, и къ тому же еще не занялъ балканскихъ проходовъ. Тогда Цимисхій съ 30,000 человекъ (15,000 пѣхоты и 15,000 конницы) направился къ Балканамъ и, перейдя черезъ этотъ хребетъ, двинулся къ Переяславцу (нынѣ Эски-Джума) и, по взятіи этого города, пошелъ противъ Святослава, ожидавшаго грековъ у Доростола (нынѣ Силистрія), при чемъ притянулъ свѣжія подкрѣпленія. Святославъ былъ застигнутъ въ распlohъ, вынужденъ вступить въ борьбу съ противникомъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ подавляющее превосходство въ силахъ, и осажденъ или вѣрнѣе блокированъ въ Доростолѣ ¹⁾. Здѣсь онъ оборонялся упорно и въ высшей степени активно, но, не взирая на отчаянную храбрость какъ самого Святослава, такъ и его войскъ, голодъ и малочисленность оставшейся у него части арміи вынудили его вступить въ переговоры и заключить съ Цимисхіемъ миръ, въ силу котораго онъ удалился безпрепятственно на родину съ своимъ отрядомъ, а господство на Балканскомъ полуостровѣ осталось за Византіею.

Святославъ выбралъ весьма удачно направленіе для нанесенія удара болгарамъ, быстро завоевалъ огромную страну и удачно направилъ значительныя силы въ Македонію, откуда предполагалъ нанести ударъ Византіи, т. е. продолжалъ дѣло Симеона болгарскаго, но, вслѣдствіе своей безопасности и довѣрчивости, былъ захваченъ въ распlohъ и потерялъ все пріобрѣтенное. Подъ Доростоломъ его оборона отличается чрезвычайно активнымъ характеромъ, а тактическія дѣйствія его войскъ проникнуты предприимчивостью и энергіею въ исполненіи; но фалангообразное построеніе, вполнѣ отвѣчающее оборонѣ, приводитъ къ разстройству при наступленіи; постоянно ощущается недостатокъ хорошей кавалеріи, не дающей возможности пользоваться успѣхами; особенно же вредныя

¹⁾ Блокада эта сдѣлалась полною съ тѣхъ поръ, какъ греческая огненная флотилія расположилась противъ города на Дунаѣ.

послѣдствія имѣеть отсутствіе резерва, исключющее возможность парированія случайностей и составляющее главную причину неудачи, постигшей русскихъ въ послѣднемъ отчаянномъ бою.

Цимисхій прежде всего тщательно готовится къ войнѣ, а затѣмъ, прервавъ сообщенія Святослава съ Русью, пользуется неготовностью его къ открытію операцій, разброскою его силъ и отсутствіемъ его войскъ въ балканскихъ проходахъ, неожиданно для врага открываетъ наступательныя дѣйствія, быстро переходитъ черезъ Балканы и наноситъ непріятелю удары въ важныхъ для него пунктахъ, пользуясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ конницею для выполнения выпадающихъ на нее задачъ впереди фронта арміи. Примѣняя такимъ образомъ въ широкихъ размѣрахъ стратегическое наступленіе, онъ сосредоточиваетъ на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій, подъ Доростоломъ, превосходныя силы, но, въ виду отчаянной храбрости русскихъ и ихъ полководца, онъ переходитъ на полѣ сраженія къ тактической оборонѣ, хотя, при всякой къ тому возможности, пользуется своимъ превосходствомъ въ кавалеріи, которая, при вылазкахъ русскихъ, охватываетъ ихъ съ фланговъ и отрѣзываетъ отъ Доростола, чѣмъ вынуждаетъ къ отступленію. Онъ обезпечиваетъ свою армію довольствіемъ вполнѣ въ то время, какъ русскіе терпятъ голодь; зная это, а также принимая во вниманіе превосходство русскихъ въ отношеніи храбрости, онъ вполнѣ правильно предпочитаетъ блокаду штурму, но, при вылазкахъ русскихъ, сосредоточивъ достаточныя силы, обращается и къ наступленію. Въ общемъ его дѣйствія вполнѣ упрочиваютъ за нимъ славу искуснаго полководца, придавшую Византіи большій блескъ, чѣмъ при Маврикіи и Иракліи, что, впрочемъ, отчасти объясняется болѣе благопріятными обстоятельствами.

Такимъ образомъ послѣ пониженія духовныхъ силъ, качественной стороны и боевой подготовки византійскихъ войскъ, обнаружившихся въ эпоху Льва VI и его ближайшихъ преемниковъ, при Никифорѣ Фокѣ и Іоаннѣ Цимисхійи опять замѣчается обратное явленіе въ смыслѣ улучшенія качествъ и повышенія боевой годности войскъ имперіи, что доказываетъ, что и при Львѣ VI причина ихъ неудовлетворительности коренилась не въ нихъ, а въ высшемъ управленіи.

При преемникахъ Цимисхія, сыновьяхъ Романа II, *Ва-*

сильи II (976—1025) и *Константинъ IX* (976—1028), Византія снова вела войну съ Русью. Сынъ Святослава Владиміръ началъ эту войну въ 988 году, но онъ не предпринималъ дальняго и рискованнаго похода на Царьградъ, а, посадивъ свои войска на ладьи, направился къ берегамъ Крыма съ цѣлью дѣйствій противъ тамошнихъ греческихъ колоній, высадился близъ Корсуня или Херсонеса и, осадивъ этотъ городъ, овладѣлъ имъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ заключилъ миръ съ императорами, принялъ христіанскую вѣру и крестилъ свой народъ. Съ этихъ поръ Русь поддерживала дружественныя связи съ Византіею и подчинилась ея вліянію въ духовномъ и культурномъ отношеніяхъ.

Походы руссовъ противъ Византіи имѣли слѣдствіемъ, между прочимъ, поступленіе русскихъ дружинъ на службу имперіи. Уже при Левѣ VI въ греческомъ флотѣ находилось 700 руссовъ. Отъ времени до времени появлялись новыя вольныя дружины, а Владиміръ Святой, женившійся на сестрѣ императоровъ, выслалъ имъ на помощь значительный отрядъ. Подобный приливъ храбрыхъ воиновъ въ войска имперіи происходилъ почти постоянно и не только изъ среды руссовъ, но и другихъ народовъ, причемъ всѣ эти иноземцы большею частью быстро ассимилировались и если не они сами, то ближайшіе ихъ потомки становились греками вполне. Это была одна изъ причинъ быстрого возрожденія византійскихъ войскъ послѣ кажущагося чуть-ли не полнаго ихъ упадка.

Императоръ Василій II замѣчательнъ и какъ государь, и какъ полководецъ: до него Византія была отрѣзана отъ Европы и чуть-ли не задыхалась въ тѣсномъ уголкѣ Фракійскаго приморья подъ напоромъ славянской волны и особенно подъ ударами Болгаріи; Василій сокрушилъ и покорилъ Болгарію, чѣмъ заслужилъ наименованіе *Болгаробойцы*, а имперіи своей доставилъ господство надъ ея естественною территоріею и житницею, надъ всѣмъ почти Балканскимъ полуостровомъ отъ Дуная до Адриатическаго моря и оконечностей Мореи. Овладѣвъ въ 1018 году всею Болгаріею, Византія, естественно, стала притягивать къ себѣ и сосѣднія славянскія племена и, хотя фактически ея владычество надъ славянами было большею частью непродолжительно, но духовное и культурное ея вліяніе на нихъ было весьма сильно.

Благодаря подобнымъ обстоятельствамъ, Византія долго

еще удерживала свое положеніе, не взирая на то, что ей угрожали сильные враги. Изъ этихъ враговъ весьма опасными были *аравитяне* и вообще *сарацины-мусульмане*; но раздоры между различными мусульманскими народами и особенно крестовые походы отклонили эту опасность отъ Византіи ¹⁾. Вскорѣ, однако, для нея возникла новая опасность со стороны *турокъ-османовъ* ²⁾, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома Чингисъ-Ханомъ ховарезмійскаго царства и утвердившихся, подъ начальствомъ *Эртогрула*, въ ангорской области. При сынѣ Эртогрула *Османъ* и внукѣ его *Орханъ* турки подчинили своему владычеству большую часть малоазійскихъ и часть европейскихъ владѣній Византіи и основали новую грозную монархію, турецко-османскую или оттоманскую, устройство которой, государственное, общественное и военное, было приспособлено къ войнамъ и завоеваніямъ и которая быстро достигла высокой степени могущества.

Войска турецкія состояли главнымъ образомъ изъ конницы: *иррегулярной* или легкой и *регулярной*, носившей названія акинджи, спаги и т. д. Въ 1329 году у турокъ появился пѣхотный корпусъ *янычаръ*, комплектовавшійся изъ ренегатовъ и христіанскихъ дѣтей, похищаемыхъ у родителей и воспитываемыхъ специально съ цѣлью служенія исламу. Этотъ корпусъ, организованный окончательно въ 1362 году и получившій соотвѣтственную подготовку, составлялъ ядро или центръ боеваго порядка или же имѣлъ значеніе общаго резерва, причемъ, появляясь на полѣ сраженія въ рѣшительныя минуты, онъ наносилъ рѣшительные удары. Затѣмъ въ составъ арміи входили войска разныхъ племенъ и народовъ, преимущественно подчинившихся власти султановъ и служившія имъ ради добычи; въ ряду ихъ особенно отличалась по своимъ боевымъ качествамъ сербская тяжеловооруженная конница.

Боевыя построенія и боевыя дѣйствія османскихъ турокъ были болѣе или менѣе такія же, какъ и сарацинъ, если не

¹⁾ 4-й крестовый походъ, въ началѣ XIII вѣка, привелъ, благодаря случайности, къ упраздненію греческой и къ образованію вмѣсто нея въ Константинополь *латинской имперіи*, но она не могла долго продержаться на почвѣ, гдѣ преобладалъ греческій элементъ, и вскорѣ *греческая имперія* была возстановлена.

²⁾ Первоначально они назывались *огузами*, но затѣмъ стали именоваться по имени *Османа*, основателя турецкой имперіи.

по формѣ, то по духу, по присутствіи отборной пѣхоты и регулярной кавалеріи придавало турецкой арміи еще большую силу; армія эта, какъ и въ численномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, превосходила войска всѣхъ европейскихъ государствъ.

Между тѣмъ Византія, не только въ политическомъ, но и въ военномъ отношеніи, все болѣе и болѣе склонялась къ упадку, тѣмъ болѣе, что, будучи стѣснена турками, не могла уже обновляться притокомъ свѣжихъ силъ. Поэтому не удивительно, что турки постоянно одерживали успѣхи надъ византійцами, хотя и уступали имъ въ числѣ опытныхъ начальниковъ, добротѣ оружія, изобиліи запасовъ и силѣ крѣпостей ¹⁾. Они отнимали у грековъ одну область за другою, а при Мурадѣ I и Баязетѣ овладѣли большею частью Балканскаго полуострова, перенесли столицу въ Адрианополь и сдѣлались грозой для Европы.

Паденіе Византіи было неизбежно, но оно было нѣсколько отсрочено вслѣдствіе появленія къ началу XV вѣка опаснѣйшаго врага оттоманской имперіи въ лицѣ великаго монгольскаго завоевателя Тамерлана, который затмилъ своего предка Чингисъ-Хана. Начавъ свое военно-историческое поприще въ качествѣ незначительнаго джагатайскаго князя, съ небольшою дружиною, онъ покорилъ всю среднюю Азію, разгромилъ Тохтамышша, хана золотой орды и, преслѣдуя его, нахлынулъ на Русь, но, дойдя до Ельца, повернулъ обратно въ Азію. Въ 1397 году онъ предпринялъ походъ въ Индію и разгромилъ ее, но возстаніе Грузіи и успѣхи турецкаго султана Баязета вынудили его послѣпить на западъ.

Зная силу Баязета, Тамерланъ тщательно готовился къ войнѣ съ нимъ, при чемъ, благодаря несмѣтнымъ средствамъ, пріобрѣтеннымъ въ Индіи, довель свои вооруженныя силы до 800,000 человекъ. Прежде всего онъ направился въ Грузію и покончилъ съ нею, а затѣмъ взялъ крѣпости Себасть и Мелатію и превратилъ ихъ въ базу для операцій противъ Малой Азіи. Послѣ этого, принимая во вниманіе, что египетскій султанъ, владѣвшій также и Сиріею, состоялъ въ

¹⁾ Артиллерія появилась у обѣихъ сторонъ почти одновременно, но особеннаго значенія не имѣла. У Магомета II, при осадѣ Константинополя, было орудіе, отлитое на мѣстѣ, для чего было расплавлено около 2,000 п. металла; но польза, имъ доставленная, была ничтожна.

союзъ съ Баязетомъ, а слѣдовательно могъ серьезно угрожать его операціонной линіи, Тамерланъ, все еще не объявляя войны Баязету и даже ведя съ нимъ переписку, обратился противъ Сиріи и покорилъ ее, разбивъ и обративъ въ бѣгство египетскаго султана, а изъ Сиріи направился къ Багдаду, съ цѣлью подавить тамошняго ненадежнаго владѣтеля, что и привелъ въ исполненіе. Обезпечивъ себя такимъ образомъ съ тыла и съ фланговъ, онъ снова произвелъ вторженіе въ Грузію. Тогда Баязеть потерялъ терпѣніе и началъ сосредоточивать армію. Узнавъ объ этомъ, Тамерланъ двинулся къ Себасту, а оттуда черезъ Кесарею къ Ангорѣ, желая выманить сильнаго пѣхотою непріятеля изъ занимаемой имъ пересѣченной мѣстности. Ставъ такимъ образомъ на сообщеніяхъ Баязета съ его столицею, Бруссю, онъ началъ опустошать страну въ тылу турокъ и тревожить ихъ нападеніями, а между тѣмъ приступилъ къ осадѣ Ангоры. Баязеть подчинился волѣ Тамерлана и вышелъ на равнину. Тогда Тамерланъ снялъ осаду и, расположившись впереди р. Чубукъ-Абады, укрѣпилъ свой лагерь, уничтожилъ единственный фонтанъ, которымъ могли воспользоваться турки, и подослалъ въ лагерь Баязета лазутчиковъ, съ цѣлью склонить нѣкоторые недовольные азіятскіе полки къ переходу на сторону монголовъ. 20 іюня 1402 года произошло рѣшительное *сраженіе при Ангорѣ*, въ которомъ участвовало 250,000—300,000 монголовъ противъ 200,000—250,000 турокъ ¹⁾). Тамерланъ заставилъ Баязета построить

¹⁾ По нѣкоторымъ источникамъ силы Баязета не превышали 120,000 человекъ, но это опредѣленіе мало вѣроятно. *Азіятскія* войска, подъ начальствомъ Сулеймана, старшаго сына Баязета, составляли правый флангъ, а *сербы* князя Лазаря Вулковича лѣвое крыло; самъ Баязеть съ *инжарами* и другими *отборными* войсками стоялъ въ центрѣ, а другой сынъ его Магометъ командовалъ *резервомъ*. Крыльями арміи Тамерлана начальствовали его сыновья: *травиль* Миранъ-Шахъ, а *твиль* Шарохъ и Халиль; войсками, развернувшимися въ *центрѣ*, командовалъ внукъ его Мирза-Магометъ, а самъ Тамерланъ находился при *общемъ резервѣ* изъ 40 полковъ. Бой былъ завязанъ авангардомъ праваго крыла монголовъ, который атаковалъ сербовъ, но безуспѣшно. Атака была *повторена* всѣмъ правымъ крыломъ Тамерлана, охватившимъ сербовъ съ фланга и тыла, что привело къ упорнѣйшему бою. Между тѣмъ авангардъ лѣваго крыла монголовъ при первомъ же натискѣ имѣлъ успѣхъ, а съ прибытіемъ главныхъ силъ этого крыла правый флангъ турокъ былъ опрокинутъ, чему содѣйствовалъ переходъ части азіятскихъ полковъ Баязета на сторону Тамерлана. Для преслѣдованія были высланы войска 2-й линіи; въ то же время Тамерланъ выдвинулъ конные полки центра Мирзы-Магомета, съ цѣлью отрѣзать сербовъ отъ Баязета; но сербы пробілись на соединеніе съ яничарами. Тогда Тамерланъ двинулся самъ съ общимъ резервомъ и послѣ кровопролитнаго боя сломилъ врага.

боевой порядокъ тыломъ къ горамъ, съ путями отступленія на флапгахъ, дабы, въ случаѣ пораженія турокъ, они не могли отступить безъ большихъ потерь. Затѣмъ въ самомъ сраженіи отличныя боевыя качества монгольскихъ войскъ, превосходный ихъ боевой порядокъ и искусное управление боемъ Тамерлана доставили ему рѣшительную побѣду надъ Баязетомъ, который самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Для преслѣдованія сына его Сулеймана было выслано 30,000 конницы, изъ которой 4,000 на 5-й день прискакали въ Брусы вслѣдъ за Сулейманомъ, едва успѣвшимъ сѣсть на корабль.

Дѣйствія Тамерлана, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніи, въ высшей степени поучительны въ смыслѣ положительномъ: они вполнѣ согласны съ тѣми же основными началами военнаго искусства, которымъ слѣдовали и всѣ великіе полководцы. Баязеть допустилъ себя обойти и отрѣзать отъ Брусы, подчинился волѣ своего противника, вышелъ на равнину и принялъ бой при невыгодныхъ для себя условіяхъ; сверхъ того часть его арміи не оказала другой надлежащаго содѣйствія, чему онъ самъ былъ причиною, возбудивъ неудовольствіе въ войскахъ различными не цѣлесообразными дѣйствіями, а болѣе всего безсмысленною охотою, произведенною непосредственно передъ сраженіемъ, при чемъ, вслѣдствіе зноя и жажды, погибло около 5,000 воиновъ.

Такимъ образомъ могущество турокъ было потрясено; но, къ счастью для нихъ, Тамерланъ, отвлекаемый дѣлами своего гигантскаго государства, не имѣлъ возможности довершить этотъ ударъ, а спустя три года скончался, послѣ чего его монархія распалась. Между тѣмъ турки оправились и при Магометѣ II въ 1453 году нанесли византійской имперіи послѣдній ударъ, овладѣвъ Царьградомъ и превративъ его въ столицу грозной мусульманской имперіи, распространившей свое владычество на весь Балканскій полуостровъ, Малую Азію и значительную часть сѣверной Африки. Съ этихъ поръ одна часть восточно-христіанскаго греко-славянскаго міра находилась подъ властью Турціи; между тѣмъ другая его часть попала подъ владычество хотя и славянскої, но католической Польши или вошла въ сферу вліянія католическаго же, нѣмецкаго габсбургскаго дома и такимъ образомъ подчинилась вліянію западной Европы; только третья часть этого міра, сѣверо-восточная Русь, собравшись вокругъ Москвы и стря-

хнувъ иго татарь, держала высоко славянское и притомъ восточно-христіанское знамя. Подобное положеніе дѣлъ должно было способствовать переходу руководящей роли въ греко-славянскомъ мірѣ отъ Византіи къ Руси Московской, отъ хода развитія которой, съ этихъ поръ, зависѣло и развитіе военнаго дѣла и военнаго искусства въ восточной Европѣ вообще.

ГЛАВА VII.

Общественныя, бытовыя и военныя учрежденія древних *славянъ* имѣли нѣкоторыя общія черты съ таковыми же учрежденіями германцевъ, но между тѣми и другими учрежденіями замѣчаются и существенныя различія.

Основною чертою внутренней жизни славянъ было *родовое* устройство. Всѣ члены рода были свободны. Единство рода выражалось въ общинномъ безраздѣльномъ владѣніи имуществомъ. Главою рода былъ выборный изъ его членовъ, не всегда старшій, но во всякомъ случаѣ называвшійся *отцемъ*, или *владыкою*, или *старостою* (старцемъ), а впоследствии у нѣкоторыхъ племенъ *кметомъ*. У славянъ всѣ члены семьи и рода имѣли одинаковыя права, одинаковыя обязанности и одинаковыя выгоды, являвшіяся слѣдствіемъ общаго владѣнія. Такимъ образомъ у нихъ не могли образоваться условія, благопріятствовавшія быстрому развитію аристократическаго элемента, подобно тому, какъ это было у германцевъ.

Съ теченіемъ времени изъ родовъ образовались *общины* (на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и роды), а нѣкоторые изъ владыкъ начали выдѣляться своимъ богатствомъ, и такимъ образомъ нѣкоторые роды возвысились. У нѣкоторыхъ племенъ болѣе богатые владыки получили названіе *леховъ*, изъ которыхъ впоследствии, подъ вліяніемъ западной Европы, образовалось высшее дворянство.

Роды не только разрастались въ общины, но и соединялись въ *племена*, а совокупность родственныхъ племенъ образовала *народъ*, во главѣ котораго стоялъ *князь* или *великій жупанъ*, которому подчинялись *старосты*, *волостели*, *воеводы*, *жупаны* и *баны*, управлявшіе племенными областями, или жупаніями (жупами), или ихъ подраздѣленіями. Первоначально княжеское достоинство не было ни наследственнымъ,

ни даже пожизненнымъ: народъ свободно избиралъ и низлагалъ князя. Съ теченіемъ времени изъ общей массы населенія выдѣлялись опытнѣйшіе и богатѣйшіе люди, получившіе названіе *лучшихъ людей* и образовавшіе княжескій совѣтъ. Тѣмъ не менѣе и народъ продолжалъ принимать участіе въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, собираясь на *вѣча, сеймы* или *соборы*. Дѣла рѣшались сначала единогласно, а затѣмъ большинствомъ голосовъ.

Войска славянъ раздѣлялись также сообразно родственнымъ отношеніямъ семей и родовъ. Люди способные носить оружіе соединялись по родамъ, подъ начальствомъ своихъ родоначальниковъ, а затѣмъ собирались въ ополченіе племенной области или жупы, поступавшее подъ начальство князя, или воеводы, или жупана изъ наиболѣе уважаемыхъ родовъ. Такое раздѣленіе войскъ способствовало развитію чувства товарищества и взаимной поддержки въ бою.

Въ общемъ экономическое, общественное и военное устройство славянъ благопріятствовало развитію преимущественно *оборонительной* системы веденія войны. Однако въ то же время постоянные раздоры и междоусобія, являвшіеся слѣдствіемъ многочисленности и разрозненности родовъ и общинъ, поддерживали въ славянахъ воинственный духъ. Впослѣдствіи у нѣкоторыхъ племенъ, въ виду особыхъ условій, этотъ духъ принялъ активное направленіе и побуждалъ ихъ и къ наступательнымъ операціямъ. Въ связи съ родовыми раздорами и съ преобладавшею системою веденія войны находилась склонность славянъ къ устройству укрѣпленій, которыя нерѣдко отличались силою расположенія и искусствомъ постройки.

Постоянныхъ войскъ у славянъ не было, а въ военный походъ выступали народныя ополченія ¹⁾. При оборонительной войнѣ всякій способный носить оружіе былъ обязанъ защищать свой родъ, а семейства удалялись въ лѣса и укрѣпленные города, гдѣ славяне оборонялись до послѣдней крайности. При наступательной войнѣ одна часть народа шла въ походъ, а другая оставалась для обороны своей страны.

Славяне предпочитали сражаться пѣшкомъ, хотя имѣли

¹⁾ При князѣ въ городѣ имѣлась дружина, составлявшая его совѣтъ и опору и въ то же время отборную часть войскъ.

и конищу. Сначала они были мало искусны въ конной службѣ; но въ послѣдствіи западные славяне, особенно поляки, подъ вліяніемъ столкновеній съ феодальною кавалеріею, а восточные, т. е. собственно русскіе, вслѣдствіе борьбы съ конными полчищами азіятскихъ народовъ, усовершенствовались въ кавалерійскомъ дѣлѣ, при чемъ развитіе этого дѣла у тѣхъ и другихъ приняло соотвѣтственно различныя направленія и различный характеръ.

Первоначально у славянъ не было предохранительнаго оружія; въ послѣдствіи же у нихъ появились хорошая броня, шлемы и большіе щиты. Изъ наступательнаго оружія они имѣли луки съ ядовитыми стрѣлами и по два метательныхъ копья. Одинъ изъ главныхъ видовъ оружія составлялъ обоюдоострый мечъ. Сверхъ того въ большомъ употребленіи были бердыши или сѣкиры, а у чеховъ желѣзные молоты. Наконецъ находили примѣненіе дротики, ножи, кинжалы и рогаины.

Вообще древніе славяне были искусны въ изготовленіи оружія и хорошо имъ владѣли.

Боевой порядокъ образовался изъ отдѣльныхъ массъ; каждая изъ нихъ состояла изъ контингентовъ родовъ и семействъ, соединенныхъ по областямъ или жупамъ. Преобладающимъ родомъ оружія была пѣхота, строившая, по всему вѣроятію, фаланги¹⁾. Лучники подготавливали бой метательнымъ дѣйствіемъ. Затѣмъ весь боевой порядокъ, прикрываясь щитами, двигался впередъ. Съ близкаго разстоянія начинали метать копья и дротики, а затѣмъ бросались въ рукопашную, при чемъ дѣйствовали мечами, сѣкирами и молотами. Рукопашный бой былъ любимымъ боемъ славянъ, отличавшихся замѣчательною храбростію.

Такимъ образомъ общая воинская повинность, господствовавшая у древнихъ славянъ, ихъ любовь къ свободѣ и природное мужество, являвшіяся источникомъ высокой моральной силы, преобладаніе въ составѣ войскъ пѣхоты и правильное отношеніе между метательнымъ дѣйствіемъ и рукопашнымъ боемъ, все это условія, доказывающія, что у славянъ военное искусство нашло прочныя и надежныя основы и могло полу-

¹⁾ Клинообразное построеніе хотя и было извѣстно русскимъ отъ нѣмцевъ, но оно ими почти вовсе не употреблялось.

чить дальнѣйшее вполнѣ правильное развитіе, общавшее отличные результаты. Но на самомъ дѣлѣ эти результаты не были достигнуты. Сношенія и столкновенія съ феодальнымъ западомъ, съ конными азійскими народами и даже съ византійцами повели къ чрезмѣрному развитію конницы; въ то же время постепенное паденіе народныхъ массъ содѣйствовало также тому, что пѣхота была отодвинута на задній планъ; хотя униженіе ея и не доходило у большей части славянскихъ народовъ до такой степени, какъ въ западной Европѣ. Далѣе безпрестанные раздоры и отсутствіе единства между славянами, при обширности занятыхъ ими территорій и при преобладаніи оборонительныхъ наклонностей въ отношеніи веденія войны, имѣли слѣдствіемъ трудную борьбу и даже подчиненіе многихъ славянскихъ племенъ и народовъ ихъ западнымъ и восточнымъ сосѣдямъ.

Подобныя условія не только задержали политическое и общественное развитіе славянъ, но сверхъ того, подчинивъ ихъ вліянію чуждыхъ элементовъ, придали военному дѣлу у нихъ ложное направленіе, вслѣдствіе чего дѣло это и не могло развиваться въ должной мѣрѣ и въ надлежащемъ направленіи.

Славянскія племена, положившія начало *Руси*, при вступленіи на историческое поприще, подобно другимъ соплеменникамъ, жили родами, на которыхъ основывалось и военное ихъ устройство.

Дальнѣйшею ступеню въ развитіи общественнаго устройства былъ *городъ*, являвшійся общественнымъ дворомъ цѣлаго родового округа и служившій надежнымъ убѣжищемъ въ случаѣ нападенія врага и при частыхъ междоусобіяхъ. Въ виду этого постройка города производилась общими силами родовой волости. Защита страны, въ смыслѣ полевой службы, лежала на всѣхъ способныхъ людяхъ, а для обороны собственно города каждый родъ долженъ былъ высылать въ городъ способныхъ защитниковъ, изъ которыхъ составлялась *дружина* ¹⁾.

¹⁾ Первоначально въ дружинахъ княжескихъ преобладали варяги, но затѣмъ они частью удалились, частью слились съ туземными славянами, принявъ ихъ нравы и обычаи, а между тѣмъ дружины начали пополняться знатнѣйшими изъ славянъ и вскорѣ приняли чисто славянскій характеръ.

Во главѣ дружины и города стоялъ, конечно, *князь*, а въ его отсутствіи *мушъ княжій* или намѣстникъ.

Дружинная связь должна была распредѣлить людей по иному порядку, нежели въ родахъ, гдѣ господствовало начало родового старшинства; тутъ то и было положено основаніе раздѣленію людей по сословіямъ, и такъ какъ городъ служилъ для военной цѣли (обороны), то въ немъ первое мѣсто принадлежало военнымъ людямъ.

Всѣ предпріятія, не требовавшія особеннаго напряженія силъ, исполнялись при помощи одной только дружины, находившейся всегда въ готовности и въ распоряженіи князя; въ случаѣ же трудныхъ предпріятій, крупныхъ операцій, вторженія врага и т. п., призывались *вои* или земско-городское войско.

Для этого князь собиралъ вѣче и объявлялъ ему о походѣ; тутъ и рѣшался вопросъ о сборѣ ратниковъ. Кромѣ того князя прибѣгали иногда къ наемнымъ войскамъ изъ варяговъ и другихъ народностей.

Ополченія дѣлились по областямъ и составляли отряды, называемые полками; далѣе существовало дѣленіе на сотни и десятки, имѣвшіе начальниковъ соотвѣтствующихъ наименованій. Позже является *тысящій*, бывшій первымъ лицомъ послѣ князя и воеводою городского населенія.

Первоначально войска русскія состояли главнымъ образомъ изъ пѣхоты. Причинами тому были свойства страны и недостатокъ въ лошадяхъ, а также и вліяніе варяговъ, занимавшихся морскими разбоями и смѣлыми набѣгами по теченію рѣкъ.

До Святослава русскіе не имѣли собственной конницы и нанимали ее у сосѣднихъ народовъ. Съ XI вѣка наемная конница замѣняется туземною и этотъ родъ оружія получаетъ большое развитіе подъ вліяніемъ столкновеній съ кочевниками, а также съ венграми, поляками и т. д. Во всякомъ случаѣ у русскихъ пѣхота дѣйствовала на поляхъ сраженій равноправно съ конницей; она служила не только для прикрытія обоза, добиванія раненныхъ и т. п. второстепенныхъ назначеній, какъ это было въ западной Европѣ, но принимала самое дѣятельное участіе въ рѣшеніи боя. Это находилось въ связи съ демократическимъ складомъ русскаго общества и съ отсутствіемъ рѣзкихъ сословныхъ различій, вслѣдствіе

чего пѣхотинецъ считался почти такимъ же воиномъ, какъ и всадникъ.

За основаніе для несенія установившейся воинской повинности была принята земля. Нормою являлась *соха*, т. е. пространство земли, которое владѣлецъ ея могъ запахать посредствомъ трехъ человѣкъ при трехъ лошадяхъ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ 10, а въ случаяхъ особенной опасности 4 сохи выставляли одного коннаго ратника. Несостоятельные люди въ городѣ и безземельные въ области входили въ составъ пѣшей рати.

Организация войскъ съ теченіемъ времени измѣнилась въ смыслѣ исключенія родовыхъ отношеній. Кромѣ рати, выставляемой на основаніи воинской повинности, немаловажную часть вооруженныхъ силъ составляли: *охочіе люди* и *наемныя дружины* иноплеменныхъ народовъ; изъ послѣднихъ нѣкоторымъ въ пограничныхъ княжествахъ предоставлялись земли для заселенія, съ обязанностью оборонять границы ¹⁾).

До раздробленія Руси на удѣлы и даже по установленіи удѣльной системы, въ случаѣ объединенія если не всей, то по крайней мѣрѣ значительной части Руси, отечество наше могло выставлять внушительныя силы. Такъ, въ 907 году Олегъ выступаетъ въ походъ противъ Византіи съ 80,000 чел.; въ 1173 году Андрей Боголюбскій, при осадѣ Вышгорода, имѣеть около 60,000 чел.; въ XII столѣтіи одинъ Новгородъ могъ выставить до 20,000, остальные области сѣверо-восточной Руси—до 50,000, а юго-западная Русь—до 80,000, и такимъ образомъ общая численность русской рати, безъ наемныхъ войскъ, могла простираться до 150,000 человѣкъ.

Вооруженіе древнихъ руссовъ составляли: *топоры*, обоюдоострые *мечи*, короткія *копья*, *сулицы* или *дроты*, *луки* и *щиты*. Уже въ IX столѣтіи начинаютъ входить въ употребленіе *броня* и *шлемы*. Конные ратники имѣли вооруженіе одинаковое съ пѣшими, съ тою разницею, что у нихъ были *длинные копья* съ разноцвѣтными значками или *прапорцами* и вмѣсто мечей *кривыя сабли*, заимствованныя у восточныхъ народовъ ²⁾. Кромѣ того, употреблялись почти постоянно

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія получившіе пограничныя земли *торги* и *берендги* являются прототипомъ явившагося позднѣе казачества.

²⁾ Всадники носили шпоры, а для коней имѣлось надлежащее снаряженіе, причемъ сѣдла были со стременами.

особые ножи—*заспозажники* для рукопашнаго боя на самомъ близкомъ разстояніи.

На вооруженіи русскихъ войскъ не могло не сказаться вліяніе разныхъ народовъ, съ которыми приходилось вести борьбу. Вообще же оно не могло быть однообразнымъ и опредѣлялось средствами воиновъ, запасами оружія у князей и т. п.

Необходимою принадлежностью войскъ (каждой части, т. е. отдѣльной дружины или рати) были знамена или *стяги*, служившіе сборными пунктами и распускавшіеся только передъ боемъ.

Въ зависимости отъ вооруженія пѣшая рать подраздѣлялась на *коннѣшниковъ*, назначавшихся для рукопашнаго боя въ массахъ, и *лучниковъ* или *стрѣльцовъ* для стрѣльбы изъ лука, большею частью въ разсыпномъ строѣ.

Съ давнихъ временъ руссы умѣли обезпечивать свои походныя движенія, а равно и расположеніе на отдыхъ особыми частями, называвшимися *сторожами* и соотвѣтствовавшими нынѣшнимъ авангардамъ и прочимъ прикрывающимъ частямъ, передовымъ постамъ и развѣздамъ. Сторожки развѣдывали о непріятелѣ, добывали языка и вообще исполняли всѣ обязанности сторожевой и развѣдывательной службы. На отдыхъ войска располагались бивакомъ или станомъ, причемъ нерѣдко окапывались, въ особенности вблизи противника.

Въ боевомъ порядкѣ войска строились по полкамъ въ фаланги, на нѣкоторыхъ интервалахъ, въ одну или въ двѣ линіи, причемъ рать дѣлилась на три основныя части: *правое крыло*, *большой полкъ* или *чело* и *лѣвое крыло*. Позже появились *передовой* и *сторожевой* полки. По полученіи свѣдѣній о приближеніи противника, войска «исполчались», т. е. устраивались княземъ или воеводою. Затѣмъ стрѣльцы заблаговременно выдѣлялись изъ полковъ, разсыпались впереди боеваго порядка и завязывали бой. Стрѣлковый бой продолжался въ теченіе значительнаго времени, а затѣмъ стрѣльцы очищали фронтъ и отходили въ интервалы между полками, откуда и продолжали метать свои стрѣлы. Передъ началомъ боя иногда производилось единоборство храбрѣйшихъ и сильнѣйшихъ воиновъ; обыкновенно же примѣръ мужества подавалъ князь, который бросался въ бой во главѣ своей дружины; за нимъ слѣдовали полки, двигавшіеся въ атаку на

непріятеля и вступавшіе въ рукопашный бой, который часто былъ весьма ожесточенъ и кровопролитенъ.

На сѣверѣ и западѣ, гдѣ русскіе сталкивались съ нѣмцами, литовцами и шведами, употреблявшими строй сомкнутой, какъ строй, такъ и способъ веденія боя приняли инныя формы и другой характеръ. Такъ, новгородцы вовсе не знали употребленія стрѣлковъ; сталкиваясь же съ противникомъ, имѣвшимъ стрѣлковъ, они спѣшивали свою конницу и направляли ее въ атаку въ пѣшемъ строй. Вообще же, здѣсь примѣнялся строй сомкнутой, причемъ противъ такъ называемой «*винги*» или нѣмецкаго клинообразнаго построенія употреблялось сочетаніе трехъ или пяти полковъ, называвшееся *пятымъ* или *клевцами* и имѣвшее цѣлю охватъ клина. Бой завязывался сторожевымъ полкомъ и имѣлъ характеръ исключительно рукопашный. Засады и разныя военныя хитрости примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ.

Послѣ одержанной побѣды производилось рѣшительное преслѣдованіе, но чаще побѣдители обращались къ грабежу и захвату добычи; иногда побѣдитель оставался «на костяхъ», т. е. на полѣ сраженія, съ цѣлю праздновать побѣду.

Будучи опрокинуты, русскіе не умѣли перейти къ оборонѣ и весьма рѣдко пользовались лагеремъ, какъ укрѣпленнымъ пунктомъ, на случай неудачи. Пораженіе въ то время, въ худшемъ случаѣ, приводило почти къ поголовному истребленію, а въ лучшемъ — къ укрытію въ ближайшемъ городѣ оставшейся части рати.

Въ общемъ военное дѣло въ древней Руси заключало въ себѣ задатки для правильнаго и всесторонняго развитія. Но междоусобія удѣльнаго періода не могли содѣйствовать подобному развитію и влекли за собою мелочной характеръ столкновеній и узкость цѣлей операцій. Частая борьба съ конными южными кочевниками содѣйствуетъ развитію въ составѣ войскъ конницы, которая начинаетъ играть нѣсколько преувеличенную боевую роль. Набѣги кочевниковъ, ссоры князей и междоусобія ослабляютъ Русь до такой степени, что она не можетъ сопротивляться нашествію монголовъ и подчиняется этимъ варварамъ.

Порабощеніе народа отразилось въ неблагопріятномъ смѣслѣ и на духовномъ его складѣ, и на умственномъ его состояніи, и на состояніи военнаго дѣла; русскія войска заим-

ствовали свое устройство и свой образъ дѣйствій отъ монголо-татаръ; главную ихъ силу въ эту эпоху составляла уже конница, оттѣснившая пѣхоту на задній планъ; въ общемъ воинное дѣло и военное искусство подвинулись не впередъ, но назадъ. Тѣмъ не менѣ монгольское иго имѣло въ судьбахъ нашего отечества и положительное значеніе: оно способствовало прекращенію междоусобій и созданію сильной великокняжеской власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объединенію Руси, хотя, къ сожалѣнію, неполному. Объединительнымъ ядромъ для сѣверо-восточной Руси явилась Москва, благодаря мудрой политикѣ великихъ князей, Иоанна Калиты (1328—1341) и его преемниковъ. Подобное же значеніе для юго-западной Руси имѣла Литва, которая, подчинивъ себѣ земли бѣлорусскія, чернорусскія и малорусскія, сама подчинилась русскому вліянію и образовала великое княжество литовско-русское. Галицкая Русь была захвачена поляками. Такимъ образомъ Русь была все еще растерзана на три части, изъ которыхъ послѣдняя попала въ неволю хуже татарской; однако, во всякомъ случаѣ, образованіе двухъ сильныхъ великихъ княжествъ представляло большой шагъ впередъ, ибо, хотя оно должно было привести къ соперничеству и борьбѣ между обоими русскими государствами, но оно же давало возможность свергнуть иго татаръ. И дѣйствительно, юго-западная Русь освободилась отъ этого ига одновременно съ признаніемъ власти Литвы; для сѣверо-восточной Руси это было труднѣе, такъ какъ она должна была отстоять свою независимость силою оружія.

Вооруженныя силы сѣверо-восточной Руси, въ періодъ монголо-татарскаго владычества, состояли изъ войскъ великокняжескихъ, войскъ удѣльныхъ князей и войскъ городовъ Новгорода и Пскова. Позже удѣльныя войска сливаются съ великокняжескими, а въ первой половинѣ XV столѣтія возникаетъ на югѣ новая сила, казачество.

Лучшею частью войска былъ дворъ великокняжескій, состоявшій изъ дворянъ, высшихъ и низшихъ, или бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ; они представляли высшее военное служилое и землевладѣльческое сословіе, обратившееся затѣмъ въ высшее сословіе народное; главную его обязанность составляла военная служба въ военное время, по призыву верховной власти. Удѣльные князья имѣли также свои дворы, численность которыхъ постепенно уменьшалась. По утверж-

деніи единойдержавіа всѣ дворяне и дѣти боярскіе подчинились власти великихъ князей московскихъ, и въ число дворянъ начали поступать сыновья бывшихъ удѣльныхъ князей.

Города имѣли своихъ ратныхъ людей, пасынковъ или отроковъ боярскихъ, и гридней или простыхъ мечниковъ. Народное или земское войско собиралось только въ особенно важныхъ случаяхъ. Для обороны пограничныхъ застѣкъ набирался особый родъ ополченія (по 1 человѣку съ 20 дворовъ) подъ названіемъ застѣчной стражи.

Наконецъ князья прибѣгали и къ наемнымъ войскамъ, начиная съ литовскихъ и кончая монгольскими. Въ 1444 году въ первый разъ упоминаются казаки въ видѣ вольныхъ легкоконныхъ дружинъ, хотя подобныя дружины, подъ названіемъ бродниковъ или бровниковъ, существовали и ранѣе этого времени.

Главнымъ и лучшимъ родомъ оружіа была конница, состоявшая изъ чиновъ и лицъ княжескихъ дворовъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ средства и возможность служить на коняхъ. Немѣвшіе для сего средствъ составляли второстепенный родъ оружіа, *тылоту*, хотя и входившую въ составъ ратей, но назначавшуюся преимущественно для занятія и обороны городовъ, полевыхъ становъ и укрѣпленій.

Въ 1389 году появилась на Руси *артиллерія*, но она въ этотъ періодъ особеннаго значенія не имѣла.

Конница была легкая и сидѣла на легкихъ лошадяхъ, преимущественно татарскихъ и отчасти туркменскихъ ¹⁾: Конское снаряженіе и уборы были подобны монгольскимъ ²⁾.

Вооруженіе отличалось разнообразіемъ, въ зависимости отъ средствъ воиновъ и т. п. Наступательное оружіе составляли: копья, луки со стрѣлами, самострѣлы, мечи, сабли, топоры, кіи или палицы, сулицы или дротики; были также топоры, бердыши, кистени и кинжалы. Предохранительное вооруженіе состояло изъ шлемовъ, щитовъ, латы и т. п.

Бояре и дворяне одной области составляли полкъ; изъ среды бояръ по преимуществу назначались головы и полковники и вообще высшіе начальники. Полки, какъ и въ предъ-

¹⁾ Съ теченіемъ времени конница пользовалась все болѣе и болѣе результатами начавшаго распространяться русскаго коневодства.

²⁾ Между прочимъ были приняты уздечки и высокія сѣдла. Коня большаго частью не были кованы.

пдущій періодъ, дѣлились на сотни и десятки, въѣремые сотникамъ и десятникамъ. Со времени Дмитрія Донскаго должность тысяцкаго упраздняется.

Первоначально ни войска, ни ихъ начальники не получали ни жалованья, ни продовольствія, ни вообще какого бы то ни было вида довольствія отъ верховной власти. Съ XV вѣка великіе князья начали жаловать земельные участки съ обязанностью нести военную службу, что послужило первымъ началомъ установившейся впоследствии помѣстной службы. Жалованье получали только иноплеменные войска.

Въ походахъ не было особыхъ складовъ продовольствія и т. п. Сухари, мясо, рыба и т. п. припасы для людей и сухой фуражъ для лошадей перевозились на вьючныхъ лошадяхъ, на подводахъ и водою на судахъ. Лошадей кормили большею частью подножнымъ кормомъ.

Боевой порядокъ дѣлился на пять частей: *сторожевой* (передовой) полкъ, *большой* полкъ, полки *правой* и *лѣвой* руки и *засадный* (запасный) полкъ. Этому боевому порядку соответствовалъ и походный. Походныя движенія совершались такъ же, какъ и въ концѣ предыдущаго періода. При встрѣчѣ съ противникомъ и перестроеніи въ боевой порядокъ, великокняжескій дворъ составлялъ большой полкъ, городовыя или союзныя войска — полки правой и лѣвой руки, наемные кочевники — сторожевой полкъ, а войска удѣльныхъ князей — засадный полкъ. Послѣ объединенія Руси войска распредѣлялись въ зависимости отъ ихъ достоинства. По построеніи рати въ боевой порядокъ, князь говорилъ рѣчь, ободрялъ войска, подавалъ знакъ къ бою звукомъ трубъ, роговъ и бубновъ и нерѣдко съ своимъ стягомъ и дворомъ бросался въ бой, завязанный сторожевымъ полкомъ. Затѣмъ вступали въ бой большой полкъ и оба крыла, но не всегда въ полномъ составѣ, а за выдѣленіемъ нѣкоторой части въ частный резервъ, независимо отъ засаднаго полка, имѣвшаго, по преимуществу, значеніе общаго резерва. Столкновение большей части рати съ противникомъ вскорѣ получало характеръ фронтальный, хотя, впрочемъ, массы русской конницы, выносясь впередъ отрядами, старались охватывать противника и, такъ или иначе, поколебать его стрѣлковымъ боемъ. Если это удавалось, то всадники съ копьями или мечами бросались стремительно въ атаку и опрокидывали противника

или вступали въ рукопашный бой. Впрочемъ нерѣдко, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, конница атаквала врага, не обращаясь предварительно къ метательному бою. Пѣхота оборонялась за окопами, повозками или мѣстными препятствіями и играла второстепенную роль. Если былъ на липо частный резервъ, то онъ возстановлялъ бой въ надлежащую минуту на соответствующемъ участкѣ, а если его не было, то конница, подобно монгольской, прибѣгала къ притворному отступленію съ внезапнымъ переходомъ въ наступленіе и къ разнымъ хитростямъ. Бой рѣшался вступленіемъ въ дѣло засаднаго полка.

Какъ при неудачѣ, такъ и въ случаѣ побѣды, дѣйствія русскихъ войскъ были такія же, какъ и въ предыдущій періодъ.

Въ общемъ, въ состояніи военнаго дѣла на Руси въ періодъ владычества монголо-татаръ нельзя не отмѣтить рѣзкаго уклоненія отъ первоначальнаго, естественнаго хода развитія. Тѣмъ не менѣе, отличныя качества русскихъ войскъ сохранились, а боевые порядки и боевыя дѣйствія должны быть поставлены выше боевыхъ порядковъ и дѣйствій въ бою западно-европейскихъ феодальныхъ армій.

Сосредоточеніе большихъ силъ и средствъ въ рукахъ великихъ князей Московскихъ дало имъ возможность приступить къ великому дѣлу сверженія ига татаръ, тѣмъ болѣе, что борьба за ханскій престолъ Золотой Орды и дробленіе ея на части ослабили это нѣкогда грозное могущество. Въ первый разъ эта задача была рѣшена, хотя и не надолго, внукомъ Іоанна Калиты, Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ (1363—1389). Столкновенія его съ татарами начались уже съ 1373 года. Въ 1375 году московско-суздальская рать совершила побѣдоносный походъ противъ казанскихъ татаръ. Въ отмщеніе за это, стоявшій во главѣ орды Мамай въ 1375, 1377 и 1378 годахъ высылалъ свои войска опустошать русскія земли, главнымъ образомъ нижегородскую и рязанскую области, но въ 1378 году татары были разбиты великимъ княземъ на берегахъ р. Вожи. Эта побѣда русскихъ довершила гнѣвъ Мамаю, который, выместивъ свою злобу на рязанскомъ княжествѣ, началъ готовиться къ войнѣ съ великимъ княземъ московскимъ. Между тѣмъ, вмѣшательство Димитрія Іоанновича въ дѣла государства литовско-русскаго доставило Мамаю союзника въ лицѣ великаго князя литовско-русскаго Ягайлы Ольгердовича.

Узнавъ о громаднѣхъ приготовленіяхъ Мамаю, Димитрійъ разослалъ гонцовъ ко всѣмъ князьямъ русскимъ съ просьбою вооружиться на защиту отечества. На зовъ его откликнулась почти вся сѣверо-восточная Русь, и только Олегъ, князь рязанскій, сталъ на сторону татаръ. Приготовленія русскихъ къ войнѣ еще продолжались, какъ были получены свѣдѣнія о движеніи арміи Мамаю къ предѣламъ Руси. Движеніе это началось въ іюнѣ 1380 года и производилось съ цѣлью соединенія къ 1 сентября съ литовцами и рязанцами, послѣ чего предполагалось обрушиться массою силъ на русскихъ. Димитрійъ Іоанновичъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать наступательно, двинуться на встрѣчу Мамаю и разбить его, не допустивъ въ московскіе предѣлы и ранѣе соединенія его съ Ягайломъ и съ Олегомъ рязанскимъ.

Приказавъ войскамъ сосредоточиваться въ Коломнѣ, великій князь выслалъ къ сторожѣмъ противника сильныя развѣдывательныя отряды, отъ которыхъ и получалъ донесенія о движеніи Мамаю. 24 августа Димитрійъ прибылъ въ Коломну и на другой день произвелъ войскамъ смотръ, на которомъ оказалось въ строю до 150,000 чел. Войска были раздѣлены на 4 полка: *передовой* князей Друцкихъ, *большой* великаго князя и князей Бѣлозерскихъ, *правой руки* князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго и князей Ярославскихъ и *лѣвой руки* князя Глѣба Брянскаго.

26-го августа армія двинулась изъ Коломны по лѣвому берегу рѣки Оки къ устьямъ Лопасни, гдѣ пріостановилась на непродолжительное время. Здѣсь присоединились къ арміи опоздавшіе ратники. Получивъ вновь свѣдѣнія о неприятелѣ, Димитрійъ переправилъ войска черезъ Оку и быстро двинулъ ихъ къ соединенію рѣкъ Дона и Непрядвы, выславъ впередъ отборный конный отрядъ боярина Мелика для охраненія арміи и сбора свѣдѣній о противникѣ. На пути къ Дону къ арміи Димитрія присоединились князья Андрей и Димитрійъ Ольгердовичи, родные братья Ягайлы, находившіеся, однако, съ нимъ въ ссорѣ; они привели съ собою полочкія и брянскія дружины, сплюю до 40,000 чел. Маршъ отъ Оки къ Дону былъ совершенъ весьма быстро, вслѣдствіе чего пѣхота отстала. Поэтому, дойдя до Дона, Димитрійъ остановился. 7 сентября пѣхота подтянулась. Въ этотъ же день Меликъ доставилъ плѣннаго татарина, который показалъ, что Мамаю на-

ходится за Дономъ, у Кузьминой гати (въ трехъ переходахъ) и двигается медленно въ ожиданіи союзниковъ. Сверхъ того было получено извѣстіе, что Ягайло находится у Одоева, на берегахъ рѣки Упы.

Великій князь собралъ военный совѣтъ, на которомъ болѣе осторожные люди совѣтовали оставаться на лѣвомъ берегу Дона, имѣя эту рѣку впереди фронта, но князья Ольгердовичи убѣдительно требовали наступленія. Димитрій принялъ послѣднее мнѣніе съ тѣмъ, чтобы, не теряя времени, рѣшить дѣло посредствомъ наступательнаго боя.

7-го же сентября приступили къ постройкѣ мостовъ для пѣхоты, а для конницы были найдены броды. Къ ночи армія окончила переправу и расположилась при впаденіи Непрядвы въ Донъ, на такъ называемомъ Кулковомъ полѣ, на которомъ и произошло на слѣдующій день рѣшительное сраженіе. Въ это время Меликъ донесъ, что Мамай спѣшитъ къ переправамъ. Однако татары опоздали и прибыли въ ночь съ 7 на 8 къ рѣкѣ Смолкѣ, гдѣ и остановились на отдыхъ въ 7—8 верстахъ отъ арміи Димитрія. Силы одного Мамай были не менѣе русской рати, а, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, Ягайло спѣшилъ отъ Одоева на присоединеніе къ Мамаю.

Утромъ 8-го сентября армія Димитрія, скрытая густымъ туманомъ, продвинулась впередъ и расположилась, примкнувъ правымъ флангомъ къ оврагу р. Нижняго Дубика, а лѣвымъ къ верховьямъ р. Смолки. Позція эта была довольно выгодна въ тактическомъ отношеніи, такъ какъ слегка всхолмленное Кулково поле, на которомъ находились обѣ враждебныя арміи, представляло удобства для дѣйствій кавалерійскихъ массъ, а между тѣмъ рѣки Донъ и Непрядва и ихъ притоки съ оврагами, поросшими лѣсомъ, обезпечивали фланги русскихъ отъ охвата. Самый существенный недостатокъ позціи заключался въ томъ, что въ тылу ея имѣлась рѣка, причемъ переправы находились за лѣвымъ флангомъ.

Въ девятомъ часу утра туманъ началъ разсѣиваться, а между тѣмъ русская армія развернулась въ слѣдующемъ порядкѣ: *полкъ правой руки* Андрея Ольгердовича примкнулъ къ оврагу Нижняго Дубика; *полкъ лвой руки* князей Бѣлозерскихъ примкнулъ лѣвымъ флангомъ къ р. Смолкѣ; въ центрѣ сталъ *большой полкъ*, въ составъ котораго входили и войска Глѣба Брянскаго; впереди находился *передовой*

полкъ, состоявшій изъ большей части пѣхоты, дружины Вельяминова 2-го и сторожеваго отряда Меллика; отрядъ Дмитрія Ольгердовича составилъ *частный резервъ* за лѣвымъ флангомъ большаго полка; наконецъ *засадный полкъ* или *общій резервъ* изъ отборной конницы князя Владиміра Андреевича и боярина Дмитрія Михайловича Волинскаго-Боброка расположился за лѣвымъ флангомъ всего боеваго порядка, укрываясь за густою „зеленою дубравою“.

Татары построили подобный же боевой порядокъ, за включеніемъ резервовъ. Около 11 часовъ обѣ арміи двинулись на встрѣчу другъ другу и, сойдясь на близкое разстояніе, встали на мѣсто. Со стороны татаръ выѣхали богатырь Темирмурза для единоборства. Противъ него выступилъ инокъ обители Св. Троицы, Пересвѣтъ. Сразившись, оба воина пали жертвами, что и послужило сигналомъ къ общему бою. Татары направили массу своихъ силъ на центръ русскихъ войскъ, какъ наиболѣе удобный пунктъ для атаки. Раздавивъ передовой полкъ, въ рядахъ котораго сражался и великій князь, они наскочили на большой полкъ, опрокинули московскую дружину и подрубили великокняжескій стягъ, но начальствовавшіе въ центрѣ Глѣбъ Брянскій и Вельяминовъ 1-й привели большой полкъ въ порядокъ и удержались на своей позиціи. Въ это время полкъ правой руки отразилъ татаръ, но не увлекся успѣхомъ, дабы не отрываться отъ большаго полка.

Потерпѣвъ неудачу въ центрѣ, татары атаковали свѣжими силами полкъ лѣвой руки, который сначала удерживался въ своемъ расположеніи, но, когда были убиты князья Бѣлозерскіе, то лѣвое крыло начало отступать. Такимъ образомъ большому полку угрожала серьезная опасность быть атакованнымъ съ фланга и съ тыла. Опасность эта была отчасти отклонена частнымъ резервомъ Дмитрія Ольгердовича, который перемѣнилъ фронтъ налѣво и прикрылъ флангъ большаго полка. Тѣмъ не менѣе татары, опрокинувъ полкъ лѣвой руки, отрѣзывали русскихъ отъ Дона, угрожая опрокинуть ихъ въ Непрядву. Въ свою очередь, они подставляли свой флангъ и тылъ подъ удары засаднаго полка. Князь Владиміръ Андреевичъ уже раньше порывался броситься на поддержку большаго полка и особенно лѣваго крыла, но былъ удержанъ опытнымъ и хладнокровнымъ Боброкомъ, который выбралъ

для атаки наиболѣе удобную минуту, когда татары, преслѣдуя лѣвое крыло, поравнялись съ зеленою дубравою¹⁾). Тогда засадный полкъ стремительно и неожиданно атаковалъ во флангъ и въ тылъ ошеломленныхъ татаръ, которые были опрокинуты и разбѣяны. Вслѣдъ за успѣшною атакою засаднаго полка и большой полкъ перешелъ въ наступленіе. Татары пытались было удержаться на полѣ сраженія, но были охвачены и опрокинуты. Мамай, слѣдившій за ходомъ боя съ Краснаго холма, бѣжалъ однимъ изъ первыхъ, а затѣмъ, около 3-хъ часовъ пополудни, и вся его армія обратилась въ бѣгство. Русскіе преслѣдовали татаръ до р. Красной Мечи, на протяженіи 40 верстъ. Обѣ стороны понесли огромныя потери: въ арміи Димитрія на лицо оставалось только 40,000 чел., а армія Мамаѣ прекратила свое существованіе. Русскіе одержали полную побѣду, что тотчасъ же имѣло слѣдствіемъ отступление Ягайлы въ Литву безъ боя.

Въ дѣятельности Димитрія Іоанновича прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тщательная подготовка къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ, причѣмъ великій князь придаетъ должное значеніе *духовному* элементу, понимая, что столь великое дѣло немисливо безъ полного подъема силъ духовныхъ униженной монгольскимъ игомъ Руси. Съ этой точки зрѣнія особенно поучительны сочетаніе походовъ, предшествовавшихъ кампаніи 1380 года, способствовавшее воодушевленію русскихъ людей и утвержденію увѣренности въ себѣ посредствомъ мелкихъ успѣховъ, а затѣмъ шествіе въ монастырь Св. Троицы за благословеніемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Благодаря стараніямъ Димитрія, ему удается собрать подъ свое предводительство войска почти всѣхъ князей сѣверо-восточной Руси и даже войска двухъ князей Руси Литовской, подручныхъ его врагу Ягайлѣ, союзнику Мамаѣ. Планъ кампаніи, принятый великимъ княземъ и сводившійся къ сосредоточенію возможно большихъ силъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ наиболѣе опаснаго врага, Мамаѣ, былъ вполне цѣлесообразенъ и отвѣчалъ обстановкѣ. Исполненіе соотвѣтствовало плану. Уже съ самаго начала подготовительныхъ операцій Димитрій принимаетъ цѣлый рядъ

¹⁾ По нѣкоторымъ источникамъ минута эта была удобна и потому, что въ это время направленіе вѣтра измѣнилось не въ пользу татаръ.

мѣръ къ сбору свѣдѣній о противникахъ и это продолжается до вступленія въ рѣшительный бой. Благодаря этому великій князь имѣетъ во все время похода вполне удовлетворительное понятіе объ обстановкѣ и, на основаніи получаемыхъ свѣдѣній, принимаетъ соотвѣтствующія рѣшенія. Лишь только были сосредоточены достаточныя силы, Дмитрій выступаетъ противъ Мамай, дабы не допустить его до соединенія съ Ягайломъ и съ Олегомъ рязанскимъ. Маршъ-маневръ совершается съ должною быстротою и вполне обезпеченно, причемъ на маршѣ присоединяются войска, не успѣвшія сосредоточиться къ Коломнѣ. На военномъ совѣтѣ, собранномъ на берегахъ Дона, великій князь отвергаетъ мнѣніе слишкомъ осторожныхъ совѣтниковъ, принимаетъ сторону князей Ольгердовичей, требовавшихъ наступленія и боя, и пламенно рѣчью воодушевляетъ своихъ ближайшихъ сподвижниковъ, которые естественно передаютъ это воодушевленіе и всему войску. Переправа черезъ р. Донъ и построеніе боеваго порядка производятся сообразно съ обстановкою. Въ боевомъ порядкѣ замѣчательно расположеніе *резервовъ: частнаго*, Дмитрія Ольгердовича, за наиболѣе чувствительнымъ участкомъ боеваго расположенія, т. е. за большимъ полкомъ и при томъ за его лѣвымъ флангомъ, т. е. ближе къ направленію пути отступленія, и *общаго* или засаднаго полка на этомъ важнѣйшемъ направленіи, съ цѣлью окончательнаго его обезпеченія. Въ бою, повидимому, инициатива какъ бы переходитъ къ татарамъ, но, въ дѣйствительности, сраженіе происходитъ по плану, намѣченному Дмитріемъ. Татары хотя и ведутъ атаку въ надлежащемъ направленіи, но расходуютъ всѣ свои силы и, не имѣя резерва, подставляютъ свой флангъ и тылъ засадному полку. Воевода Боброкъ превосходно исполняетъ предначертанія главнокомандующаго, удерживаетъ пылаго князя Владиміра Андреевича и, выбравъ удобную минуту для атаки, наноситъ врагу рѣшительный ударъ и восстанавливаетъ бой окончательно въ пользу русскихъ.

Повидимому, Дмитрію Іоанновичу можетъ быть сдѣланъ хотя одинъ, но серьезный упрекъ въ томъ, что онъ бросился съ передовымъ полкомъ въ бой въ самомъ началѣ сраженія; но подобный упрекъ былъ бы несправедливъ, ибо великій князь, сдѣлавъ все возможное въ видахъ обезпеченія успѣха и надѣясь на своихъ военачальниковъ, а въ особенности на Бо-

брока, рѣшился личнымъ примѣромъ воодушевить войска и даже пожертвовать жизнью, лишь бы только доставить побѣду горячо любимому отечеству.

Послѣ побѣды производится преслѣдованіе врага, насколько оно было возможно.

Такимъ образомъ стратегическое искусство Димитрія Іоанновича является образцомъ высокопоучительнымъ въ смыслѣ положительномъ, и даже тотчасъ послѣ Куликовской побѣды ясно обнаружилась цѣлесообразность его дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, ибо Ягайло, узнавъ о разгромѣ татаръ, не рѣшился вступить въ бой съ Димитріемъ и отступилъ въ Литву, а объ Олегѣ рязанскомъ и говорить нечего. Тактическое искусство Димитрія также замѣчательно, причемъ даже то, что могло бы послужить ему упрекомъ, является лишь слѣдствіемъ того высокаго значенія, которое онъ придавалъ элементу *духовному*. Заслуги Димитрія были оцѣнены его народомъ, давшимъ ему наименованіе *Донскаго*.

Дѣйствія Мамайя являются прямою противоположностью дѣйствіямъ Димитрія. На театрѣ войны онъ дѣйствуетъ нерѣшительно; отчасти это объясняется стремленіемъ къ соединенію съ Ягайломъ и Олегомъ, но такъ какъ Мамай былъ готовъ къ открытію операцій гораздо ранѣе Димитрія, то, даже и не соединяясь съ союзниками, онъ могъ дѣйствовать противъ русскихъ съ превосходными силами; затѣмъ, онъ не принимаетъ должныхъ мѣръ къ сбору свѣдѣній о противникѣ и вынужденъ вступить въ бой съ Димитріемъ, не соединившись съ союзниками, хотя, повидимому, онъ позволялъ русскимъ совершить переправу, съ тѣмъ, чтобы разбить ихъ въ невыгодномъ для нихъ положеніи, тыломъ къ рѣкѣ; это не вяжется съ предъидущими его дѣйствіями. На полѣ сраженія онъ ведетъ атаку въ надлежащемъ направленіи, но, израсходовавъ всѣ резервы, теряетъ изъ рукъ управленіе боемъ и терпитъ рѣшительное пораженіе отъ искуснѣйшаго противника, послѣ чего подаетъ своимъ войскамъ примѣръ бѣгства. Въ общемъ Мамай и его татары оказываются неизмѣримо ниже первыхъ монголо-татарскихъ полководцевъ и ихъ войскъ.

Куликовская побѣда досталась русскимъ дорогою цѣною и ослабила самихъ побѣдителей, почему и сохранилась въ памяти народной подъ названіемъ Мамаева побоища. Во всякомъ случаѣ, значеніе ея было громадно, преимущественно въ

смыслъ подъема духовныхъ силъ Руси, убѣдившейся въ возможности одолѣнія татаръ и съ этого времени неуклонно стремившейся къ сверженію постыднаго ига.

Въ 1381 году Русь, не успѣвшая еще оправиться послѣ этого страшнаго напряженія силъ, подверглась нашествію Тохтамыша, овладѣвшаго престоломъ Золотой Орды послѣ гибели Мамаю, и не могла дать татарамъ должнаго отпора; въ 1395 году великій монгольскій завоеватель Тамерланъ, разгромивъ Тохтамыша и его Золотую Орду, двинулся было къ предѣламъ Руси, но отъ Ельца неожиданно повернулъ назадъ; въ 1408 году захватившій власть въ Ордѣ мурза Эдигей совершилъ нашествіе на Русь, дошелъ до Москвы, но, взявъ съ нея контрибуцію, удалился обратно. Вообще, отъ времени до времени, Русь подвергалась набѣгамъ татаръ, но могущество ея все болѣе и болѣе возрастало, а зависимость отъ Орды соотвѣтственно ослабѣвала. Наконецъ, въ 1480 году, Іоаннъ III Великій (1462—1505) довершилъ дѣло, начатое Димитріемъ Донскимъ, и окончательно уничтожилъ вассальныя отношенія къ Золотой Ордѣ. Съ этихъ поръ вполнѣ независимая Русь пріобрѣла возможность всесторонняго самостоятельнаго развитія и это должно было отразиться и на развитіи военнаго дѣла и военнаго искусства; но на пути къ какому бы то ни было развитію она встрѣтила сильныя преграды въ лицѣ своихъ западныхъ сосѣдей, изъ которыхъ особенно опасно была неожиданно и непомѣрно усилившаяся на счетъ Руси, хотя и славянская, но преслѣдовавшая братоубійственную политику Польша.

Г Л А В А VIII.

Поляки, подобно прочимъ славянскимъ народамъ, въ древнѣйшія времена своего существованія, жили отдѣльными *родами*, занимавшими отдѣльныя пространства земли или *ополья*. Обитатели ополья избирали себѣ старѣйшину, завѣдывавшаго дѣлами рода, а затѣмъ общины, съ согласія и рѣшенія общаго собранія всѣхъ членовъ рода и общины. Участіе въ вооруженномъ отраженіи враговъ имѣло общеобязательный характеръ. Можно допустить, что завоевательныя стремленія Карла Великаго и саксовъ поуждали общины къ соединенію, въ видахъ общей обороны противъ враговъ, которые, между тѣмъ, постепенно все болѣе и болѣе тѣснили западныхъ славянъ отъ Эльбы на востокъ къ Одрѣ и за эту рѣку. Для отраженія враговъ строились не только близъ границъ, но и внутри страны укрѣпленія или *гроды*. Сюда собирались на *вѣче* старѣйшины для обсужденія средствъ обороны, заключенія союзовъ, выбора вождей и т. п. Здѣсь, съ приближеніемъ противника, жители укрывали свои имущества и семейства. Здѣсь находились вооруженные люди, готовые всегда отразить разбойниковъ или нападеніе врага. Здѣсь же находился начальникъ, соединявшій въ своихъ рукахъ власть гражданскую и военную и подчинявшійся главному начальнику, или вождю, или *воеводѣ*, который избирался старѣйшинами всего племени. Позже появился *князь*, которому подчинился и воевода и который нерѣдко распространялъ свою власть на нѣсколько племенъ, опять-таки благодаря необходимости совмѣстныхъ дѣйствій этихъ племенъ противъ общихъ враговъ. Образованіе громадной монархіи Карла Великаго и особенно личность самого Карла произвели на западныхъ славянъ такое сильное впечатлѣніе, что его имя вошло въ ихъ языкъ и стало обозначать монарха, стоявшаго выше князей, или *короля* (król, kral). Такимъ образомъ дальнѣйшее объединеніе племенъ, положившихъ начало польскому государству, вызвало и возвышеніе верхов-

ной власти, которая при этомъ перешла отъ княжескаго достоинства къ королевскому и на первыхъ порахъ имѣла преимущественно военный характеръ.

Первоначальное военное устройство Польши приписывается считающемуся первымъ ея королемъ сыну легендарнаго Пяста, *Земовиту* (861—891, а по инымъ источникамъ 901). Всѣ граждане, кромѣ большихъ и престарѣлыхъ, были обязаны являться по призыву для несенія военной службы въ войскъ, и только часть земледѣльцевъ, ближайшихъ къ городу, оставалась для его обороны. Позже эта часть земледѣльцевъ была освобождена и отъ этой службы, съ условіемъ уплаты особой подати, а вмѣстѣ съ тѣмъ короли начали содержать въ городахъ особые отряды. Подобное рѣзкое различіе въ несеніи военной повинности жителями находилось въ связи съ возникшими въ это время социальными различіями.

Правнукъ Земовита *Мечиславъ I* (962—992) вступилъ въ бракъ съ чешскою княжною Домбровкою, исповѣдывавшею уже христіанскую вѣру, и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ эту же вѣру по восточному обряду, послѣ чего крестилъ и свой народъ, но оказался не въ силахъ устоять противъ римско-германской имперіи, примкнулъ къ западной церкви и сталъ почти въ вассальные отношенія къ императору, который, не признавая Мечислава королемъ, удостоивалъ его лишь титула *герцога*. Съ этого времени Польша начала подчиняться вліянію западной Европы, т. е. главнымъ образомъ германскаго элемента.

Сынъ Мечислава *Болеславъ I Храбрый* (992—1025) нанесъ нѣмцамъ цѣлый рядъ пораженій, заставилъ ихъ признать себя независимымъ королемъ Польши и пытался образовать славянскую имперію, которая могла бы приостановить наступательное движеніе тевтонскаго элемента на востокъ, для чего присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, кромѣ всѣхъ польскихъ земель, Чехію, западно-славянскія земли отъ Лузациі до Поморья включительно и Червонную Русь. Чехи, не желая подчиниться польскому государю, бросились въ объятія Германіи и избавились, при ея помощи, отъ владычества Польши, но приобрѣли это дорогою цѣною, такъ какъ съ этихъ поръ Чехія вошла, какъ вассальное владѣніе, въ составъ нѣмецкой имперіи. Между тѣмъ преемники Болеслава Храбраго не были въ состояніи продолжать начатое имъ дѣло, вслѣд-

ствіе чего самой Польшѣ приходилось только бороться, отстаивая свое независимое существованіе, и не помышляя уже о гегемоніи между славянскими народами. Самъ Болеславъ призналъ безусловно духовную зависимость Польши отъ Рима, а преемники его слѣдовали по тому же пути. Такимъ образомъ Польша, подчинившись влиянію Германіи и Рима, оторвалась отъ общеславянской семьи и вошла въ кругъ жизни народовъ западной романо-германской Европы, усваивая себѣ все болѣе и болѣе чуждую славянскому элементу культуру и цивилизацію.

При Болеславѣ Храбромъ польскій народъ является уже раздѣленнымъ на: а) вполне свободныхъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, образующихъ *шляхту* или дворянство, б) лично свободныхъ, но податныхъ крестьянъ или *кметовъ* и в) *крѣпостныхъ*. Княжеская или королевская власть возвышается надъ народомъ, къ которому относится первые два разряда, имѣющіе значеніе сословій. Шляхта составляетъ многочисленное ядро народа и преимущественно вооруженную, воинскую его часть, будучи обязана военною службою предъ верховною властью, но считал эту службу не только своею обязанностью, но и своимъ правомъ; кметы же преимущественно воздѣлываютъ землю и платятъ подати шляхтѣ. Такимъ образомъ военная служба дѣлается постепенно ремесломъ и принадлежностью извѣстнаго благороднаго класса общества. Между тѣмъ войны съ нѣмцами заносятъ въ Польшу многія понятія о военномъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и разныя формы рыцарства. Впрочемъ, въ Польшѣ, вслѣдствіе отсутствія феодальной системы, рыцарство установилось на началахъ нѣскольکو отличныхъ отъ западно-европейскихъ, причемъ важное значеніе имѣло единородство, вытекавшее изъ древнеславянской общины и братства. Средоточіемъ каждаго такого единороднаго братства служили одинаковій родовой гербъ и одинаковое родовое имя. Главній представитель подобнаго братства былъ окруженъ многочисленною военною дружиною, ставившею себя въ полное распоряженіе главы рода и всего братства.

Въ случаѣ серьезной опасности собиралось общее ополченіе; сборъ его составлялъ обязанность *каштеляновъ*, назначаемыхъ королями въ *кастели* или главные города каштелянствъ, отвѣчавшихъ прежнимъ ополчямъ. Каштеляны въ

іерархическомъ порядкѣ слѣдовали за воеводами ¹⁾ и завѣдывали военными, судебными и финансовыми дѣлами своихъ каштелянствъ. Король большею частью самъ принималъ начальство надъ войсками, а въ противномъ случаѣ оно поручалось воеводѣ.

При ближайшихъ преемникахъ Болеслава Храбраго королевская власть была еще довольно сильна. Тѣмъ не менѣе ей приходилось все болѣе и болѣе считаться какъ съ массою шляхты, такъ въ особенности съ выдѣлившимися изъ этой массы болѣе знатными, богатыми и вліятельными вельможами или *магнатами*, пользовавшимися всякимъ удобнымъ случаемъ для увеличенія своихъ правъ, преимуществъ и вліянія на дѣла въ ущербъ власти монарха. Вслѣдствіе этого Польша становилась все слабѣе и слабѣе какъ внѣ, такъ и внутри своихъ предѣловъ. Между тѣмъ, *Болеславъ III Кривоустый* (1102—1139) на смертномъ одрѣ раздѣлилъ государство на удѣлы между своими сыновьями, съ тѣмъ, чтобы старшій въ родѣ владѣлъ, сверхъ своего удѣла, столицею Польши Краковомъ съ краковскимъ княжествомъ и заступалъ мѣсто прежняго короля всей Польши. Эта злополучная мѣра имѣла слѣдствіемъ раздоры между князьями и междоусобія, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще большее ослабленіе Польши и верховной власти, лишившейся даже королевскаго титула. Внѣ своихъ предѣловъ Польша не только не могла задержать наступательное движеніе нѣмцевъ на востокъ на счетъ родственныхъ ей славянскихъ племенъ, но даже была вынуждена допустить отдѣленіе отъ нея Силезіи, вошедшей въ составъ римско-германской имперіи и все болѣе и болѣе онѣмечивающейся. Сверхъ того, недалновидность одного изъ внуковъ Болеслава Кривоустаго, князя Мазовіи Конрада, призвавшаго на помощь противъ пруссовъ тевтонскій орденъ и содѣйствовавшаго утвержденію этого ордена въ нынѣшней восточной Пруссіи, также благопріятствовала вторженію нѣмцевъ въ славянскій міръ и была причиною великихъ бѣдствій для славянства вообще и для Польши въ особенности. Съ теченіемъ времени этотъ орденъ, не ограничившись Пруссіею, началъ стремиться къ захвату и чисто польскихъ земель.

¹⁾ За исключеніемъ краковского каштеляна, который былъ поставленъ выше краковского воеводы (со временъ Болеслава Кривоустаго).

Въ 1241 году Польша подверглась страшному разгрому и опустошенію монголовъ, которые, впрочемъ, не включили ее въ составъ своего громаднаго государства. Для заселенія опустошенныхъ земель и особенно городовъ были призваны въ Польшу кровные враги славянства, нѣмцы, которые хотя съ теченіемъ времени и ополячились, но, во всякомъ случаѣ, ослабили силу польско-славянскаго элемента во всѣхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ Польшѣ угрожали враги со всѣхъ сторонъ: съ сѣвера и запада нѣмцы (орденъ и имперія), съ юго-запада чехи, съ юга венгры, съ востока и сѣверо-востока литовцы, подчинявшіе себѣ постепенно западную Русь. Польша была близка къ гибели. Но *Владиславъ Локотокъ* (1295—1333) сумѣлъ одолѣть враговъ, объединилъ польскія земли, уцѣлѣвшія еще отъ поплзновеній алчныхъ сосѣдей, окончательно возстановилъ королевское достоинство и далъ Польшѣ возможность развиваться во всѣхъ отношеніяхъ, а сынъ его *Казиміръ Великій* (1333—1370) содѣйствовалъ экономическому процвѣтанію и вообще благоустройству своего королевства и увеличилъ его территорію присоединеніемъ нѣкоторыхъ земель, въ томъ числѣ русскаго галицкаго княжества, которое онъ захватилъ, пользуясь пресѣченіемъ галицкой линіи Рюриковичей. Этотъ великій король сдѣлалъ великую ошибку, упрочивъ престолонаслѣдіе, въ виду своей бездѣтности, за сыномъ своей сестры *Людвикомъ* Анжуйскимъ, королемъ венгерскимъ (1370—1382), который мало заботился о Польшѣ, отнялъ у нея галицкое княжество и присоединилъ его къ Венгріи, а что хуже всего, настолько увеличилъ права шляхты и (само собою разумѣется) магнатовъ, что отнынѣ король могъ давать направленіе государственнымъ дѣламъ не иначе, какъ при участіи магнатовъ и слѣдовавшей за ними шляхты. Благодаря этому узаконенію источника анархіи въ государствѣ, *Людвигу* удалось упрочить престолонаслѣдіе за младшею своею дочерью *Адвигою* (1382—1399), которую магнаты, по политическимъ соображеніямъ, заставили выйти замужъ за великаго князя литовскаго Ягайлу Ольгердовича, вступившаго вмѣстѣ съ тѣмъ на польскій престолъ подъ именемъ *Владислава II* (1386—1434).

Въ это время королевская власть была уже на столько слаба, что, въ случаѣ наступательной войны, король не могъ приказывать шляхтѣ слѣдовать подъ его знаменами, но дол-

женъ былъ просить у нея помощи, вслѣдствіе чего приходилось прибѣгать къ *наемнымъ войскамъ*, комплектовавшимся какъ поляками, такъ и немцами.

При оборонительной войнѣ созывалось шляхетское ополченіе.

Съ давнихъ поръ важною составною частью польскихъ войскъ была *кавалерія*, которая уже въ X вѣкѣ подраздѣлялась на тяжелую и легкую. Съ закрѣпощеніемъ низшихъ классовъ народа и съ распространеніемъ съ запада феодальныхъ понятій, а также вслѣдствіе столновеній съ сосѣдями, кавалерія получила преобладающее значеніе въ составѣ вооруженныхъ силъ и даже приобрѣла исключительное значеніе войска въ ущербъ *пѣхотѣ*, которая отошла къ обозу, исправляла мосты и дороги и т. п. и хотя не дошла до такого униженія, какъ на западѣ, но все таки играла не болѣе, какъ второстепенную роль. Наемныя войска, съ теченіемъ времени, получали все большее и большее значеніе.

Вооруженіе поляковъ было такое же, какъ и другихъ славянъ: мечи, копья, пращи, луки и т. п. Легкая конница имѣла щиты, а тяжелая и металлическія латы, покрывавшія какъ всадниковъ, такъ и ихъ коней. Наемники-иноземцы имѣли вооруженіе болѣе или менѣе соответственное своему племени.

Шляхетская кавалерія строилась особыми частями или отрядами, состоявшими изъ воиновъ той или другой области, если вся шляхта выступала въ походъ, или изъ воиновъ, носившихъ названіе своихъ предводителей, или ихъ, или общихъ гербовъ, если на войну выступала только часть шляхетскаго воинства. Всѣ вообще части арміи строились первоначально также, какъ и въ древнѣйшій періодъ общей славянской исторіи, а затѣмъ такъ, какъ у западно-европейскихъ народовъ.

Главное значеніе въ бою принадлежало шляхетско-рыцарской кавалеріи, которая вела бой такъ же, какъ и феодальныя войска западной Европы. Своею отвагою и стремительностью своихъ атакъ эта кавалерія обыкновенно рѣшала бой и сраженія и приобрѣла громкую славу.

Въ общемъ, къ концу XIV столѣтія, военное устройство Польши приняло почти вполне такой же односторонній и ненормальный характеръ, какъ и въ западной Европѣ. Такимъ

образомъ Польша сдѣлала большой шагъ, но не впередъ, а назадъ. Поэтому въ ней и не могло быть особенной силы и хотя она и отстояла пока свое независимое политическое существованіе, но нисколько не могла надѣяться на возможность устоять въ неравной борьбѣ противъ своихъ враговъ, т. е. собственно противъ нѣмцевъ. Къ счастью для Польши, но къ несчастью для себя, въ числѣ ея враговъ былъ одинъ, имѣвшій нѣкоторые общіе съ нею интересы: это была Литва.

Литовцы, родственные славянамъ болѣе, чѣмъ другимъ индо-европейскимъ народамъ, жили первоначально болѣе или менѣе подобно славянамъ, но отличались отъ нихъ склонностью къ набѣгамъ, отъ которыхъ страдали земли ихъ сосѣдей, особенно русскихъ и поляковъ. Это отражалось въ соответствующемъ смыслѣ и на ихъ военномъ устройствѣ. У нихъ пѣхота играла видную роль и дѣйствовала рука объ руку съ конницею.

Жесточайшими врагами литовцевъ были *нѣмцы тевтонскаго ордена*, которые, не довольствуясь поработченіемъ родственниковъ литовцамъ пруссовъ, старались завоевать и земли литовцевъ, а ихъ самихъ, какъ язычниковъ, силою обратить въ католичество. Въ то же время нѣмецкій же *орденъ меченосцевъ*, утвердившійся у устьевъ западной Двины, и подчинившій себѣ родственниковъ литовцамъ латышей, обратился противъ нихъ съ другой стороны. Вскорѣ соединенныя силы обоихъ орденовъ, подкрѣпляемыя постояннымъ приливомъ рыцарства изъ разныхъ западно-европейскихъ странъ и особенно изъ Германіи, начали угрожать самому существованію Литвы подъ предлогомъ обращенія ихъ въ христіанскую вѣру.

Въ началѣ XIV вѣка княземъ Литвы сдѣлался *Гедиминъ* (1315—1341), обладавшій необыкновенными талантами. Онъ окончательно объединилъ Литву, нанесъ пораженія меченосцамъ, западно-русскимъ князьямъ и другимъ врагамъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ княжества пинское, волынское, кievское и черниговское, принялъ титулъ *великаго князя литовскаго и русскаго* и образовалъ сильное государство, въ которомъ литовцы преобладали только, какъ побѣдители; численное же и культурное преобладаніе принадлежало русскимъ. Сверхъ того, вслѣдствіе меньшей нетерпимости, срав-

нительно съ католиками, православныхъ русскихъ къ язычникамъ литовцамъ и обратно, между русскими и литовцами начали устанавливаться довольно дружелюбныя отношенія, и въ новомъ государствѣ Гедимина русскій элементъ сталъ играть все болѣе и болѣе выдающуюся роль, а литовцы начали подчиняться вліянію русскихъ.

Сынъ Гедимина *Ольгердъ* (1341—1377) еще болѣе расширилъ предѣлы литовско-русскаго государства, въ составъ котораго вошла вся тогдашняя Бѣлая и Малая Русь, причемъ русскій элементъ настолько усилился, что литовскія земли составляли не болѣе $\frac{1}{10}$ всей территоріи государства, а почти все остальное ея пространство состояло изъ русскихъ земель. Такимъ образомъ это великое княжество въ сущности было русское, мало отличавшееся отъ московскаго, и между обоими русскими государствами должно было возникнуть соперничество, которое, въ свою очередь, должно было окончиться подчиненіемъ одного изъ нихъ другому и объединеніемъ всей Руси. Подобное объединеніе было бы событіемъ первостепенной важности и существенно измѣнило бы судьбы восточной Европы и ходъ развитія какъ силы и могущества нашего отечества, такъ и его цивилизаціи, что отразилось бы и на военномъ его устройствѣ.

Можно допустить, что осуществимость и значеніе подобнаго объединенія понимались даровитѣйшими изъ числа великихъ князей какъ московской, такъ и литовской Руси, въ томъ числѣ и Ольгердомъ Гедиминовичемъ, женатымъ на русской княжнѣ и тайно принявшимъ православную вѣру. Но не таковъ былъ сынъ его *Ягайло* (1377—1434), чловѣкъ посредственныхъ способностей, съ узкимъ кругозоромъ и неспособный къ рѣшительнымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ и къ веденію великой политики своего отца и дѣда. Не будучи въ состояніи справиться ни съ нѣмецкими рыцарскими орденами, тевтонскимъ и ливонскимъ, ни съ подчиненными его власти удѣльными князьями, въ томъ числѣ даже съ своими родными братьями, онъ искалъ опоры. Примиреніе съ великимъ княземъ московскимъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ было трудно, если не невозможно; въ то же время ни умъ, ни сердце Ягайлы не могли возвыситься до мысли объ одолѣніи Димитрія и объединеніи всей Руси, а между тѣмъ бракъ съ польскою королевою давалъ ему польскую

корону и желаемую опору. Для этого впрочемъ требовалось принятіе католической вѣры, но Ягайло и безъ того уже не былъ рьянымъ приверженцемъ религіи своихъ предковъ, а принятіе католичества могло доставить ему покровительство папы и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ надѣялся, приостановить наступательное стремленіе тевтонскихъ рыцарей въ его земли; наконецъ совмѣстная борьба Польши и Литвы противъ этого общаго врага могла быть болѣе успѣшною, чѣмъ отдѣльными дѣйствіями каждой изъ нихъ.

Въ силу подобныхъ соображеній Ягайло и женился на королевѣ Ядвигѣ, сдѣлался польскимъ королемъ, крестилъ литовцевъ по католическому обряду и положилъ начало соединенію Литвы и западной Руси съ Польшею. Первоначально это соединеніе имѣло характеръ лишь личный, и во главѣ великаго княжества литовско-русскаго стоялъ особый великій князь, состоявшій какъ бы въ вассальныхъ отношеніяхъ къ польскому королю, при чемъ большею частью на великокняжескій престолъ вступалъ предполагаемый наслѣдникъ польской короны. Связь эта въ началѣ была слаба и даже нарушалась и близилась къ разрыву, въ особенности въ княженіе двоюроднаго брата Ягайлы, *Витовта Кейстутовича* (1389 — 1430), продолжавшаго политику Гедимина и Ольгерда. Витовтъ еще болѣе расширилъ предѣлы своего государства на востокъ, въ ущербъ Руси Московской и стремился къ независимости отъ Польши, но не успѣлъ осуществить свою программу, а его преемники или не были способны къ продолженію его дѣла, или даже преслѣдовали политику прямо противоположную, тѣмъ болѣе что, начиная съ Казимира Ягайловича, всѣ они были вѣроятными наслѣдниками польскаго престола. Такимъ образомъ соединеніе литовско-русскаго государства съ польскимъ все болѣе и болѣе укрѣплялось, что было выгодно только для поляковъ и, пожалуй, для литовцевъ, но отнюдь не для русскихъ, подпавшихъ подъ вліяніе, а затѣмъ и владычество поляковъ. Съ этихъ поръ поляки, отступивъ на западъ передъ нѣмцами, распространяются на востокъ въ ущербъ своимъ братьямъ русскимъ. Это порождаетъ впоследствии внутреннія смуты и междоусобія въ польско-литовско-русскомъ государствѣ и вызываетъ братоубійственное соперничество и непримиримую вражду и борьбу между Польшею и Московскою Русью.

Борьба эта вредно отражается на интересах всего славянства, ибо Польша, развивая все болѣе и болѣе свое беспорядочное государственное, общественное и военное устройство, прививаетъ его Литвѣ и западной Руси и въ то же время преграждаетъ пути общенія съ западною Европою Руси Московской, которая хотя и освобождается отъ ига татаръ, но, выработавъ въ себѣ извѣстную замкнутость, не обнаруживаетъ еще особенной способности къ болѣе или менѣе быстрому развитію, вслѣдствіе чего, а равно и вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ неблагоприятныхъ условій, сильно отстаетъ отъ западной Европы.

Сама Польша, соединившись съ Литвою и западною Русью, сдѣлалась могущественнѣйшею державою въ восточной Европѣ, и на нее выпадала задача объединенія славянскаго міра и созданія противовѣса съ одной стороны романо-германской Европѣ, т. е. собственно германской ея части, а съ другой грозной силѣ османской имперіи, утвердившейся отчасти на грекославянской почвѣ и угрожавшей какъ западному, такъ и восточному христіанскимъ мірамъ.

Возможность рѣшенія Польшею этой грандіозной задачи находилась въ зависимости отъ ея государственнаго, общественнаго и военнаго устройства, которое не представляло задатковъ для созданія дѣйствительной, прочной и устойчивой силы.

Вооруженныя силы собственно Польши, къ концу среднихъ вѣковъ, подраздѣлялись на четыре категоріи: а) *земское*, а въ случаяхъ особенной важности, *всеобщее ополченіе*, главную силу котораго составляло дворянство, но въ составъ котораго входили и горожане, владѣвшіе землями; б) собственные *королевскія* войска, имѣвшіе значеніе *гардін*, численность которыхъ постепенно уменьшалась и которыя получали отъ королей жалованье и содержаніе; в) *дворовыя хоругви и дружины*, или собственные войска магнатовъ; г) иностранныя *наемныя дружины*, преимущественно пѣшія. Первые три разряда состояли почти исключительно изъ конницы. Артиллерія появилась въ Польшѣ во второй половинѣ XIV вѣка, но особеннаго значенія не имѣла.

Боевыя построенія и боевыя дѣйствія польскихъ войскъ имѣли тотъ же характеръ, что и въ предыдущій періодъ.

Организація вооруженныхъ силъ литовско-русскаго государства представляла середину между организаціею войскъ съ

одной стороны восточно-русскихъ, а съ другой польскихъ и западно-европейскихъ. Вслѣдствіе этого у нихъ были приняты строи, боевые порядки и образъ дѣйствій, присущіе обоимъ основнымъ типамъ. Однако съ теченіемъ времени устанавливалось все болѣе и болѣе однообразіе въ смыслѣ преобладанія польскаго типа.

Въ общемъ польское и литовско-русское государства могли выставить весьма значительныя силы, отъ 100,000 до 150,000 и даже до 200,000 человекъ; но, вслѣдствіе слабости верховной власти, было крайне трудно собрать сильную армию и особенно удержать ее подъ знаменами въ теченіе такого промежутка времени, какой былъ необходимъ для веденія операций.

Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ начала своего соединенія, оба эти государства дали себя чувствовать общему врагу, тевтонскому ордену, которому не помогли и его союзники. Въ 1410 году Ягайло и Витовтъ сосредоточили для борьбы противъ ордена 100,000—160,000 человекъ ¹⁾ и произвели вторженіе въ принадлежавшую ордену Пруссію, съ цѣлью дать врагу рѣшительный бой. Орденъ выставилъ противъ нихъ 60,000 — 100,000 воиновъ. Сраженіе произошло на поляхъ *Грюнвальда и Танненберга* и окончилось полнымъ пораженіемъ нѣмцевъ, потерявшихъ одними убитыми 40,000 — 50,000 человекъ, послѣ чего только 5,000 воиновъ спаслось отъ гибели, а остальные были разсѣяны.

Армія Ягайлы и Витовта потеряла около $\frac{1}{3}$ своего состава и во всякомъ случаѣ не только одержала блестящую побѣду, но и сломала разъ навсегда силу ордена, хотя это и обнаружилось не сразу.

Ходъ боя былъ, по всему вѣроятію, слѣдующій:

Бой былъ завязанъ литовскою конницею Витовта, поддержанною его же татарскими дружинами. Литовцы и татары, принявъ на себя всѣ силы ордена, отошли назадъ и даже отчасти были обращены въ бѣгство, но при этомъ навели нѣмцевъ на наемныя польскія войска, среди которыхъ имѣлась отличная чешская пѣхота. Наступленіе нѣмцевъ было

¹⁾ Максимальное опредѣленіе арміи Ягайлы и Витовта даетъ слѣдующія цифры: 60,000 поляковъ, 21,000 чешскихъ, венгерскихъ и силезскихъ наемниковъ, 42,000 русскихъ и литовцевъ и 40,000 татаръ, а всего 163,000 человекъ.

нѣсколько задержано, а между тѣмъ они были атакованы съ фронта и съ фланга польскою конницею. Наконецъ вступилъ въ дѣло послѣдній резервъ, русскія дружины, которыя и довершили ударъ поляковъ. Такимъ образомъ вѣроятнѣе всего допустить, что побѣда славянъ надъ нѣмцами не была слѣдствіемъ ихъ численнаго превосходства въ силахъ, но была результатомъ превосходства состава и боевыхъ построеній и соотвѣтствующаго образа дѣйствій въ бою если не всей, то, по крайней мѣрѣ, значительной части славянской арміи: превосходная нѣмецкая рыцарская конница находитъ себѣ достойнаго соперника въ польской кавалеріи, но нѣмцы не имѣютъ войскъ, которыя могли бы быть поставлены наравнѣ съ чешскою пѣхотою Ягайлы и съ массами легкой конницы Витовта; наконецъ, благодаря участію въ сраженіи чешскихъ и русскихъ дружинъ, славянская армія имѣетъ резервы, посредствомъ которыхъ восстанавливаетъ бой, тогда какъ нѣмцы, слѣдующіе обычной тактикѣ рыцарскихъ войскъ, не имѣютъ никакихъ средствъ для парированія случайностей. Такъ или иначе, нельзя не отмѣтить существеннаго превосходства славянскаго военнаго искусства надъ нѣмецкимъ.

Эта побѣда имѣла весьма важное вліяніе на судьбы восточной Европы, такъ какъ съ этихъ поръ Польша заняла первенствующее мѣсто въ славянскомъ мірѣ. Она принесла пользу славянству, такъ какъ приостановила наконецъ движеніе на востокъ тевтонскаго элемента, но принесла и вредъ, такъ какъ способствовала дальнѣйшему усиленію вліянія Польши на Литву и западную Русь и болѣе тѣсному ихъ соединенію.

Преемникъ Ягайлы на польскомъ престолѣ *Владиславъ III* (1434—1444), занявшій также и венгерскій престолъ, задался цѣлью потрясти могущество турокъ, готовившихся въ это время покончить съ Византією. Онъ внесъ войну въ предѣлы Турціи, но погибъ въ сраженіи подъ Варною, и такимъ образомъ эта попытка окончилась неудачею. Братъ его, великій князь литовско-русскій *Казиміръ*, наслѣдовавъ ему на польскомъ престолѣ (1447—1492), вступилъ въ новую борьбу съ тевтонскимъ орденомъ и добился довольно благопріятныхъ результатовъ: западная Пруссія и часть Поморья была уступлена Польшѣ, а орденъ сохранилъ за собою только восточ-

ную Пруссію, которая въ послѣдствіи преобразовалась въ васальное по отношенію къ Польшѣ герцогство ¹⁾).

Такимъ образомъ наступленію нѣмецкаго элемента, хотя и поздно, былъ все таки положенъ предѣлъ, и часть выпадавшей на долю Польши исторической задачи была выполнена, но дальнѣйшее ея рѣшеніе было невозможно, ибо Польша, въ силу слабости своего государственнаго, общественнаго и военнаго устройства, не находилась на высотѣ подобнаго назначенія. При такихъ условіяхъ начала создаваться обстановка, благопріятствовавшая постепенному усиленію Руси Московской, выработавшей въ себѣ прочныя основы государственнаго и общественнаго устройства и долженствовавшей ранѣе или позднѣе занять первое мѣсто въ греко-славянскомъ мірѣ; но для этого ей нужно было еще пережить продолжительный періодъ борьбы внутренней и внѣшней, для чего понадобилось, кромѣ конца среднихъ, еще и значительная часть новыхъ вѣковъ. Такъ или иначе отрицательная роль Польши въ исторіи славянства отразилась и на состояніи военнаго дѣла и военнаго искусства въ восточной Европѣ вообще, главнымъ образомъ въ смыслѣ пріостановки естественнаго хода ихъ развитія и даже задерживающаго вліянія въ отношеніи этого развитія.

Общественное и военное устройство *чеховъ*, первоначально имѣло такія же черты, какъ у поляковъ и точно также, принявъ католичество, они подчинились вліянію западной Европы и особенно германской ея части. Особенное вниманіе у нихъ было обращено на оборону страны укрѣпленными замками, которые строились на высокихъ и крутыхъ горныхъ выступахъ, на островахъ и между рѣками, такъ чтобы можно было передавать отъ одного къ другому сигналы тревоги, въ случаѣ вторженія непріятели. Тогда поселяне отправляли свои семейства и имущества въ эти замки, а сами выжидали врага близъ границъ своихъ земель. При этомъ

¹⁾ Въ 1525 году гросмейстеръ тевтонскаго ордена Альбертъ Бранденбургскій, съ согласія своего дяди, польскаго короля Сигизмунда I (1507—1548), секуляризовалъ въ свою пользу владѣнія ордена и сдѣлался первымъ наследственнымъ прусскимъ герцогомъ, принеся должную присягу польскому королю, какъ своему сюзерену.

пограничные сельскіе жители были обязаны особою пограничною военною службою, за что пользовались особыми льготами и преимуществами.

Попытка *Святополка великоморавскаго* (870—894) образовать великое славянское государство и противовѣсь римско-германской имперіи окончилась неудачею. Моравія и не могла быть центромъ подобнаго государства, а потому и центр тяжести собственно чешскаго государства перешелъ въ Богемію. Когда же польскій король Болеславъ Храбрый повторилъ попытку Святополка, причемъ подчинилъ своей власти и Чехію, то чехи не захотѣли подчиниться владычеству поляковъ, свергли его и осудили себя на подчиненіе римско-германской имперіи, т. е. нѣмцамъ. Хотя при этомъ чешскій князь и сдѣлался королемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался вассаломъ императора и членомъ имперіи. Короли не препятствовали усилению вліянія нѣмцевъ на чешскій народъ, и высшіе классы быстро поддались этому вліянію, но, къ счастью, это не распространилось на остальную часть народа.

Чешское государство имѣло отчасти тѣ же слабыя стороны, что и Польша. Изъ королевъ особенно замѣчательнъ *Оттокаръ II* (1253—1278), который владѣлъ, кромѣ чешскихъ земель, многими нѣмецкими землями и намѣревался занять и императорскій престоль, но встрѣтилъ опаснаго соперника въ Рудольфѣ Габсбургскомъ и погибъ въ бою противъ него на поляхъ Мархфельдскихъ. Въ это время прежнее старинное чешское общественное и военное устройство уже почти совсѣмъ изгладилось и приняло характеръ болѣе или менѣе нѣмецкій, но всетаки сохраняло характеръ оборонительный. Съ восшествіемъ на престоль *Іоанна люксембургскаго* (1310—1346) оно въ значительной степени подчинилось французскому вліянію, но вліяніе это было непродолжительно. Сынъ Іоанна Карлъ былъ избранъ въ императоры подъ именемъ *Карла IV* (1346—1347—1378). Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Силезію, Лузацію и Бранденбургъ и водворилъ, насколько было возможно, порядокъ въ имперіи, не говоря уже о чешскомъ королевствѣ, которое при немъ процвѣтало. Ему наследовалъ старшій сынъ его Венцеславъ или *Влацеславъ IV* (1378—1450—1419), который возбудилъ неудовольствіе многихъ своихъ подданныхъ и особенно сильнѣйшихъ своихъ вассаловъ въ имперіи и ли-

шился императорскоѣ короны, но для Чехіи это имѣло положительное значеніе, ибо, во время происшедшихъ при немъ внутреннихъ смуть, снова получили предпочтеніе и взяли верхъ старочешскія національныя военныя учрежденія, подготовившія почву для послѣдующихъ учрежденій гуситскихъ. По повелѣнію этого короля его подкоморникъ Гаекъ изъ Годетина въ 1413 году возстановилъ и привелъ въ систему древнее чешское военное право и составилъ *военныя артикулы*, превосходившіе опредѣленностью большую часть современныхъ европейскихъ уставовъ.

Уставъ Гаека предписывалъ воинамъ благочестіе и строгочестное поведеніе и устанавливалъ строгую дисциплину. Воины составляли *роты*, дѣлившіяся на болѣе мелкія части, которыми начальствовали *ротмистры*, *сотники*, *пятидесятники* и *капралы*, представлявшіе cadaго изъ подчиненныхъ имъ воиновъ, при уплатѣ жалованья, *войсковому писарю*, имѣвшему значеніе инспектора и осматривавшему ежемѣсячно оружіе, обращая особенное вниманіе на огнестрѣльное. *Войсковой обозъ* имѣлъ значеніе не только хозяйственное, но и боевое. При каждой повозкѣ полагалось имѣть двухъ воиновъ съ щитами и пиками; подъ повозкой должны были висѣть доска и цѣпь, а на повозкѣ надлежало имѣть аркебузу со всѣми принадлежностями, 2 топора, 2 лопаты, 2 скребка, 2 сѣкиры, 2 кирки, 1 рогатку и 1 пику съ крючкомъ и знамя. На походѣ передъ повозкою должны были слѣдовать рабочіе съ необходимымъ инструментомъ для разработки дорогъ и т. п.

Послѣ смерти Венцеслава ему наследовалъ его братъ *Сигизмундъ* (1410—1419—1437), соединившій, къ несчастью Чехіи, корону Св. Вячеслава съ коронами императорскою римско-германскою и королевскою венгерскою и вступившій въ родственныя связи съ австрійскимъ габсбургскимъ домомъ. Все это предвѣщало чехамъ новое утвержденіе нѣмецкаго вліянія, а съ теченіемъ времени и нѣмецкое владычество. Въ то же время, въ связи съ духомъ той эпохи, сводившимся къ выраженію протеста противъ злоупотребленій католицизма, въ Чехіи появился національный религіозный реформаторъ Іоаннъ *Гусъ*, стремившійся къ возстановленію христіанства въ первобытномъ, не искаженномъ римскою церковью, видѣ. Ученіе Гуса начало быстро распространяться

въ Чехіи, но король-императоръ принялъ сторону католицизма и дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ Констанцкимъ соборомъ, приговорившимъ къ сожженію Гуса и его послѣдователя Іеронима Пражскаго, а папа предалъ гуситовъ анаѳемѣ. Но гуситы, руководимые національнымъ духомъ и религиознымъ одушевленіемъ, нашли талантливаго вождя въ лицѣ Іоанна *Жижки*, который усовершенствовалъ вновь возникшее чешское военное устройство и нанесъ войскамъ Сигизмунда и его союзниковъ цѣлый рядъ поражений.

Жижка (1420 — 1424) съ согласія управленій многихъ городскихъ общинъ Чехіи, далъ соотечественникамъ извѣстный „*Воинскій уставъ*“, въ которомъ начала, установленныя Гаекомъ, получили самое широкое развитіе. Онъ установилъ среди подчинившагося ему вооруженнаго народа глубокій религиозный духъ и даже аскетическую суровость, а въ военномъ отношеніи твердый порядокъ и несокрушимую дисциплину. Онъ не забылъ ничего, что могло электризовать массу и держать ее въ уздѣ и вообще придавалъ величайшее значеніе моральной, духовной сторонѣ челоуѣка и сообразно съ этимъ организовалъ свои народныя войска, что придавало имъ такую силу, какая была немыслима для феодальныхъ армій. Однако эти арміи были сильны воинскимъ духомъ, опытны въ умѣнны владѣть оружіемъ и хорошо вооружены. Горожанамъ, ремесленникамъ и крестьянамъ *Жижки*, неопытнымъ въ военномъ дѣлѣ, трудно было состязаться съ рыцарями: пассивная оборона не могла обѣщать успѣха въ такомъ дѣлѣ, какъ возстаніе гуситовъ, а наступленіе было въ высшей степени опасно. Но гений *Жижки* разрѣшилъ эту задачу блистательно.

Гуситы *Жижки*, носившіе наименованіе таборитовъ, дѣлились на двѣ части: *домашнихъ*, занимавшихся ремеслами и земледѣліемъ и доставлявшихъ все необходимое для войны, и *служашихъ въ походъ*, занимавшихся исключительно веденіемъ войны. Тѣ и другіе отъ времени до времени взаимно смѣнялись, имѣя при себѣ свои семейства. Увеличивъ, по возможности, свои военныя средства, *Жижка* научилъ своихъ сподвижниковъ оковывать ихъ пѣпы такимъ образомъ, чтобы они сдѣлались годнымъ для боя оружіемъ, и обратилъ повозки въ боевыя вozy. Пользуясь ими для военныхъ пѣлей, сочетая искусно ихъ расположеніе и боевое построеніе, *Жижка*

даль своимъ войскамъ цѣлыя подвижныя крѣпости или укрѣпленія. На 1,000 человекъ приходилось по 50 возовъ, или на 20 человекъ по 1 возу, запрягавшемуся 2-мя лошадьми цугомъ. Этими возами оцѣплялся сборный пунктъ, укрѣпленный лагерь или *таборъ*, а въ бою изъ нихъ составлялись разнаго вида линіи, проходы и крылья, въ формѣ буквъ латинскихъ *V*, *C*, *E* или греческой Ω . Соединеніе возовъ было такъ искусно, что ихъ можно было расцѣпить и привести въ движеніе на любомъ пунктѣ, въ любое время, для преслѣдованія противника или отступленія.

Передній и задній возы имѣли знамена, служившія для поданія командныхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ маневрированію обоза придавался желаемый порядокъ. Для построенія обозной крѣпости, лошади выпрягались, отглобли поднимались на заднюю часть передняго воза и прикрѣплялись цѣпью. На каждомъ изъ возовъ стояло по 4 воина съ *цупами* и *зудлицами* (аллебардами), перемѣшанные со стрѣлками, имѣвшими частью луки, частью огнестрѣльное оружіе.

За ними, въ проходахъ ¹⁾, стояли *роты*, имѣвшія назначеніе *частныхъ резервовъ*, поддерживавшія и смѣнявшія людей, находившихся на возахъ. Позади на сборномъ пунктѣ, находился *общій резервъ*. Въ бою Жижка составлялъ изъ возовъ, наполненныхъ воинами, два крыла, между которыми располагалъ войска, а кавалерію высылалъ внѣ обозной крѣпости на фланги. Какъ только подавался сигналъ къ сраженію, начальники обоза совершали движенія къ сторонѣ непріятели по извѣстнымъ, предписаннымъ имъ фигурамъ, образуя проходы, которые были извѣстны только таборитамъ, а для противника представляли опасный лабиринтъ; попавъ туда, какъ въ сѣти, онъ не могъ уже оттуда выбраться. При этомъ табориты отрѣзывали и разъединяли непріятельскіе отряды, прорывая ихъ ряды, а затѣмъ пѣхота мечами или цѣпами, или стрѣлки съ возовъ довершали поражение врага. Если отдѣльнымъ людямъ и удавалось выйти изъ лабиринта возовъ, то они попадали въ руки конницы, стоявшей съ наружной стороны обозной крѣпости, а если конницѣ угрожали превосходныя силы противника, то крѣпость быстро откры-

¹⁾ Въ надлежащихъ мѣстахъ проходы запирались тарасами или рогатками.

вала новые проходы, сквозь которые конница также быстро отходила назадъ.

Этотъ боевой порядокъ былъ: а) благодаря строжайшей дисциплинѣ и постояннымъ упражненіямъ, въ должной степени *удобоправляемъ*, б) въ высшей степени *гибокъ*, в) представлялъ необходимую *самостоятельность* своимъ частямъ, г) способствовалъ широкому примѣненію взаимной *поддержки* между своими частями и д) былъ способенъ къ *парированію* какихъ бы то ни было *случайностей*. О сравненіи его съ рыцарскимъ боевымъ порядкомъ не можетъ быть и рѣчи и неудивительно, что, благодаря примѣненію этого порядка и соответственнаго образа дѣйствій въ бою, гуситы Жижки сплошь и рядомъ не только побѣждали феодальныя войска императора и его союзниковъ, но и навели ужасъ на своихъ враговъ, пбо армія Жижки могла быть уподоблена многорукую чудовищу, которое быстро и неожиданно схватывало свою добычу, душило ее, проглатывало ее по кускамъ и уничтожало. Въ то же время способность къ совершенію маршей-маневровъ съ сохраненіемъ должной боевой готовности дала возможность вести самостоятельно операціи, вызывшіяся положеніемъ дѣлъ. Такимъ образомъ національная обозная тактика гуситовъ и соответственная обстановкѣ стратегія хотя и не дала возможности чехамъ-гуситамъ отстоять разъ навсегда свою самобытность въ національномъ и религіозномъ отношеніи, но доставила имъ цѣлый рядъ блестящихъ успѣховъ надъ ихъ врагами и по меньшей мѣрѣ такую же славу въ восточной и отчасти въ западной Европѣ, какую на западѣ ея приобрѣли швейцарцы. Гуситы быстро упрочили за собою репутацію непобѣдимости и вскорѣ наемные чешскіе воины, образовавшіе особые военные союзы, стали призываться въ Венгрію, Германію, Польшу и Русь, и ни одна война въ средней и восточной Европѣ не обходилась безъ ихъ участія. Между тѣмъ въ Чехіи внутреннія несогласія и дробленіе на партіи были (въ 1434—1435) гг. причиною гибели дѣла гуситовъ ¹⁾, торжество котораго обѣщало наилучшіе результаты какъ для Чехіи, такъ и для всего славянства.

¹⁾ Послѣ пораженія у *Липанъ*, между Колиномъ и Каурциномъ 30 мая 1434 года.

Съ теченіемъ времени Чехія посредствомъ брачныхъ союзовъ, попадаетъ подъ власть австрійскаго габсбургскаго дома, сначала только въ качествѣ самостоятельнаго королевства, на условіяхъ личнаго соединенія въ особѣ монарха, но вскорѣ эта связь все болѣе и болѣе упрочивается, и Чехія теряетъ свою самобытность. Еще ранѣе того въ ней одерживаетъ верхъ католицизмъ, а затѣмъ снова вторгается нѣмецкій элементъ. Все это уничтожаетъ своеобразное національное военное устройство Чехія, и только исторія отмѣчаетъ замѣчательную цѣлесообразность этого устройства и великое значеніе чеховъ-гуситовъ какъ въ исторіи военного искусства вообще, такъ и въ частности, по отношенію къ исторіи того же искусства у славянъ.

Значеніе это выражается въ слѣдующемъ: а) гуситы работали первый систематическій военный кодексъ; б) они выяснили значеніе на войнѣ строгой дисциплины и вообще высокаго развитія элемента духовнаго; в) они представили поучительные образцы правильной организаціи народныхъ массъ для вооруженной борьбы; г) они примѣнили къ военнымъ цѣлямъ простѣйшія средства и, благодаря этому, одержали цѣлый рядъ блестящихъ успѣховъ надъ нѣмцами и другими своими сосѣдями; д) они дали замѣчательные образцы сочетанія наступательнаго и оборонительнаго способовъ дѣйствій; ж) они, наконецъ, по меньшей мѣрѣ наравнѣ съ швейцарцами, возвысили значеніе пѣхоты, способствовали ея окончательному возрожденію и завоеванію ею подобающаго ей мѣста главнаго рода оружія и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ швейцарцами, провели рубежъ между средними и новыми вѣками съ военной точки зрѣнія.

Изъ остальныхъ славянъ хорваты, сербы и болгары образовали было независимыя государства, достигавшія даже значительной степени могущества, но, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и безурядицъ и вообще вслѣдствіе непрочности и неустойчивости своего государственнаго, общественнаго и военнаго устройства, не могли устоять въ борьбѣ противъ хищныхъ сосѣдей. Власть надъ Хорватіею была захвачена венгерскими королями, а вмѣстѣ съ Венгріею *хорваты* и нѣкоторые другіе второстепенные славянскіе народы попали въ роковой и гибельный для нихъ водоворотъ, олицетворившійся въ видѣ системы государствъ-владѣній габсбургскаго дома.

Сербы, 15 іюня 1389 г., на Коссовомъ полѣ были разбиты на голову турецкимъ султаномъ Мурадомъ, а вскорѣ послѣ того лишились своей самобытности и подпали подъ владычество турокъ. Ихъ участь раздѣлили и *болгары*.

Въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ положеніе дѣлъ въ греко-славянскомъ мірѣ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: византійская имперія пала подъ ударами османскихъ турокъ, основавшихъ обширное и могущественное государство, угрожавшее какъ западной, такъ и восточной Европѣ. Турки подчинили своему владычеству всѣ народы Балканскаго полуострова, въ томъ числѣ изъ славянъ болгарь и сербовъ. Чехи, словаки, хорваты, словенцы и закарпатскіе русины вошли или были близки къ вступленію въ сферу вліянія образующейся постепенно нѣмецкой габсбургской монархіи; лужицкіе сербы (венды), лутичи и поморяне были завоеваны нѣмцами и болѣе или менѣе онѣмечены. Поляки, отступивъ на востокъ передъ нѣмцами, по соединившись случайно съ Литвою и Западною Русью, хотя и приостановили дальнѣйшее движеніе нѣмцевъ на востокъ, но сами начали распространяться въ томъ же направленіи въ ущербъ своимъ братьямъ-русскимъ, при чемъ не только не создали у себя условій благоприятныхъ для прогрессивнаго развитія государственнаго, общественнаго и военнаго устройства новаго польско-литовско-русскаго государства, но напротивъ того дали возможность утвердиться въ этомъ государствѣ безпорядку, перешедшему въ анархію, въ отношеніи государственно-общественномъ, и застою, перешедшему въ разстройство, въ отношеніи военномъ. Мало того, они же преградили общеніе съ западною Европою Руси Московской, которой понадобилось еще много времени для того, чтобы устранить условія, задерживающія ея развитіе. Въ общемъ для развитія военнаго дѣла въ греко-славянскомъ мірѣ установились условія въ высшей степени неблагоприятныя. Между тѣмъ въ то же время въ западной римско-германской Европѣ установился порядокъ отношеній, способствовавшій возникновенію новой системы государственно-общественнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военнаго устройства. Такимъ образомъ начавшееся движеніе западной Европы впередъ совпало съ задержкою подобнаго же движенія восточной Европы, вслѣдствіе чего восточная Европа должна была неминуемо отстать отъ западной.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ.

Въ общемъ въ военномъ дѣлѣ передовой части всей Европы произошелъ переворотъ, выразившійся въ *возрожденіи мхоты*, завоевавшей себѣ подобающее ей мѣсто главнаго рода оружія. Съ этихъ поръ стало возможнымъ нормальное развитіе военнаго искусства. Поэтому конецъ XV вѣка и слѣдуетъ считать концомъ среднихъ вѣковъ съ военной точки зрѣнія, каковое дѣленіе совпадаетъ и съ общимъ дѣленіемъ всемірной исторіи. Подводя итоги среднимъ вѣкамъ, съ точки зрѣнія военнаго искусства, можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Не надлежитъ сомнѣнію, что и въ средніе вѣка были военные люди и въ ихъ числѣ полководцы, которые, при другой обстановкѣ, могли бы стать на равнѣ съ великими полководцами древнихъ вѣковъ, но своеобразный порядокъ государственнаго устройства и общественныхъ отношеній въ западной Европѣ, въ связи съ одностороннимъ и ненормальнымъ развитіемъ военнаго дѣла, создавали обстановку, неблагоприятную для того, чтобы дѣятельность мастеровъ искусства могла развернуться въ надлежащихъ размѣрахъ и въ полномъ блескѣ.

Такіе мастера искусства могли бы оказаться скорѣе въ мірѣ азіатскомъ, какъ на примѣръ Тамерланъ, или въ мірѣ греко-славянскомъ, какъ на примѣръ Жижга, но въ первомъ случаѣ непрочность государственно-общественнаго устройства и культурная слабость восточныхъ монархій, а во второмъ неблагоприятныя политическія и культурно-цивилизационныя отношенія имѣли слѣдствіемъ (въ первомъ случаѣ) недостаточность данныхъ для должной оцѣнки восточныхъ полководцевъ и (во второмъ) невѣрное освѣщеніе и неправильную оцѣнку дѣятельности полководцевъ греко-славянскихъ.

2) Даже у полководцевъ западной Европы можно замѣтить нѣкоторыя общія черты съ великими мастерами искусства

древнихъ вѣковъ. Этотъ выводъ нисколько не ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что номинальные главнокомандующіе феодальныхъ армій сплошь и рядомъ сражались, какъ простые воины, ибо нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ управленіе боемъ переходило въ руки ихъ ближайшихъ помощниковъ или фактическихъ главнокомандующихъ, какимъ явился напримѣръ епископъ *Гаренъ* въ сраженіи при Бувинѣ 1214 г. Англійскіе полководцы, Эдуардъ III, сынъ его, Черный Принцъ, и Генрихъ V дѣйствуютъ весьма цѣлесообразно въ области какъ тактики, такъ и стратегіи, а дѣятельность императора Фридриха I, въ 3-мъ крестовомъ походѣ, въ особенности съ точки зрѣнія стратегіи, принадлежитъ къ числу образцовъ высокопоучительныхъ въ смыслѣ положительномъ. Вообще же чѣмъ болѣе благопріятствуютъ обстановка и чѣмъ даровитѣе тотъ или другой полководецъ, тѣмъ болѣе рельефно выступаетъ это сходство. Что же касается полководцевъ греко-славянскаго и восточнаго міровъ, то у нихъ эти общія черты выступаютъ еще болѣе рельефно.

3) Въ общемъ дѣятельность болѣе выдающихся полководцевъ среднихъ вѣковъ и вообще вся военная исторія этихъ вѣковъ не только не представляетъ ничего умаляющаго значенія выводимыхъ на основаніи таковой же исторіи древнихъ вѣковъ основныхъ началъ военнаго искусства, но, напротивъ того, подтверждаетъ справедливость этихъ началъ и съ этой точки зрѣнія значеніе среднихъ вѣковъ въ общей сокровищницѣ исторіи гораздо болѣе, чѣмъ это обыкновенно принято полагать.
